КАК ПРИРУЧИТЬ ДРАКОНА

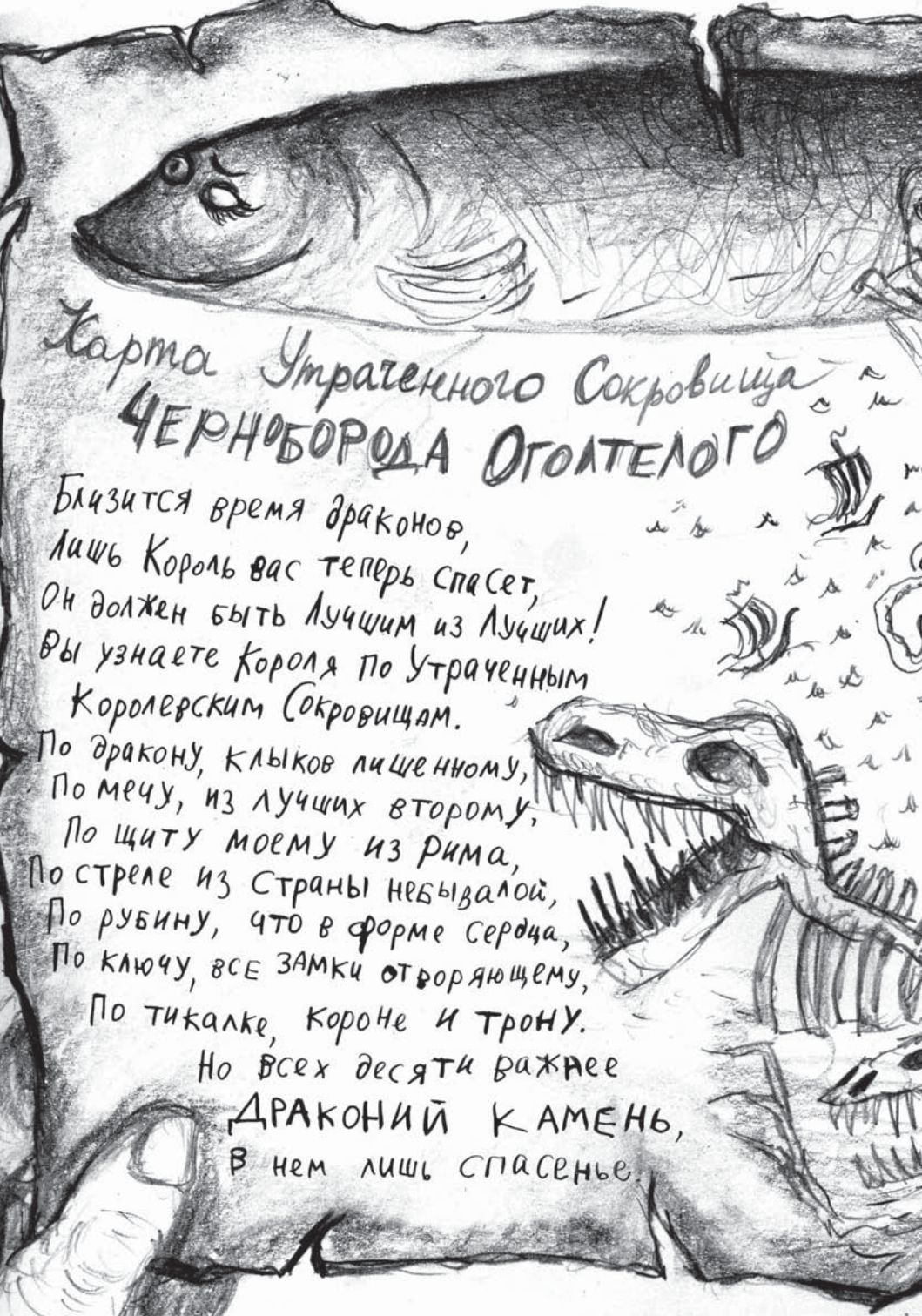
КНИГА 10

КАК ОТЫСКАТЬ ДРАКОНИЙ КАМЕНЬ

ПРИШЛО ВРЕМЯ СТАТЬ ГЕРОЕМ!

КРЕССИДА КОУЭЛЛ

АЗБУКА

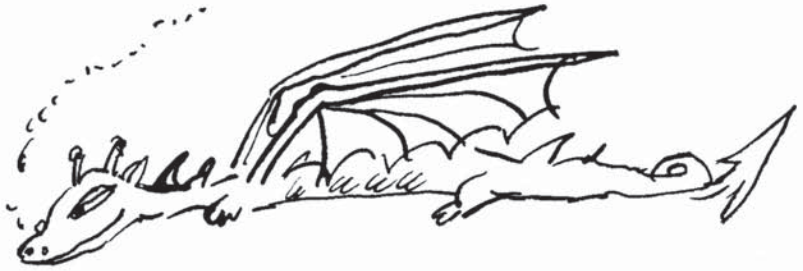

Карта Утраченного Сокровища
ЧЕРНОБОРОДА ОГОЛТЕЛОГО
Близится время драконов,
лишь Король вас теперь спасет,
Он должен быть Лучшим из Лучших!
Вы узнаете Короля По Утраченным
Королевским Сокровищам.
По дракону, клыков лишенному,
По мечу, из лучших второму,
По щиту моему из рима,
По стреле из Страны небывалой,
По рубину, что в форме сердца,
По ключу, все замки отворяющему,
По тикалке, короне и трону.
Но всех десяти важнее
ДРАКОНИЙ КАМЕНЬ,
В нем лишь спасенье.

ИСТЕРИЯ
ХЛЯБИ
БОЙ БАБЬИ ОСТРОВА
ДРАКОНИЙ КАМЕНЬ
ЗДЕСЬ, в зеркальном Лабиринте
ЯНТАРНЫХ РАБОВЛАДЕНИЙ
ТЮРЬМА ЧЕРНОЕ СЕРДЦЕ
ЗЫБЬ
ЗАЛИВ ДРАКОНЬИХ СКЕЛЕТОВ

КАК ПРИРУЧИТЬ
ДРАКОНА

Совершенно необязательно читать книги Иккинга
по порядку. Но если вам очень хочется,
то порядок такой:

1. Как приручить дракона
2. Как стать пиратом
3. Как разговаривать по-драконьи
4. Как перехитрить дракона
5. Как разбудить дракона
6. Как одолеть дракона
7. Как разозлить дракона
8. Как освободить дракона
9. Как украсть Драконий меч
10. Как отыскать Драконий Камень
11. Как предать Героя
12. Как спасти драконов



ВНИМАНИЕ!

Если вам вдруг покажется, будто события этой книги имеют какое-то отношение к реальным историческим фактам, имейте в виду — это

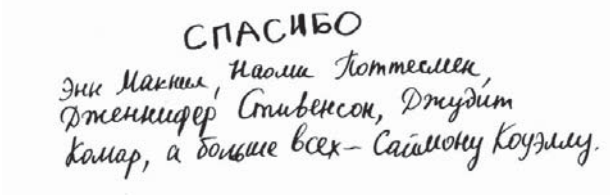
ЧИСТАЯ СЛУЧАЙНОСТЬ.

МЫ ВАС ПРЕДУПРЕДИЛИ!

УДК 087.5
ББК 84(4Вел)-44
К 73

Cressida Cowell
HOW TO SEIZE A DRAGON`S JEWEL
Text and illustrations copyright © 2012 by Cressida Cowell
Originally published in Great Britain in 2012 by Hodder Children`s Books
All rights reserved

Перевод с английского *Анастасии Кузнецовой*
Серийное оформление и иллюстрация на обложке *Екатерины Платоновой*
Иллюстрации в тексте *Крессиды Коуэлл*



Коуэлл К.

К 73 Как отыскать Драконий Камень : повесть / Крессида Коуэлл ; пер. с англ. А. Кузнецовой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 384 с. : ил. — (Как приручить дракона).

ISBN 978-5-389-10006-0

Уже год бушует война между драконами и людьми. Уже год, как все викингские племена склонились перед Элвином Вероломным, признав его будущим Королем Дикозапада, а Иккинг Кровожадный Карасик III остался почти в одиночестве, не считая верных драконов. Но настоящим Королем может стать только тот, кто соберет все десять Утраченных Королевских Сокровищ. Иккингу удалось отыскать девять из них. Восемь отобрал у него Элвин, только одно — маленький дракон Беззубик — осталось при Иккинге. Но самое ценное, самое судьбоносное Сокровище, Драконий Камень, пока никто не нашел.

Но стоит ли его искать? Ведь Драконий Камень может погубить всех драконов на свете. Что, если Иккинг отыщет его, а Камень опять попадет в дурные руки? Кто знает, как повернется Судьба…

УДК 087.5
ББК 84(4Вел)-44

© А. А. Кузнецова, перевод, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-10006-0

КАК ОТЫСКАТЬ ДРАКОНИЙ КАМЕНЬ

Сочинил ИККИНГ
КРОВОЖАДНЫЙ КАРАСИК III

Перевела с древненорвежского
КРЕССИДА КОУЭЛЛ

АЗБУКА
Санкт-Петербург

Иккинг
(герой этой истории)
Одинклык
(охотничий дракон Иккинга)
Эггингарда
Беззубик
(охотничий дракон Иккинга)
Стоик Обширный
(папа Иккинга)

Этот самовлюбленный злодей
ЭЛВИН
Вероломный
(ныне и.о. Короля Дикозапада)
Злая ведьма
ЭКСЕЛЛИНОР
(мама Элвина)
ВЕТРОГОН
(ездовой дракон Иккинга)

Иккинг Кровожадный
Карасик III

Пролог, написанный Иккингом Кровожадным Карасиком III, последним из великих героев-викингов

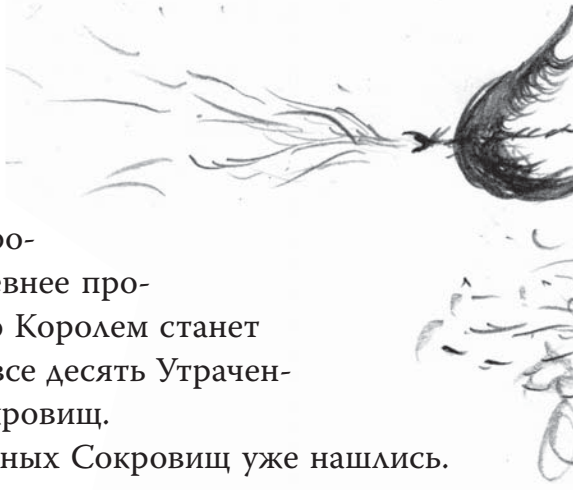
Мужество

Дорогой читатель, если ты и впрямь хочешь узнать, что случилось со мной, тебе понадобится мужество.

Это не последний том моих мемуаров. Но история становится все мрачнее, и даже мне самому требуется мужество, чтобы записать ее.

Я оглядываюсь назад, в те времена, когда в свои четырнадцать лет я был Изгнанником. Всех драконов в наших краях охватила АлаЯрость, и началось Драконье восстание. Разразилась Великая Война между людьми и драконами. Викингов возглавил ужасный злодей Элвин Вероломный, которым вертела как хотела ведьма Экселлинор, его мамочка, тоже злодейка и даже похуже. А драконье воинство вел дракон Ярогнев, и целью себе он поставил ни много ни мало — истребление всего викингского народа.

И Ярогнев побеждал.



Викингов могло спасти только одно: появление нового Короля Дикозапада. А древнее пророчество гласило, что Королем станет тот, у кого окажутся все десять Утраченных Королевских Сокровищ.

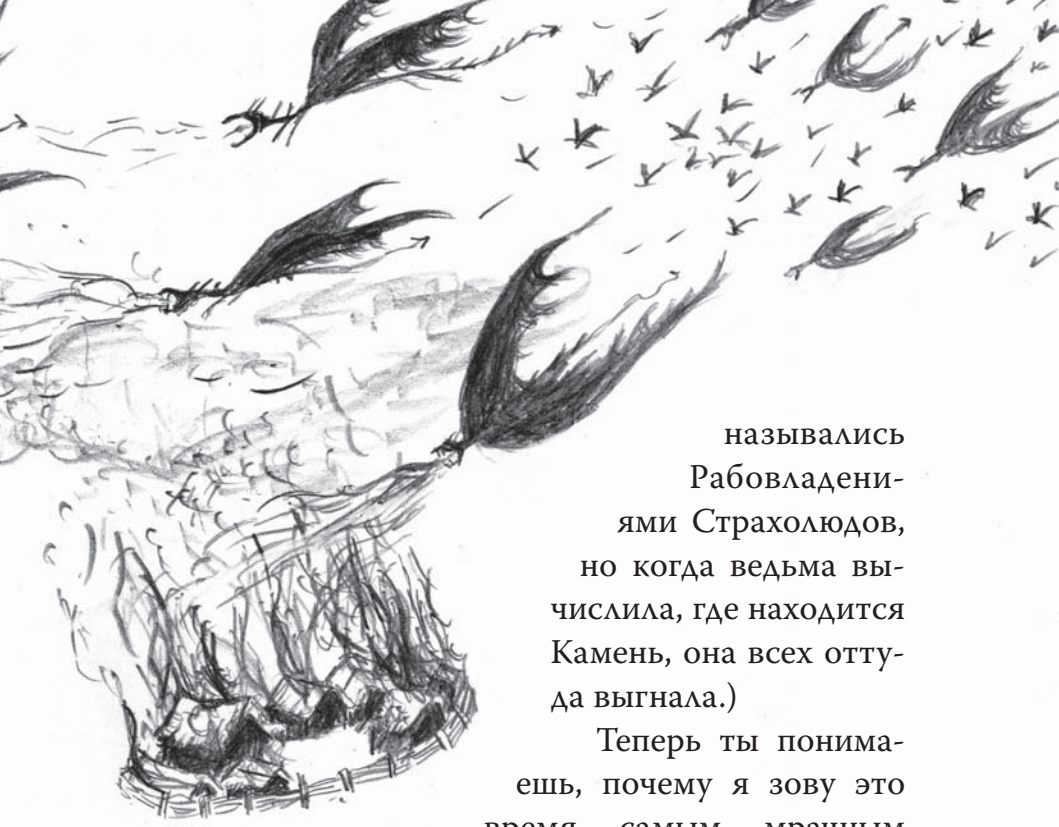
Девять из Утраченных Сокровищ уже нашлись. Но самое драгоценное и важное оставалось утраченным: Драконий Камень. Этот Камень обладал властью уничтожить драконов навсегда… Он был единственным, чего боялся Ярогнев.

Восемь Утраченных Сокровищ захватил Элвин Вероломный. У меня, Иккинга Изгнанника, осталось только одно: мой маленький охотничий дракон по имени Беззубик. Но у меня еще была карта Чернобородa Оголтелого. Она указывала путь к месту, где спрятан Камень.

И поэтому на меня, Врага и Предателя Номер Один, охотились по всему архипелагу и люди, и драконы. Листовки с требованием моей смерти висели на сотнях обгорелых древесных стволов.

В свои четырнадцать лет я остался совершенно один, не считая трех спутников-драконов.

Мятежные драконы выгнали мое племя с острова Олух. Моего отца Стоика и моего друга Рыбьенога викинги обратили в рабство и отправили в Янтарные Рабовладения. (Раньше-то эти земли



назывались Рабовладениями Страхолюдов, но когда ведьма вычислила, где находится Камень, она всех оттуда выгнала.)

Теперь ты понимаешь, почему я зову это время самым мрачным в моей жизни?

Мне приходилось надеяться, что в конце концов все наладится и маленькие радости и счастье мирной жизни вернутся.

Мне приходилось помнить об этом среди огня, когтей и клыков.

Мне приходилось хранить *Мужество*.

РОЗЫСК

Иккинг Кровожадный Карасик III

ИЗГНАННИК

УБИТЬ НА МЕСТЕ

(Его охотничьего дракона схватить живьем. Он нужен на королевской службе.)

Элвин Вероломный

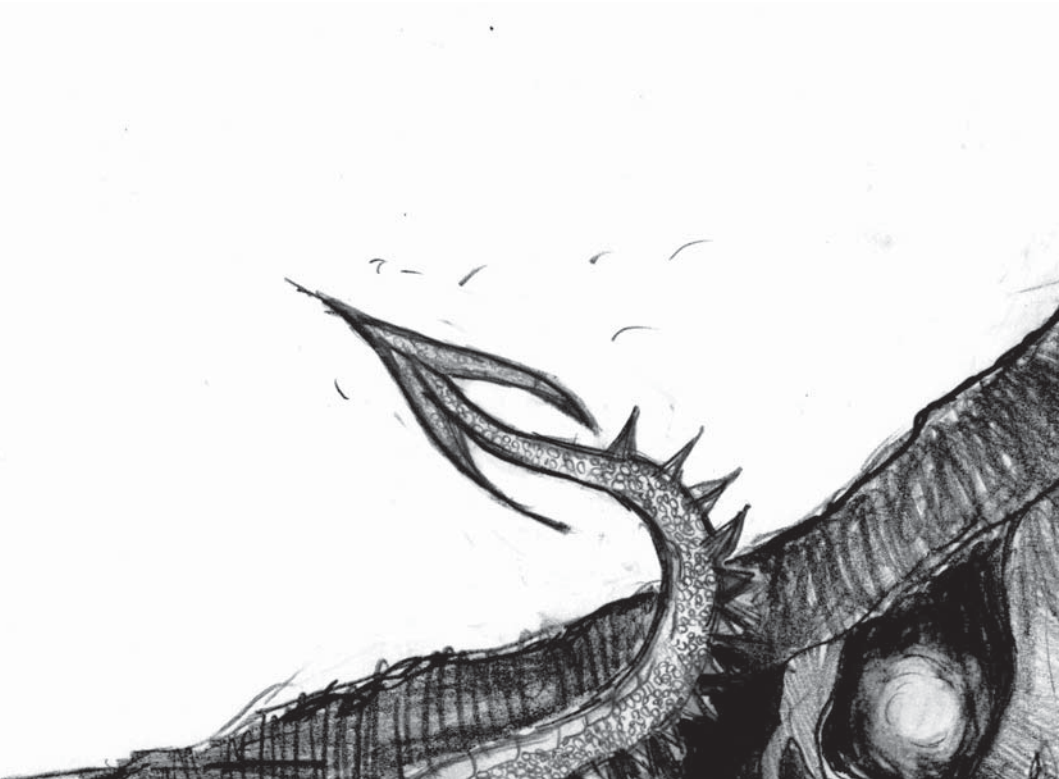
Ведьма Эксельмор

ПРОРОЧЕСТВО ОБ
УТРАЧЕННЫХ КОРОЛЕВСКИХ СОКРОВИЩАХ

Близится время драконов,
Лишь Король вас теперь спасет,
Он должен быть Лучшим из Лучших!

Вы узнаете Короля
По Утраченным Королевским Сокровищам.
По дракону, клыков лишенному,
По мечу, из лучших второму,
По щиту моему из Рима,
По стреле из страны небывалой,
По рубину, что в форме сердца,
По ключу, все замки отворяющему,
По тикалке, короне и трону.

Но всех десяти важнее
Драконий Камень,
В нем лишь спасенье.



1. ВОИН

Однажды холодной лунной зимней ночью на верхушке дерева в Забытом лесу сидел, замерев в вышине, словно ангел смерти, высокий и статный воин.

Воин охотился. Он шел по следу Изгнанника много дней. И вот скоро он убьет этого негодяя, врага всего Дикозапада.

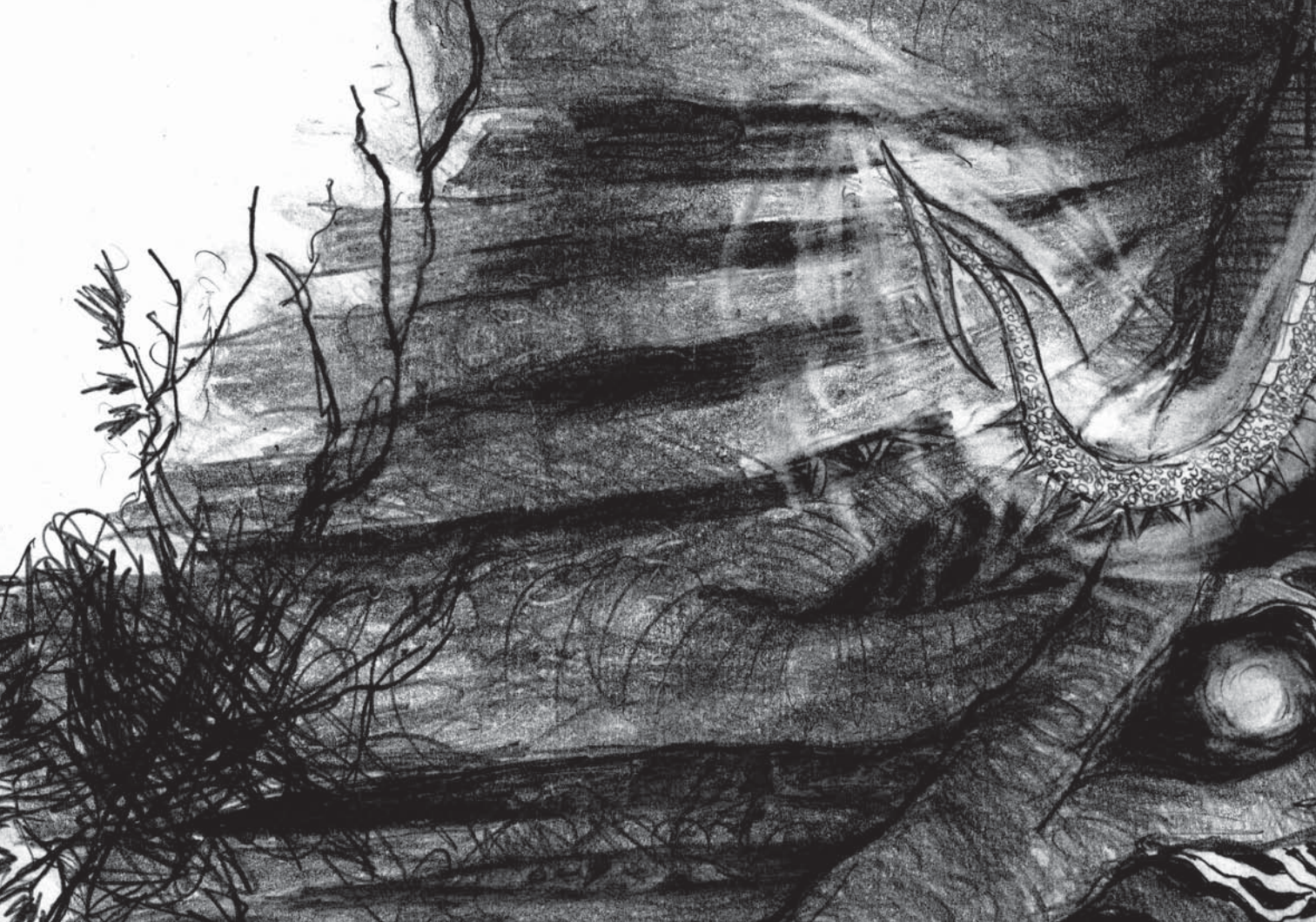
Забрало шлема было опущено. Меч ждал своего часа в руке. Воин был неподвижен, как статуя, только пронзительно-голубые глаза обшаривали вьющуюся далеко внизу лесную тропинку.

В те времена драконы с людьми враждовали и людям было строжайше запрещено ездить на огнедышащих ящерах. Однако этот воин, как ни удивительно, восседал на спине дракона, лениво, но чутко вытянувшегося вдоль толстой ветки дерева. Это был воздушный дракон цвета чистейшего серебра, очень-очень редкий и очень-очень опасный. Он тоже смотрел на заснеженную тропинку внизу, и лишь остроконечный хвост его подергивался медленно и ритмично, как у кошки.

Стояла тишина. Воин ждал. Вдруг он насторожился, его глаза под черной решеткой забрала широко распахнулись.

Вдалеке по тропинке среди леса двигался человек. И это был Изгнанник, Враг, которого он и ждал.

Воин удовлетворенно хмыкнул и сел чуть прямее.



Если бы вы могли рассмотреть Изгнанника вблизи (а воин этого сделать не мог, слишком уж высоко он забрался), то удивились бы, как мало у него общего с большинством Изгнанников-Отщепенцев. Трудно было поверить, что этот человек всего два часа назад освобождал драконов прямо из-под носа у Гостедавов, действуя с ловкостью и уверенностью героя.

Это был мальчик лет четырнадцати, тощий и весьма непримечательный на вид. На лбу у него выделялась темно-лиловая метка в виде дракона, которую люди называли Клеймом раба. Звали его Иккинг Кровожадный Карасик III.

Иккинг уже год не спал в кровати, все по кронам деревьев да в пещерах. Питался он орехами и ягодами и тем, что удавалось, трясясь от страха, стянуть в спящих викингских деревнях. День за днем рисковал он жизнью, ломая капканы, поставленные викингами на драконов, и постоянно удирая и от людей, и от

их жутких противников. Мятежные драконы преследовали его неустанно.

Поэтому сейчас, в лунном свете, Иккинг выглядел таким, каким был на самом деле. Испуганным, одиноким.

С головы до ног его закрывал огнеупорный костюм из драконьей кожи, рваный и изодранный о колючки и ветки. Мальчик был грязный и чумазый. От напряжения и страха погони его движения сделались скованными, мышцы нет-нет да сводило судорогой.

Иккинг хромал, под глазом у него темнел свежий синяк. Рядом трусил его ездовой дракон. Ветрогон так вымотался, что выдыхал большие клубы пара, поэтому мальчик не ехал на нем верхом.

Вокруг головы Иккинга порхали два крошечных охотничьих дракона: очень старый, по имени Одинклык, с потрепанными и рваными крылышками, и очень юный, по имени Беззубик, ярко-зеленый, как трава, — самый капризный и суматошный дракончик во всем архипелаге.

Все четверо перешептывались по-драконьи.

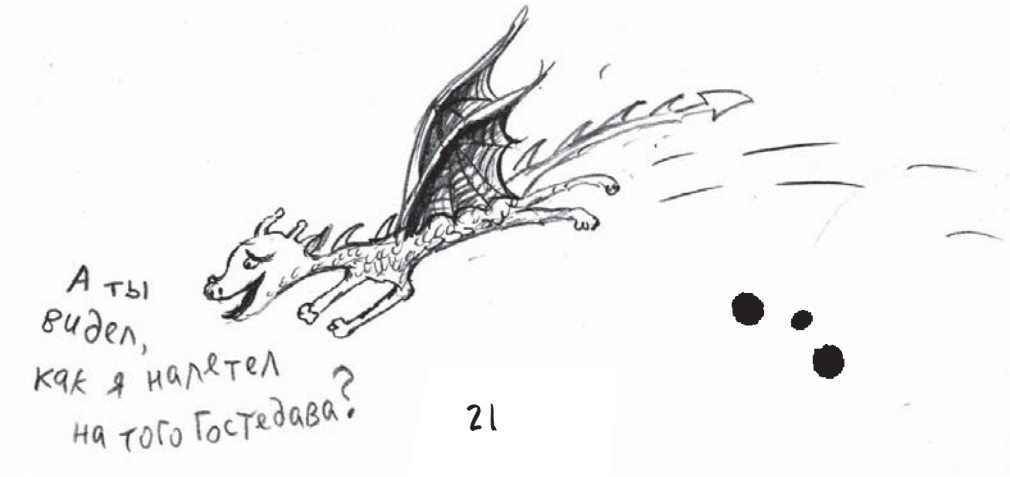
— **Говорю тебе, Иккинг,** — увещевал Одинклык тонким дребезжащим голосом, — **твоя Геройская Задача проще некуда. Тебе надо отыскать Драконий Камень, добраться до острова Завтра и надеть корону Короля Дикозапада. Тогда народ Завтра откроет**

Твоя Геройская Задача проще некуда

тебе тайну Драконьего Камня, и ты сможешь остановить эту глупую войну и спасти драконов и людей от истребления.

— Не-нет, ты вид'дел? — пищал Беззубик. — Видел, как я на-налетел на того Гостедава? Разве я не умниц'ца? Разве не здорово? Разве я не ве-великолепен?

— Да, ты был великолепен, Беззубик, — отозвался Иккинг, — но не мог бы ты немного помолчать. Лесные драконы сейчас спят, и мне вовсе не хочется их будить.



Он потер загривок и вздохнул. Как же он по всем соскучился... Жизнь Изгнанника очень-очень одинока.

— На деле, Одинклык, все куда сложнее. Люди должны сами захотеть меня — раба, Изгнанника — в Короли. Нужны настоящие приверженцы-люди, а не только вы трое. И нужно собрать все Утраченные Сокровища, а восемь из них теперь у Элвина.

— У те-тебя есть я! — пропищал Беззубик, приземляясь Иккингу на руку. — Б'бе-беззубик — одно из Утраченных Сокровисч'ч, самое лу-у-учшее!

— Беззубик, — мягко напомнил Ветрогон, — хвастаться плохо...

— Ладно, — согласился Беззубик, помрачнев. — Б'бе-беззубик просто самый луч'чший... а? Пожа-а-алуйста!

— Карта говорит, что Камень находится в Янтарных Рабовладениях, — продолжал Одинклык. — Так почему мы здесь, а не там?

— Потому что чутье мне подсказывает, что Камня там нет, — ответил Иккинг.

— Нет, потому что твои помыслы заняты другим Геройским Походом, — с жаром за-

явил Одинклык. — **Ты хочешь отыскать своего друга Рыбьенога и своего отца. Признайся, именно поэтому мы здесь.**

Это была правда. После того как дракон Ярогнев сжег остров Олух, многие Хулиганы, по слухам, бежали в эти края.

— **Ладно,** — признал Иккинг. — **Я беспокоюсь за Рыбьенога. Он же всегда вроде как полагался на меня.**

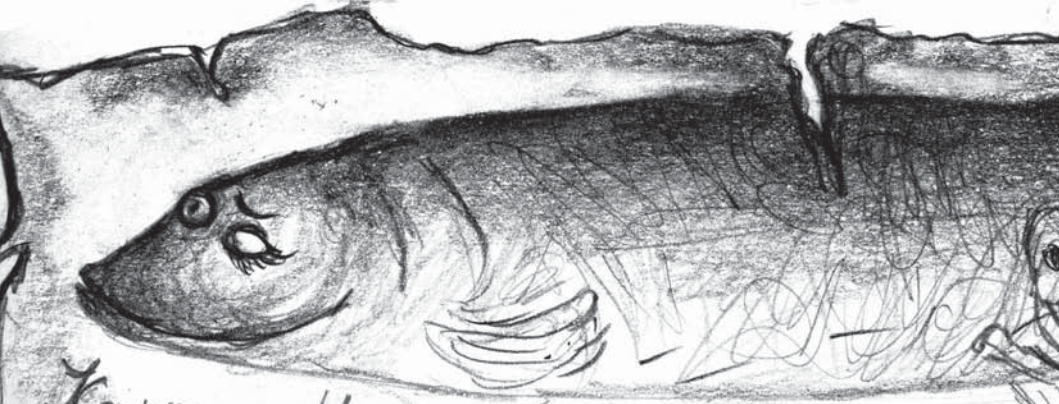
Рыбьеног уродился слабым и болезненным. Четырнадцать лет назад его вынесло волнами на берег Олуха. И поскольку родителей у него не было, Иккинг присматривал за ним и как мог не позволял другим Хулиганам слишком его обижать.

— **А это мешает твоему истинному Походу,** — перебил Одинклык, — **поискам Драконьего Камня.**

— **Да не очень-то и мешает,** — возразил Иккинг. — **Я все равно считаю, что Камня в Янтарных Рабовладениях нет, что бы там ни говорила карта.**

Они шли уже очень долго и остановились передохнуть под деревом. Как раз под тем, где сидел воин. Иккинг извлек карту.

Карта была очень подробная. Там были очень тщательно и красиво нарисованы Янтарные Рабовладения с Зеркальным Лабиринтом и тюрьмой Черное Сердце. А в самой середине этого всего



Карта Утраченного Сокровища ЧЕРНОБОРОДА ОГОЛТЕЛОГО

Близится время драконов,
лишь Король вас теперь спасет,
Он должен быть Лучшим из Лучших!
Вы узнаете Короля по Утраченным
Королевским Сокровищам.
По дракону, клыков лишенному,
По мечу, из лучших второму,
По щиту моему из рима,
По стреле из Страны небывалой,
По рубину, что в форме сердца,
По ключу, все замки отворяющему,
По тикалке, короне и трону.
Но всех десяти важнее
ДРАКОНИЙ КАМЕНЬ,
В нем лишь спасенье.

ИСТЕРИЯ
ХЛЯБИ
ДРАКОНИЙ КАМЕНЬ
ЗДЕСЬ, В ЗЕРКАЛЬНОМ ЛАБИРИНТЕ
БОЙ БАБЫ ОСТРОВА
ЗЫБЬ
ЯНТАРНЫХ РАБОВЛАДЕНИЙ
ТЮРЬМА ЧЕРНОЕ СЕРДЦЕ
ЗАЛИВ ДРАКОНЬИХ СКЕЛЕТОВ

красовался Драконий Камень, услужливо помеченный большой стрелкой и заглавными буквами.

Три дракона уставились на карту через плечо Иккинга. Сидевшие наверху, зловещие и невидимые в кронах деревьев, воин и его дракон сделали то же самое.

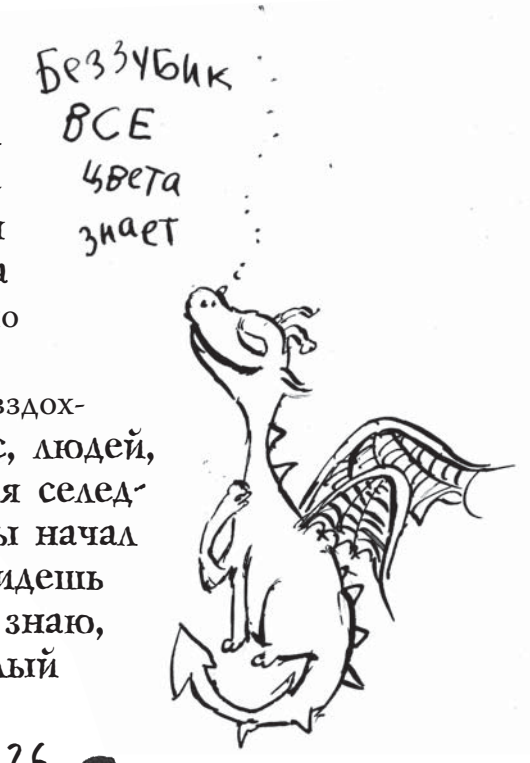
— **Глядите,** — сказал Иккинг, указывая на большую рыбу — такую длинную, что она занимала всю верхнюю часть карты. — **Что это такое?**

Уж кто-кто, а живущие морем драконы и викинги в рыбах разбираются.

— **Рыба семейства сельдевых,** — изрек Одинклык.

— **А какого она цвета?**

— **Кр-р-красная!** — гордо выпалил Беззубик. — **Спроси меня еще! Я все-все цвета знаю,** — доверительно сообщил он Ветрогону.



— **Понимаете,** — вздохнул Иккинг, — **у нас, людей, выражение «красная селедка» означает, что ты начал не с того или идешь не туда. Насколько я знаю, Чернобород Оголтелый**

отличался редким коварством. По-моему, он намекает нам, что Камень вовсе не в Рабовладениях. А ты как думаешь, Одинклык?

Одинклык был настолько стар, что знавал Черноборода Оголтелого лично, хотя Оголтелый жил больше ста лет назад. Дракон погрузился мыслями в прошлое, вспоминая этого страшного человека. Память подтвердила, что Чернобород был самым коварным хитрецом после великого обманщика бога Локи.

— **Хмм,** — произнес Одинклык. — **А ведь и правда, шутка как раз в духе Черноборода.**

И в самом деле, какой может быть Зеркальный Лабиринт в тюрьме Черное Сердце? Ведь обстановка там наверняка самая неприхотливая, не до зеркал…

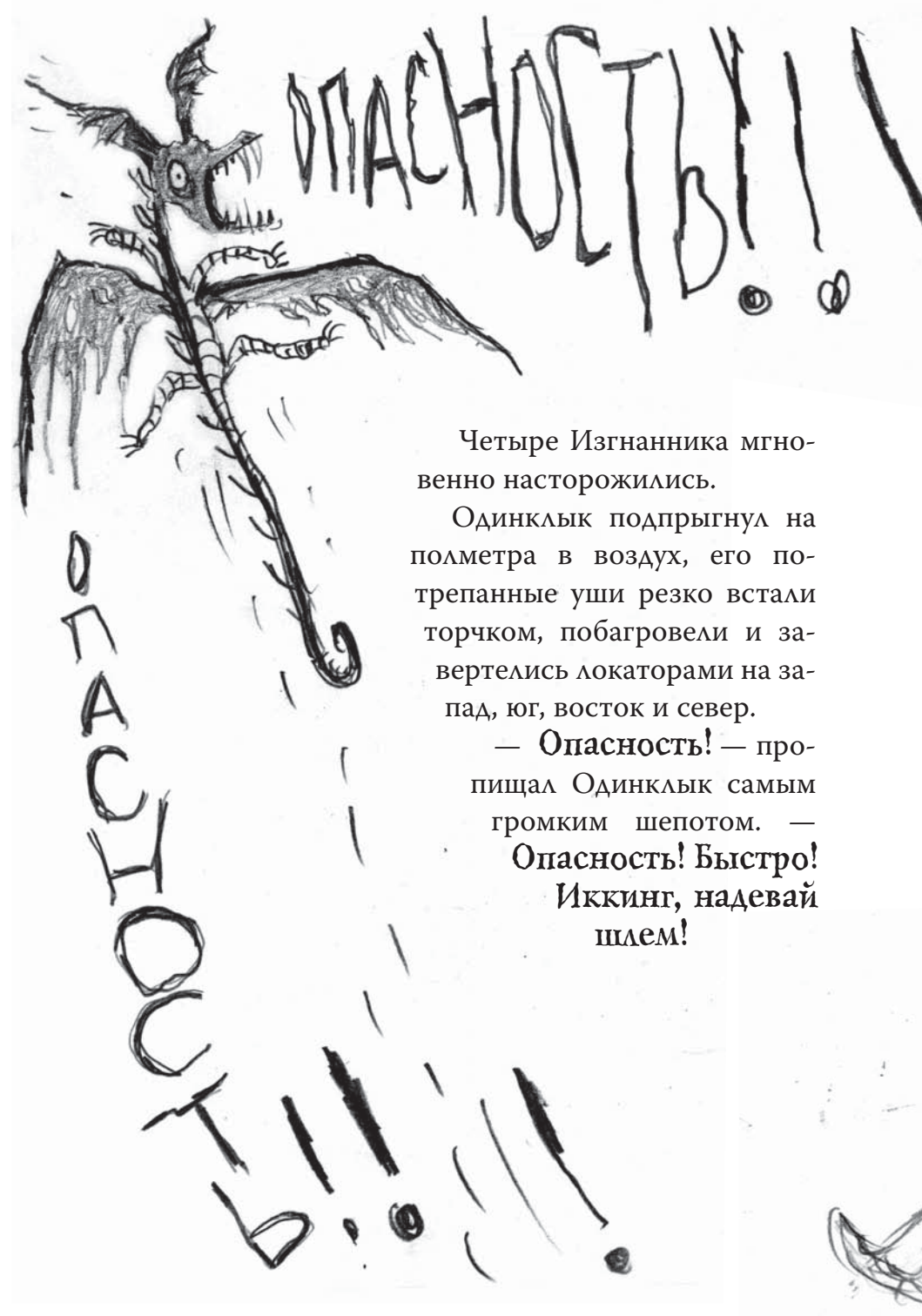
Тут Одинклык многозначительно поднял бровь:

— **Но это может быть двойной блеф...**

— **Итак,** — произнес тихий мягкий голос усталого Ветрогона, — **если Драконий Камень не в Янтарных Рабовладениях, тогда где он?**

— **Вот в том-то и загвоздка,** — сказал Иккинг и широко раскинул руки. — **Он может быть где угодно!**

В этот миг сверху раздался отчетливый шорох — затаившиеся воин и дракон вытянули шеи, с интересом вглядываясь в карту, и слегка пошевелили ветку.



Четыре Изгнанника мгновенно насторожились.

Одинклык подпрыгнул на полметра в воздух, его потрепанные уши резко встали торчком, побагровели и завертелись локаторами на запад, юг, восток и север.

— **Опасность!** — пропищал Одинклык самым громким шепотом. — **Опасность! Быстро! Иккинг, надевай шлем!**

— Ой... не, ребят, ну правда... он слишком большой... мне проще драться без него...

Но драконы насели на мальчика, трое на одного.

— Он тебе нужен! — шептал Одинклык. — Забыл, как чуть не потерял ухо там, на острове Драчунов? А как отравленная стрела лишь чудом пролетела мимо, когда ты ломал драконьи капканы у Гостедавов?

— **А когда тебе Головотяпы едва башку не оттяпали?** — Ветрогон нервно расхаживал взад-вперед.

— **Шлем от головотяпства не спасет,** — возразил Иккинг.

— **Одинклык пр-р-рав!** — поддакнул Беззубик.

В последнее время он все чаще соглашался со стариком.

Пища от натуги, Одинклык с Беззубиком сняли отвергнутый шлем с рюкзака Иккинга, на котором он был приторочен сверху, и с помощью Ветрогона бережно нахлобучили хозяину на голову.

Этот старый шлем они украли пару недель назад у Гостедавов, и сидел он очень плохо.

— **В нем правда неудобно,** — пробурчал Иккинг. — **К тому же эти перья делают меня**

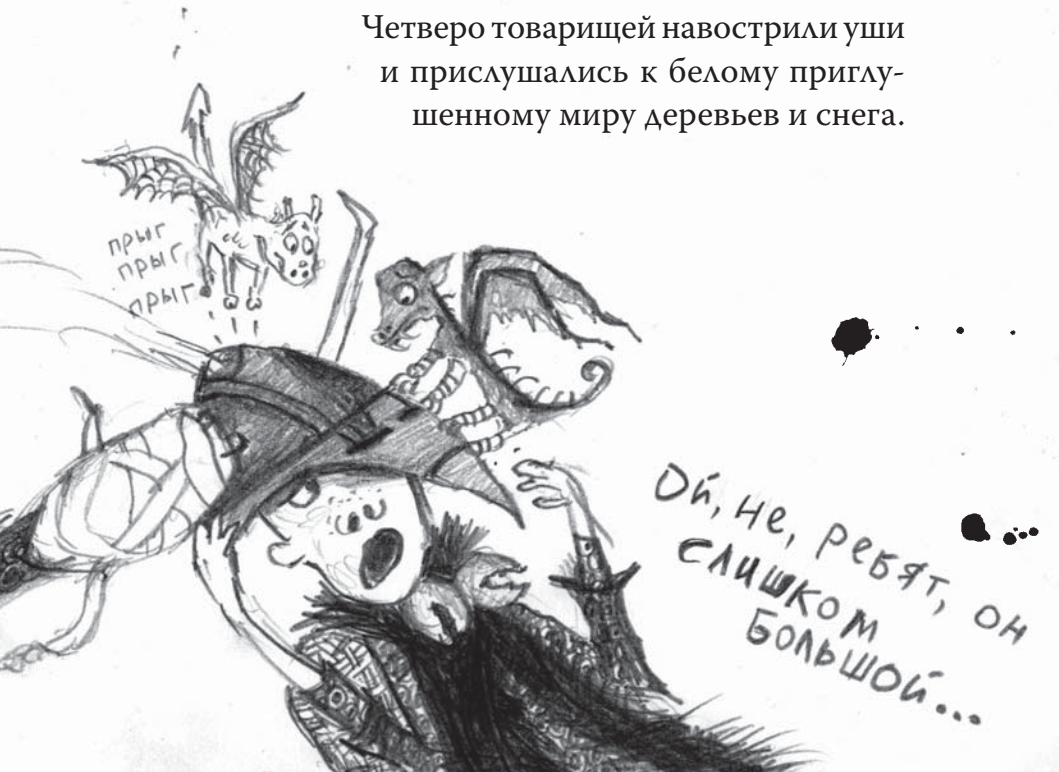
слишком заметным. Понимаете, мне же полагается не отсвечивать. Изгнанник должен сливаться с местностью...

— Тсс... — Одинклык прижал кончик крыла ко рту. — Говорил же я. Мне здорово сдается, что Ярогнев послал за тобой какого-то нового дракона... По-настоящему кошмарного...

— Да, Одинклык, — кивнул Иккинг. — Тебе всегда сдается. Но прислушайся, все уже стихло.

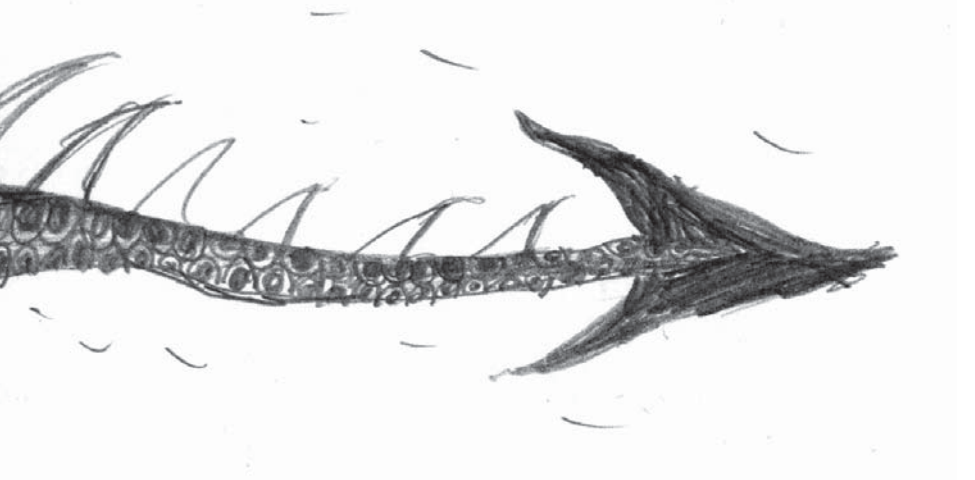
— А с этим драконом всегда так, — не унимался старичок. — Его почти невозможно засечь. Он один из этих, драконов-невидимок.

Четверо товарищей навострили уши и прислушались к белому приглушенному миру деревьев и снега.



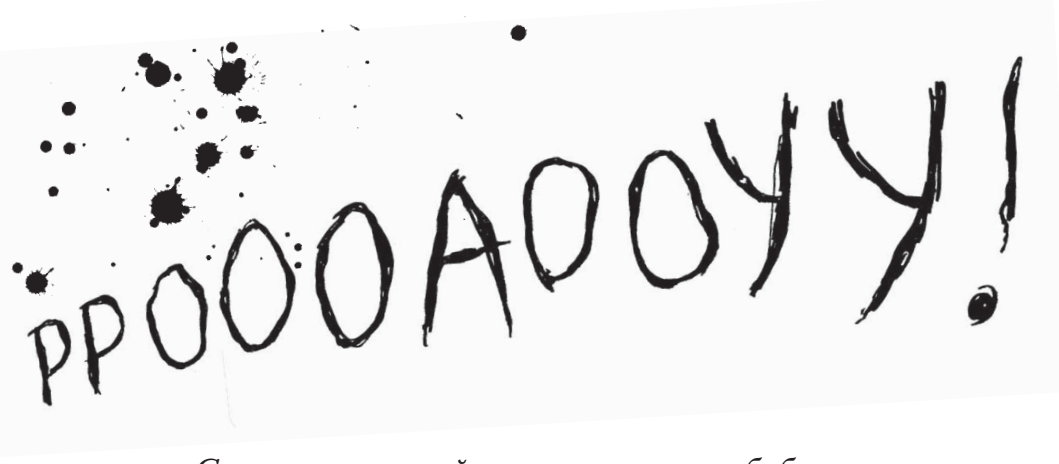
Ничего.

— **На-наверное, ложная тревога,** — прошептал Беззубик.



Воин с драконом наверху словно окаменели. Ни листок не шелохнулся, казалось, лес затаил дыхание…

И тут…



С воплем, достойным атакующего бабуина, воин вылетел из густой листвы и спикировал вниз в вихре листьев и сломанных ветвей, словно дух мщения.

Хххххххххаааааах! Ввввжжжжжик!

К счастью, Иккинг с Ветрогоном за последний год привыкли ожидать опасности отовсюду, а то бы не успели отпрянуть и мальчик был бы уже мертвее мертвого.

Потому что *Ввввжжжжжик!* издала пронесшаяся на волосок от носа Иккинга стрела. Она воткнулась в дерево в шаге у него за спиной.

БАМС! Иккинг отпрянул, забрало у него на шлеме с лязгом упало и защелкнулось. Намертво.

«Ого, — подумал Иккинг, который всегда быстро соображал. — Этот викинг хочет меня убить».

БАМ! БАМ! БАМ! Еще три стрелы отскочили от ненавистного шлема, не причинив вреда.

«Спасибо, ребята. Шлем был правильным решением», — подумал Иккинг, запрыгивая на спину

Ветрогону. Тот понесся прочь, петляя между деревьями.

И тут, оглянувшись через плечо и увидев, что за дракон преследует их, Иккинг не поверил собственным глазам.

Ой, Тор всемогущий…

Ошибки быть не могло.

За ними летел серебряный призрак. Даже в глухой ночи каждая чешуйка блестела ярче, чем, строго говоря, возможно в жизни. Серебряный призрак, казалось, испускал собственное сияние, словно луна. А от его пронзительных завываний уши аж жгло изнутри.

И вместе с очередным воплем он выплюнул язык ярко-голубого пламени, ударивший в деревья впереди. Листья вспыхнули зелеными звездами и осыпались на землю уже черной пылью и черепками.

Это точно был серебряный призрак.

Уникальное создание.

И именно на таком драконе разъезжала мать Иккинга. Такое вот совпадение.

А значит, воин, который в это время накладывает на тетиву новую стрелу и прицеливается в Иккинга, направляя ревущего призрака одними коленями… этот воин на самом деле…

...родная мама Иккинга,
Валгалларама.

2. НЕКОТОРЫЕ ТРУДНОСТИ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ

— СТОЙ! МАМА! ЭТО Я, ИККИНГ! — закричал Иккинг.

Но разумеется, сквозь опущенное забрало шлема донеслось лишь: «Бу-бу-бу!»

Иккинг ухватился за забрало и попытался рывком его поднять, но проклятую железяку заклинило намертво.

Ох, Тор его разрази… Вот положеньице-то. Помимо всего прочего, Валгалларама была поистине великой Героиней, одной из самых лучших воительниц. Если Иккингу не удастся сообщить ей, кто он такой, их ждут изрядные неприятности.

Дело в том, что Валгалларама много отсутствовала по геройским делам. Иккинг никогда точно не знал по каким, но Стоик Обширный всегда заверял сына, что дела эти очень важные. Иккинг не видел матушку уже очень долго, года два. Поэтому она вполне могла и не знать, что это не кого-нибудь, а ее единственного сына называют Изгнанником и Врагом Дикозапада. Не говоря уже о том, что Стоика обратили в рабство, да и у самого Иккинга имеется Клеймо. Об этом, а также о множестве

других вещей Иккинг надеялся мягко поведать матери в подходящий момент.

Ведь если ему когда-нибудь выпадет шанс все ей объяснить, рассказать, что на самом деле он пытался спасти всех драконов от уничтожения, она, одна из немногих, горячо поддержит его. (Иккинг всегда верил в лучшее.)

Потому что Валгалларама любит драконов.

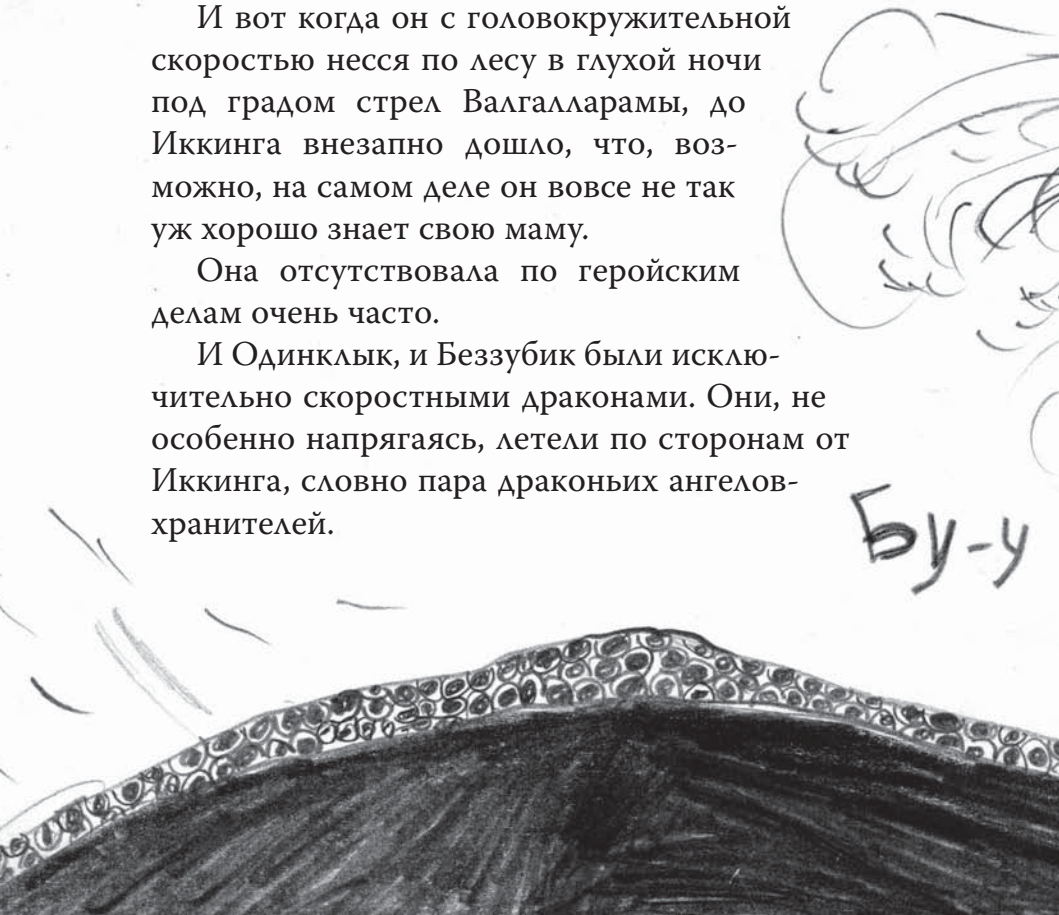
Иккинг знал, что она любит драконов.

По крайней мере, он думал, что знает, что она любит драконов.

И вот когда он с головокружительной скоростью несся по лесу в глухой ночи под градом стрел Валгалларамы, до Иккинга внезапно дошло, что, возможно, на самом деле он вовсе не так уж хорошо знает свою маму.

Она отсутствовала по геройским делам очень часто.

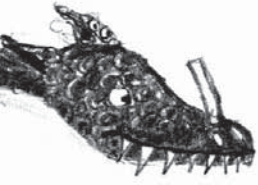
И Одинклык, и Беззубик были исключительно скоростными драконами. Они, не особенно напрягаясь, летели по сторонам от Иккинга, словно пара драконьих ангелов-хранителей.



Бу-у...
Бу-у...

— Надо признать, он великолепный воин, — восхищенно прокурлыкал Одинклык.

— Сколько в нем росту, как ты думаешь? Метр девяносто? Или все два? По-моему, мне не доводилось видеть воина лучше со времен Головонога Кошмарного... Это было еще до тебя, лет шестьсот назад...



— **Это она! Не он!** — крикнул в ответ Иккинг.

Но сквозь шлем донеслось лишь: «Бу-бу-бу!»

Все мы бывали в таком положении. Ну, может, не в точности таком. Но все мы знаем, каково это, когда позарез надо сказать нечто важное, а никак.

По правде говоря, объяснить что-либо родителям и в обычных-то обстоятельствах бывает непросто. Но куда труднее это сделать, когда маменька несется за тобой очертя голову по темному лесу, уверенная, что ты и есть главный враг человечества.

Ветрогон вырос в исключительно быстроходного дракона, и он был меньше призрака, а потому ему было легче лавировать среди деревьев.

И все же призрак нагонял.

— **Зд'десь, внизу, он нас до-станет,** — заметил Беззубик. — **Почему бы нам не по-подняться?**

За последний год они часто уходили от погони, забираясь так высоко, как драконы-преследователи не могли. Большинство драконов предпочитают держаться ближе к земле. Очень немногие способны действовать на высоте.

Но только не серебряный призрак.

Иккинг хотел объяснить друзьям, что это бессмысленно. Призрак относился к семейству воздушных драконов, лучших летунов в драконьем мире. Они летают быстрее и выше всех. Валгалларама натренировалась не терять сознание на такой высоте, где почти что нечем дышать. Но разумеется, из-за заклинившего шлема никто его не услышал.

Ветрогон слегка не рассчитал поворот и резко качнулся. Призрак цапнул его за заднюю лапу, но ухватить как следует не успел. Ветрогон вывернулся и в слепой панике рванул вверх

— **О нет...** — выдохнул Иккинг, отчаянно пытаясь направить его снова вниз.

Ветрогон обезумел от страха и забирался все выше и выше.

Иккинг глянул вниз. Лес под ними уже превратился в темную кляксу.

И из этой кляксы великолепной серебряной дугой взметнулся вверх серебряный призрак.

Двумя взмахами могучих крыльев роскошный дракон сравнял высоту. Он был слишком быстр для бедного Ветрогона. Призрак заложил громадную петлю у них над головами, и в нижней ее точке Валгалларама, свесившись с седла, левой рукой сдернула Иккинга со спины Ветрогона.

Призрак ринулся вниз, обратно под лесной полог, и приземлился на полянке. Иккинг болтался у мамы под мышкой.

Перехватив добычу за ворот безрукавки, Валгалларама спрыгнула со спины призрака, прислонила Иккинга к стволу поваленного дерева, вынула у него из-за пазухи карту и швырнула своему дракону.

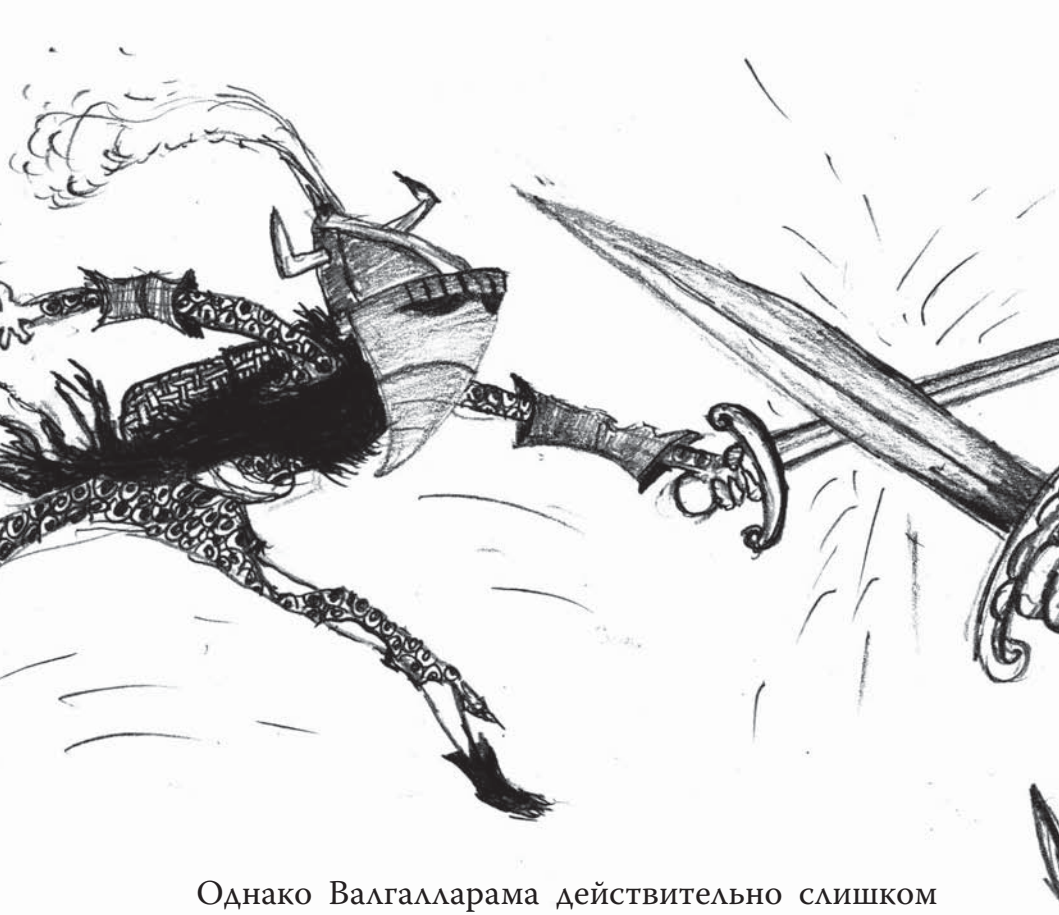
«Ох, Тор мне молотом настучи, — подумал Иккинг. — Надо было прятать карту получше. О чем я только думал? Вот тебе и скрытный Изгнанник…»

Текучим серебряным движением призрак подхватил карту и, взяв вертикально с места, исчез над деревьями.

Пока Валгалларама отвлекалась на карту, Иккинг вывернулся из безрукавки и отбежал. Валгалларама со щегольским свистом выхватила меч, могучий Беспромах.

Иккинг вытащил собственный клинок.

Ему уже становилось немного обидно, что она его так и не узнала. В конце концов, он ее сын. Пора бы какому-никакому материнскому чутью сработать.



Однако Валгалларама действительно слишком редко бывала дома, с горечью подумал Иккинг. Горло у него перехватило от обиды, но он старался не обращать внимания. Сколько раз он ребенком писал ей, просил вернуться домой, объяснял, почему сейчас она ему очень нужна, и сколько раз она в ответ рассказывала, как важен очередной Герой-ский Поход.

«Важнее, чем я, — думал Иккинг. — Неудивительно, что она не узнает меня. Я не видел ее два года».

Валгалларама атаковала.

Иккинг отбил ее выпад и ответил одним из своих излюбленных приемов, куда более изящным и менее опасным, но по-настоящему мастерским.

Ярко-голубые глаза в прорези забрала удивленно блеснули. Иккинг заметил это и обрадовался: всегда приятно, когда мать ценит твое воинское мастерство, пусть даже при таких неприятных обстоятельствах.

Потому что бой на мечах был единственным, к чему у него оказался настоящий талант. А за последний год Иккингу выпадало предостаточно возможностей отточить навыки — дважды в день он сражался против людей и драконов. Причем противники не просто дурака валяли, а по-настоящему и искренне его ненавидели и хотели убить.

И сейчас он дрался так, словно ангельским голосом пел гимн богам войны.

К тому же Иккинг был левша, а умелый левша всегда имеет преимущество перед правшой.

Однако его верные товарищи-драконы не собирались рисковать.

Они как раз подоспели к месту битвы, и Одинклык выкрикнул:

— **Номер Четыре, ребята! Номер Четыре!**

Глаза его пылали боевым азартом, удивительным для его преклонных лет.

Номер Четыре означал один из многочисленных маневров, выработанных ими за беспокойный год сражений в лесу и прочих неудобных местах. И один из самых успешных.

— Бу, бу-у, мффф, бу-бу-бу-бу! — отчаянно заорал Иккинг. (Что означало: **«Ребята! Пожалуйста, не надо! Мы не хотим ее убивать! Это страшное недоразумение! Она — моя мама!»**)

Но его драконы абсолютно не понимали, что он говорит, поэтому привели Маневр Номер Четыре в действие.

Ветрогон принялся виться вокруг бойцов, возбужденно тявкая и отвлекая. Беззубик спикировал Валгаллараме на голову, а потом вцепился ей в бронированную руку (аж десны заболели). Одинклык же тем временем поджигал основание дерева у нее за спиной.

Тут Иккингу, при всем его мастерстве, пришлось попотеть, чтобы, защищаясь от Валгалларамы, увести ее от того места, где на нее должно было упасть дерево.

Ох, да что же это такое! Эта двухметровая железная женщина-гора просто не поддавалась.

Он парировал ее выпады Чернобородовым Захватом, Кружевом Молниеноса и двумя Язвительными Подколами, но быстро понял, что она ни за что не сдвинется с места. А Одинклык, несмотря на свои размеры, уже почти разделался с деревом — ствол зашатался, в жухлой траве у подножия вспыхнули язычки пламени.

Левой рукой Иккинг отчаянно отбивал самые блестящие атаки Беспромаха, одновременно пы-

таясь правой сдернуть эту ужасную заклинившую жестянку с головы.

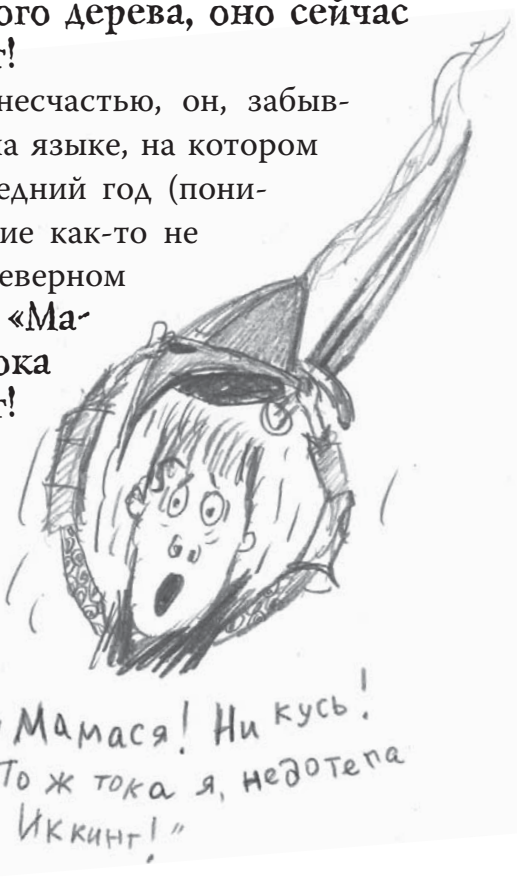
— **ВА-А-ЛИИИИИ!** — пропели радостным хором Одинклык и Беззубик.

Прожженное насквозь дерево закачалось, как пьяное.

Иккинг, уже не надеясь на успех, в последний раз дернул шлем, и тот наконец слетел с головы, да так резко, что в ушах зазвенело.

— **Мама!** — закричал он во весь голос. — **Не нападай! Это всего лишь я, твой сын, Иккинг! И отойди от того дерева, оно сейчас тебе на голову рухнет!**

Но к величайшему несчастью, он, забывшись, проорал это все на языке, на котором разговаривал весь последний год (понимаете, с людьми общение как-то не складывалось). Не на Северном наречии, а по-драконьи: **«Мамася! Ни кусь! То ж тока я, недотепа Иккинг! Да кыш от листвяки, ща те па черепоку вниз-бах!»**



А ведь хотел-то мягко поведать обо всем в подходящий момент…

Жизнь порой куда заковыристее, чем хотелось бы.

Голубые глаза Валгалларамы едва через забрало не выскочили от изумления. Она застыла как вкопанная в довольно забавной и неизящной позе посреди Петли Пузырей. Этот прием Молниеноса, один из самых выпендрежных, применять следует только людям лет на десять младше и раза в два легче Валгалларамы, каким бы грозным бойцом она ни была.

Изумление ее было вполне оправданно.

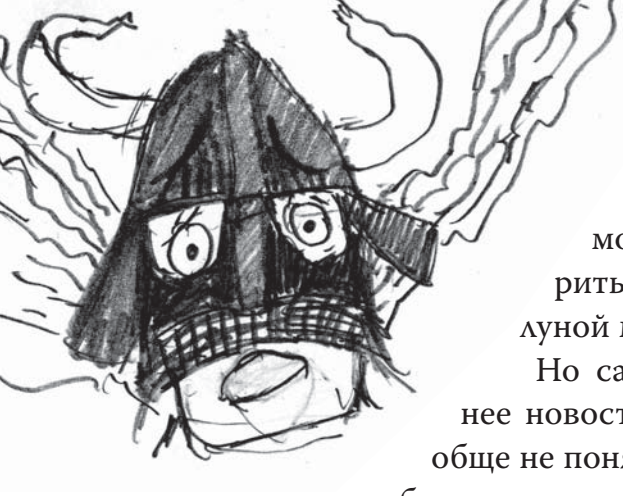
За один оглушительный, парализующий миг она узнала:

— что по случайности пыталась убить собственного сына;

— что ее сын на самом деле Изгнанник и Враг Дикозапада, про которого все (не только ведьма) говорят, что это он выпустил Ярогнева и начал войну между драконами и людьми;

— что ее сын имеет на лбу Клеймо раба;

— что ее сын свободно говорит по-драконьи, а это ведь строжайше запрещено (хотя могли бы и не запрещать — все равно, кроме Иккинга, никто из людей драконьего не понимал).



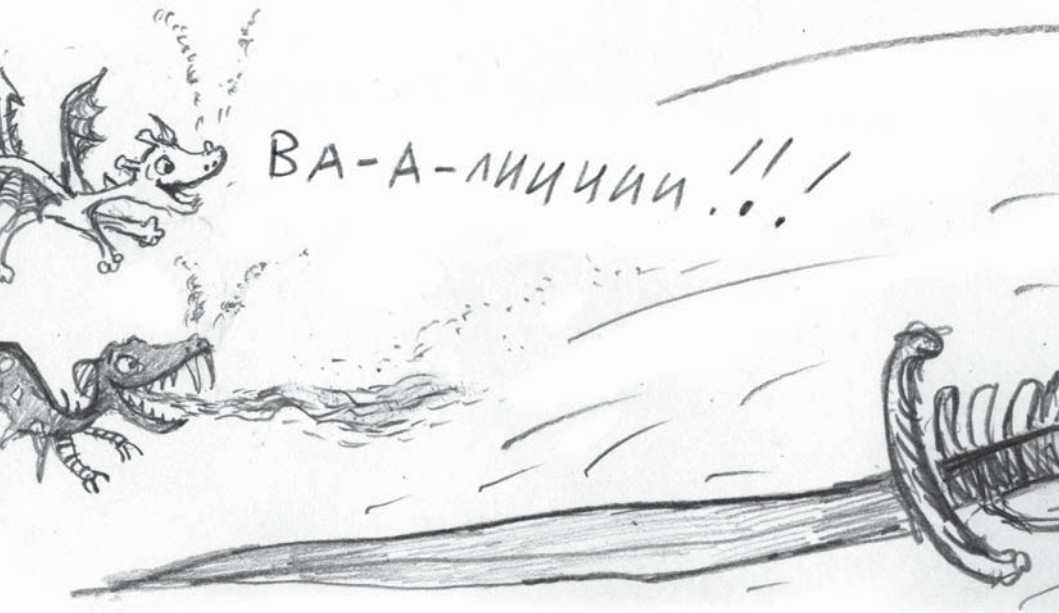
Слишком много новостей, чтобы можно было переварить за одно озаренное луной мгновение.

Но самую насущную для нее новость Валгалларама вообще не поняла. Ведь сказано-то было по-драконьи.

ТРРРРРРРРРРЕЕЕЕССССККК!!!

Дерево переломилось и…

БУУУУУММММММ!



…приземлилось Валгаллараме точнехонько на металлический кумпол.

И отскочило на землю.

Валгалларама успела принять более величественную позу и мгновение стояла абсолютно прямо.

Потом слегка покачнулась…

И…

БАА-БААААХХ!!!

…сама рухнула, как подрубленное дерево.

— НЕЕЕ

— **Видишь, какой я воспитанный,** — самодовольно бросил он Одинклыку.

— **Да, молодец, Беззубик,** — жизнерадостно похвалил его Одинклык. — **Прекрасные извинения.**

Иккинг оттолкнул Беззубика и поднял матери забрало.

«Хвала Тору, она дышит…»

Валгалларама действительно дышала, но была без сознания, а на лбу у нее набухала большущая шишка.

Но тут Ветрогон, который в горячке боя почти совсем перестал соображать, тоже заметил, что ужасный воин еще дышит, и попытался увезти Иккинга от опасности. А когда Иккинг не послушался, подхватил хозяина в когти, несмотря на его отчаянное сопротивление и вопли: **«Не-е-ет!!! Это же мама!!! Моя мама!!!»**

Одинклык и Беззубик летели слева и справа от Иккингова, держась возле головы и утешительно воркуя. Они-то были уверены, что это он все неправильно понял.

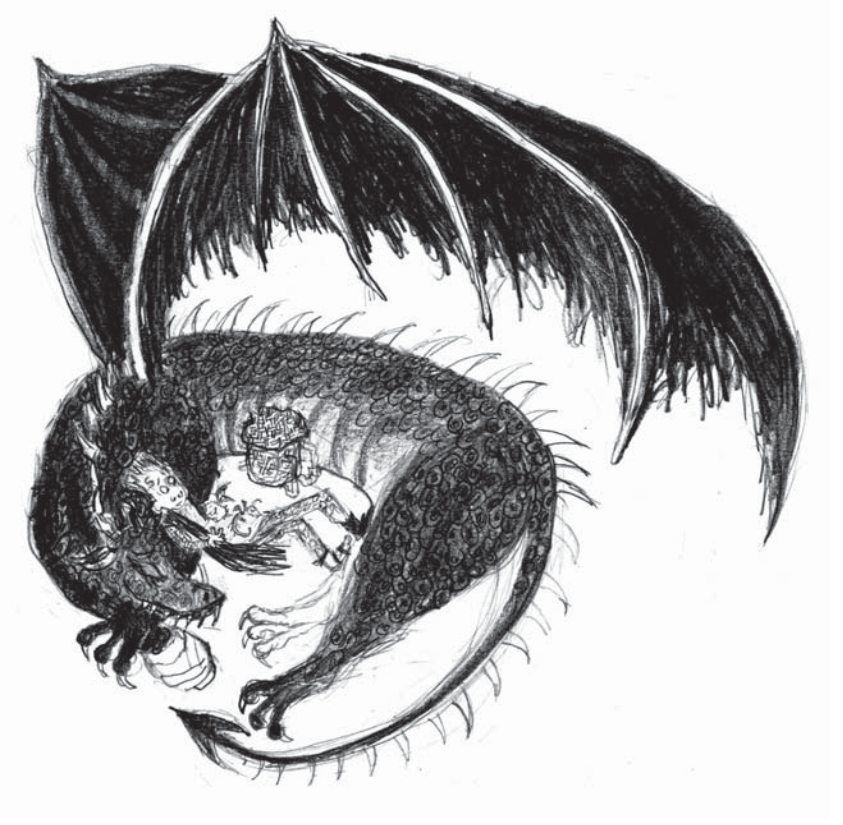
Даже без шлема у Иккинга ушло десять минут, чтобы втолковать им, что произошло.

Когда все перевели дух, мальчик заставил драконов вернуться к месту битвы. Однако лежавшей без сознания мамы уже не было, осталась только глубокая вмятина в снегу рядом с поваленным деревом. Ствол еще дымился.

Куда она подевалась? Может, до нее бритвокрылы добрались? Или серебряный призрак вернулся и унес ее в безопасное место?

Остаток ночи друзья обшаривали лес, но так и не нашли Валгалларама.

На рассвете Иккинг раздвинул кусты и заполз поспать в пещеру, служившую ему укрытием. Он



привалился к теплому шершавому боку Ветрогона*, а два его друга, Беззубик и Одинклык, уютно свернулись у него за пазухой, что всегда утешало.

Пусть он Изгнанник, но, по крайней мере, его драконы при нем. А каково Рыбьеногу, который остался совсем один?

Уже засыпая, Иккинг кое-что вспомнил.

Он лишился карты.

---

* На самом деле Ветрогон был уже не такой шершавый, как раньше, потому что подрос.

3. ИККИНГ ДОЛЖЕН УМЕРЕТЬ

Одинклык был прав — Ярогнев действительно послал дракона убить Иккинга.

За несколько недель до описанных событий, в бесконечной зимней ночи на крохотном островке Олух, где ледяной воздух жалит, будто пчела, Ярогнев возлежал на дымящемся пепелище Хулиганской деревни.

Ярогнев принадлежал к породе моредраконусов гигантикусов максимусов и возглавлял Драконье восстание. Он положил себе целью истребить весь род людской и не собирался останавливаться, пока не добьется своего.

Хулиганы спаслись от последней ужасной атаки драконов, бежав на южные острова. Там люди еще сдерживали безжалостное наступление драконов-захватчиков. Но Олух достался торжествующему Ярогневу.

Олух был новым и важным завоеванием Ярогнева. И все же…

И все же среди удравших в тот день с островка Хулиганов не хватало одного. Одного Хулигана, за которым сам Ярогнев и все Мятежные драконы

безуспешно охотились по морям и лесам, по горам и долам, в ледяных пещерах и жерлах вулканов…

Иккинга Кровожадного Карасика III.

Столько раз мелкий Хулиганишка выскальзывал у Ярогнева меж когтей в самую последнюю минуту, петлял, прокрадывался и удирал верхом на своем Ветрогоне с целой сворой завывающих драконов на хвосте, словно хитрый лисенок, уходящий от охотников.

Перед Ярогневом склонился редкий трехголовый дракон Смертень. Его было не видно, поскольку смертени относятся к драконам-хамелеонам. Их шкура повторяет любой фон и движущиеся предметы, так что он казался невидимым.

— **Иккинг должен умереть,** — обратился Ярогнев к Смертеню. — **Непременно нужно добраться до него, или наше дело обречено на провал. Ты можешь это сделать? Сумеешь найти и убить Иккинга, хотя остальные потерпели неудачу?**

Замаскированный Смертень медленно принял свой естественный цвет. Великолепное создание словно соткалось из воздуха. Теперь он предстал во всей красе: лоснящееся, мускулистое, как у пантеры, тело, пугающе убедительные когти и пасть, способная выдыхать и молнии, и пламя.

Все три морды Смертеня ухмыльнулись. Ядовитые железы на шести щеках на секунду запульси-

ровали желтым. Из пальцев высунулась пара-другая сверкающих гладких когтей, сверкнули на миг и убрались.

— **Господин мой Ярогнев,** — произнесла средняя голова Смертеня. — **Некогда мы с братьями любили человека. Этот человек умер от горя, и виной тому его родичи-люди. Теперь мы ненавидим людей ненавистью жгучей, как кислота. Если ты просишь нас убить его, мальчишка уже все равно что мертв.**

— **Я не ошибся, выбрав тебя,** — удовлетворенно произнес Ярогнев. — **Ты так похож на меня. Мне нужен был тот, кто ненавидит, как я, и кто не даст слабину. Ведь этот мальчишка Иккинг уже даже начал завоевывать сочувствие наиболее слабых духом участников моего Восстания, разрушая драконьи капканы. Настигни его и убей его. Иккинг должен умереть.**

— **И Иккинг умрет!** — прошипели три головы Смертеня.

Он сложил крылья за спиной, словно нетопырь, прыгнул в воздух и ушел в небо, мгновенно обретя вьюжную белизну. Ярогнев проводил его взглядом, вокруг тихо падал снег.

Моредраконус гигантикус максимус

~ ХАРАКТЕРИСТИКИ ~

ФАКТОР УСТРАШЕНИЯ:.....10
АТАКА:.....10
СКОРОСТЬ:.....10
РАЗМЕР:.....10
НЕПОСЛУШНОСТЬ:.....10

Крупнейший представитель семейства драконьих; моредраконусы гигантикусы максимусы живут в открытом океане.

~УЧИМСЯ ГОВОРИТЬ ПО-ДРАКОНЬИ~

Учебник вежливости по Беззубику

Муледи, тву така шик-ка крапча нюхач'чка нуи огогосс, нуи шик-ка шерстя-тя хвать-хватк'ки!

Мадам, у вас очень большой и красивый пятнистый нос, а уж какие красивые мохнатые руки!

Б'бе-беззубика тудум-тудум хрясьпопалам, ча мну ненарош ог-гн'дыхатц-цнул тву морд-фу-трава. Та ж'жутка иккинг'га.

Я крайне сожалею, что случайно поджег вам бороду, это страшная ошибка.

Уппс!

Б'бе-беззубик не хотел ступать в какашку Клинозавра и растаптывать ее по всему полу...

Б'бе-беззубик то-олст каец'ца. Б'бе-беззубик шарк-шарк ва клинозеленкр'ва кака нуи размаз'з по усь полмяг'ка.

Приношу самые искренние извинения. Похоже, я ступил в какашку клинозавра и растоптал ее по всему вашему ковру.

Мну зырки-зырки, тву невлаз'зя соляшк'ки. Дайнямсы, у?

Вижу, вам трудно управиться со всеми этими устрицами в одиночку. Позвольте, я вам помогу.

Не-не-а, Б'бе-беззубик ни-ни нацепсы та шерстя-тя шуб-ба! Б'бе-беззубик у шуб-ба как сюси-пусик. Мну начхат, ча мню огнедыхцы бу хрусть-мокреть нуи бяк-бяк'ки бу нямцуки. П'сиб те нуи отваликсы.

Нет, я НЕ надену эту меховую попонку, я в ней выгляжу как девчонка. Пусть лучше мои огнедыхальца замерзнут и крылья превратятся в леденцы. Спасибо за заботу.

4. НЕБЛЕСТЯЩИЙ ПЛАН ИККИНГА

Спустя несколько недель после утраты карты Иккинг Кровожадный Карасик III прятался в тростниках на берегу крохотного островка прямо посередине залива, раскинувшегося перед тюрьмой Черное Сердце. Место называлось заливом Драконьих Скелетов. С Иккингом были Ветрогон, Одинклык и Беззубик.

Трепеща крыльями, они припали к земле рядом с хозяином. Их кошачьи глаза со страхом таращились сквозь тростник на зловещие места по ту сторону залива.

— **Ты же туда не-не пойдешь...** — пропищал Беззубик, указывая трясущимся от страха крылышком на тюрьму Черное Сердце. — **П-пожалуйста, скажи Б'бе-беззубику, что ты туда не-не пойдешь...**

— **Не вижу иного выхода,** — горько отозвался Иккинг, — **теперь, когда моя мать предала нас. Она всегда была немного себе на уме, но я никогда не думал, что она станет по-настоящему воевать против меня.**

Иккинг сглотнул. Весь мир спален дотла, а он вот-вот расплачется из-за беспутной мамаши.

Но другого объяснения он не находил. Валгалларама, должно быть, велела призраку отнести Чернобородову карту ведьме. Потому что ведьма теперь засела в Черном Сердце и охотилась за Драконьим Камнем. А вместе с ней и Остолопы, Душегубы, Гостедавы и Хулиганы.

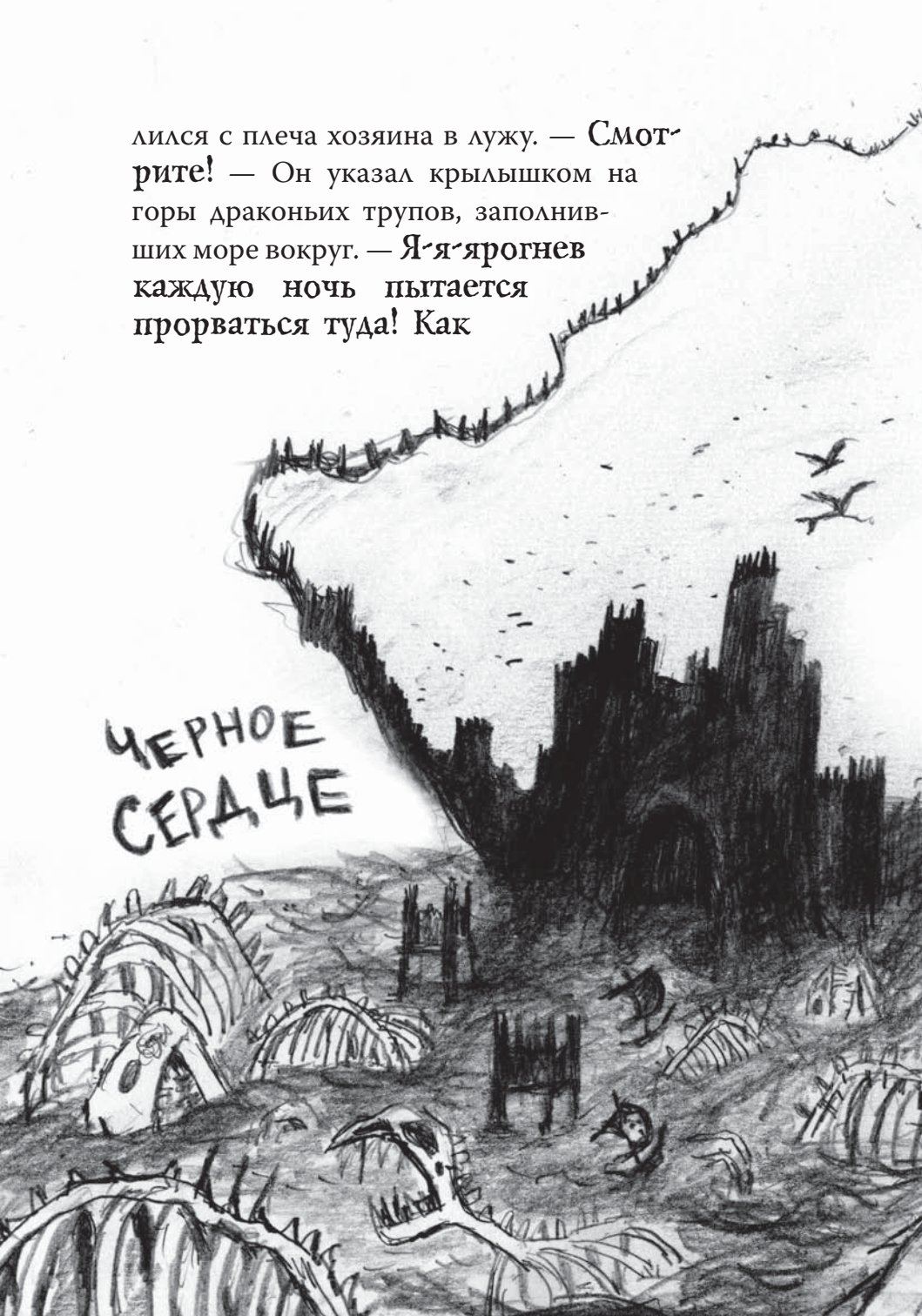
Иккинг видел все корабли, приплывшие туда за последние две недели.

А значит, друг Иккинга Рыбьеног там, и папа, Стоик Обширный, тоже. И Иккинг был решительно настроен вытащить их оттуда, теперь, когда узнал, где они.

«Это я виноват, что они там, поэтому я их вытащу...»

— **Ой, бедные мои коготки!** — плакал несчастный Беззубик. Он так перепугался, что сва-

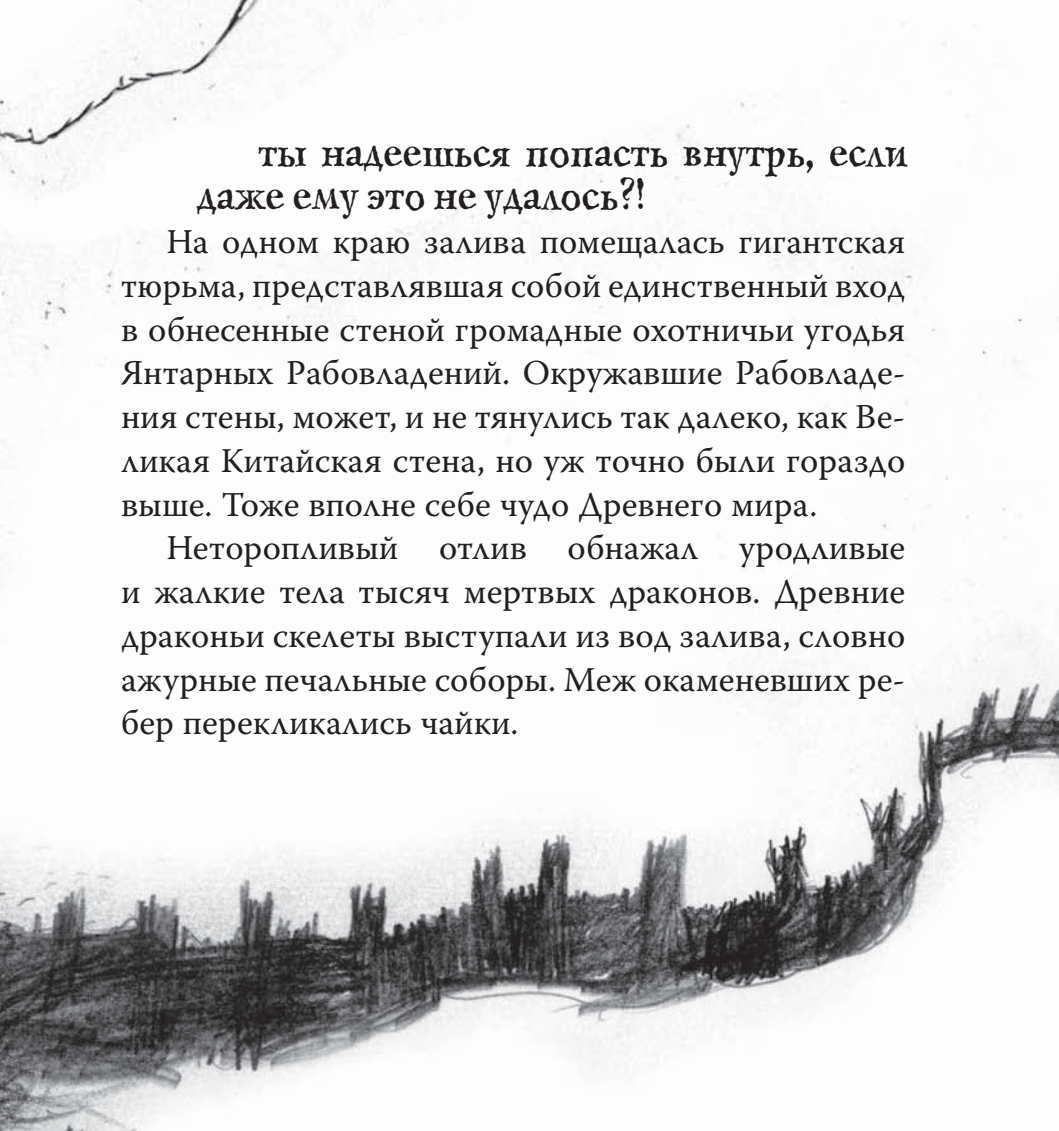
лился с плеча хозяина в лужу. — **Смотрите!** — Он указал крылышком на горы драконьих трупов, заполнивших море вокруг. — **Я-я-ярогнев каждую ночь пытается прорваться туда! Как**



ты надеешься попасть внутрь, если даже ему это не удалось?!

На одном краю залива помещалась гигантская тюрьма, представлявшая собой единственный вход в обнесенные стеной громадные охотничьи угодья Янтарных Рабовладений. Окружавшие Рабовладения стены, может, и не тянулись так далеко, как Великая Китайская стена, но уж точно были гораздо выше. Тоже вполне себе чудо Древнего мира.

Неторопливый отлив обнажал уродливые и жалкие тела тысяч мертвых драконов. Древние драконьи скелеты выступали из вод залива, словно ажурные печальные соборы. Меж окаменевших ребер перекликались чайки.



Свежих драконьих трупов тоже хватало, и воняли они немилосердно, а вода была зеленой от крови. Ведь каждую ночь тюрьму штурмовали отборные силы Мятежных драконов.

— **Это ужасный план! Ведьма с Элвином тебя сца-цапают!** — пищал Беззубик, корчась от страха.

— **Никто нас не сцапает,** — утешал его Иккинг. — **Мы просто прокрадемся внутрь, посмотрим, не удастся ли отыскать папу, Рыбьенога и Камень, и выскользнем наружу. Мы, Изгнанники, мастера скрытных проникновений. А если кто нас и заметит, то у меня же Клеймо. Меня просто примут за одного из рабов. И еще,** — он подмигнул, — **я придумал хитрую маскировку.**

Иккинг здорово изменился за год жизни в изгнании. Он отощал, вытянулся, голос у него огрубел, хотя все еще срывался с хрипа на писк, так что его и без маскировки было непросто узнать.

А теперь он снял шлем, вытащил из рюкзака тряпку и замотал ею левый глаз. На кончик носа он прилепил кусочек розоватого свечного воска — получилась весьма убедительная бородавка. Вдобавок он намазался слизью дракона-вонючки, которую хранил в ма-

Хитрая маскировка Иккинга

леньком горшочке. Пару дней назад он аккуратно соскоблил ее со спящего дракона в Пылающем лесу.

Запах не позволит людям подойти слишком близко.

— **Как я вам?**

Беззубик сморщился от кончика носа до кончика хвоста.

— **Б'бе-беззубик не хочет к тебе подходить. Очень, очень фу-у.**

— **Да, ну тебе необязательно идти, Беззубик, если не хочешь. Может, тебе и лучше не ходить, потому что драконам там очень опасно,** — сказал Иккинг. — **А я не хочу тобой рисковать. Можешь остаться тут с Ветрогоном.**

Ветрогон запротестовал:

— **Что значит остаться тут? Я тоже иду.**

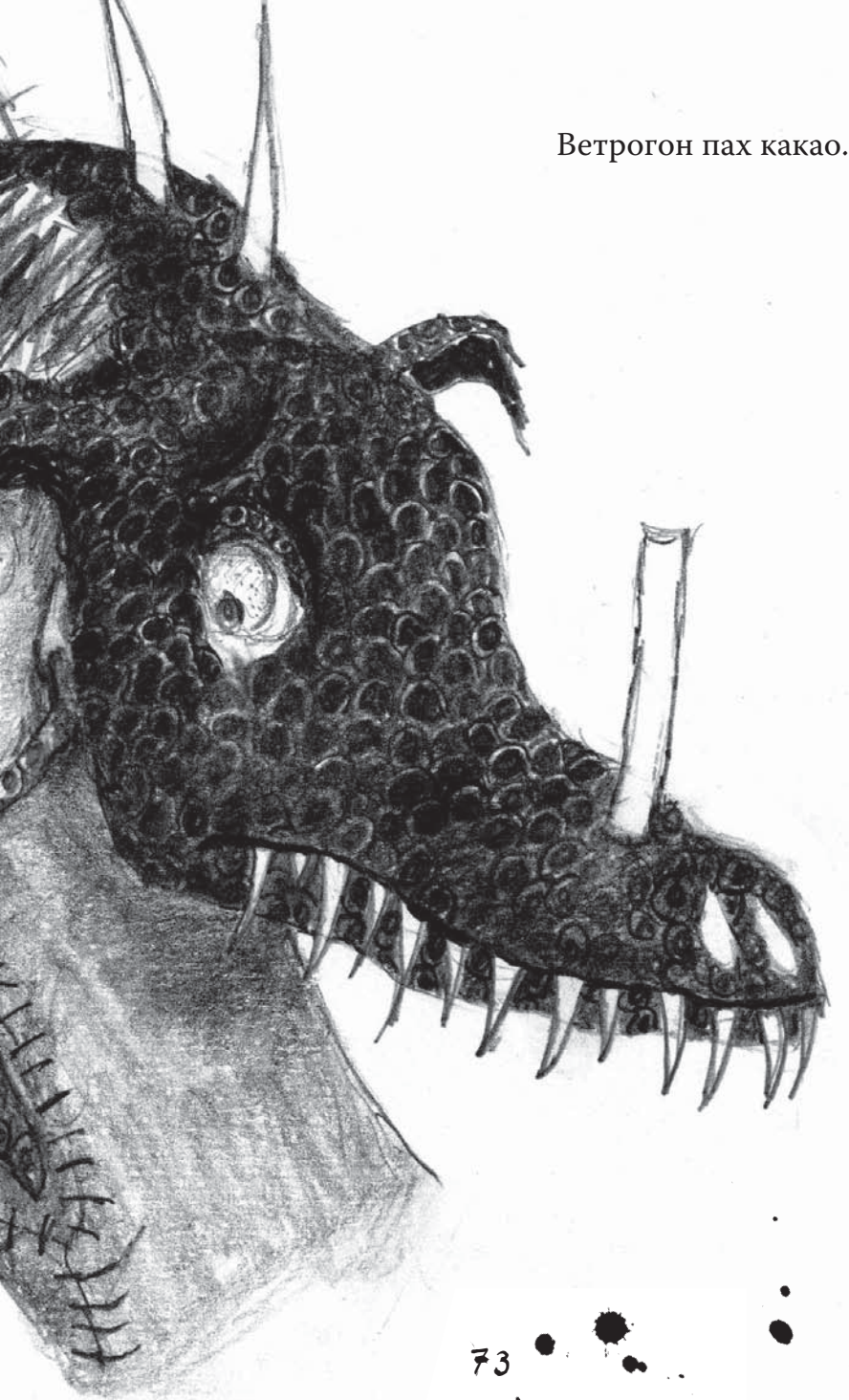
Но Иккинг покачал головой:

— **Боюсь, тебе с нами нельзя, Ветрогон. Одинклык и Беззубик могут спрятаться у меня за пазухой. Но ты слишком большой, тебя не скроешь. Тебя убьют на месте.**

Ветрогон закрыл глаза и поджал хвост. Шипастый спинной гребень у него поник.

Иккинг ласково обнял его, прижавшись к теплой шершавой шее, вдохнув знакомый сладкий запах — кто знает, может, в последний раз.

Ветрогон пах какао.



— Ну, Ветрогон, ты должен остаться здесь. Сторожи мой шлем и наше тайное логово в Забытом лесу, чтобы никто не нашел. Ты и оглянуться не успеешь, как мы вернемся.

Иккинг долго с ужасом ждал этого дня. Возможно, он вот-вот увидит отца. Но ведь это из-за Иккинга, хоть он и не хотел того, Стоика изгнали из племени, и из уважаемого вождя он превратился в раба, а в Янтарных Рабовладениях ему пришлось забыть о легкой и приятной жизни — ни тебе покомандовать зычным голосом, ни пожрать от пуза…

Иккинг отца любил и уважал, и думать о том, что Стоик оказался в таком жалком положении, да еще и по его, Иккинга, вине, было невыносимо. Изменило ли рабство Стоика? Что он теперь думает об Иккинге? А как же Рыбьеног? Все ли с ним в порядке?

Подобные мысли мучили его неотвязно.

Но порой больше всего мужества от Героя требуют не сражения с чудовищами, ведьмами или самой смертью. Больше всего мужества нужно, чтобы отвечать за свои поступки.

Иккинг должен был сделать это.

— Беззубик, ты идешь или остаешься?

— Б'бе-беззубик идет, — торжественно отозвался дракончик, указывая крылышком на Иккинга, — потому что тебе нужна моя помощь, и ч'что бы ты без меня делал? Можно Б'бе-беззубику тоже повязку на глаз?

— Тебе не нужна повязка, Беззубик. Никто тебя не увидит.

— Но она же такая кла-а-ассная...

— Беззубик!

Дракончик, пискнув, нырнул Иккингу за пазуху.

Работорговый корабль торопливо прокладывал себе путь в камышах — вез свежую добычу в жадную пасть Рабовладений. Вода уходила быстро, а как только отлив достигнет низшей точки, Мятежные драконы атакуют снова. И тогда все на корабле, считай, покойники.

Иккинг глубоко вдохнул, погрузился в воду и поплыл за кораблем. Судно пробиралось меж драконьих трупов, словно по слаломной трассе.

Иккинг плыл следом. Одинклык время от времени дышал ему в рот кислородом. Мальчик вынырнул у кормы и пристроился пассажиром, воткнув в деревянный корпус два кинжала.

Сверху доносилось щелканье бичей надсмотрщиков, стоны несчастных рабов, плеск весел.

Корабль остановился, и кто-то окликнул крохотные фигурки высоко-высоко на стенах.

СКРРИИИИИИИИИИИИИИИП!!!

С протестующим визгом колес и блоков ужасные створки Врат Предателя медленно отворились.

Над створками были высечены в камне зловещие слова, буквами высотой в человеческий рост:

ЗАБУДЬ ОБО ВСЕМ,
ВСЯК СЮДА ВХОДЯЩИЙ.

Надсмотрщик снова щелкнул бичом и выкрикнул команду грести.

Измученные рабы стали грести навстречу собственному забвению.

Медленно, с ужасной окончательностью железные створки захлопнулись…

…намертво.

Скорчившийся в камышах Ветрогон жалобно заскулил при виде этого. Он оставался на месте, дрожа в одиночестве, но часовой тюрьмы Черное Сердце, видимо, заметил его. На стенах расцвела мощная вспышка, и нечто большое и тяжелое, промчавшись мимо бедной Ветрогоновой головы, взорвалось в камышах позади.

Что это было? Что за устрашающее новое оружие люди применяли против драконов?

Ветрогон не стал задерживаться, чтобы это выяснить. С паническим писком он вылетел из камышей и изо всех сил захлопал потрепанными крыльями, улепетывая на север, к Забытому лесу. Он печально оглядывался через плечо на ужас тюрьмы Черное Сердце.

Но с перепугу он забыл дурацкий шлем с перьями в камышах.

Много часов спустя кто-то невидимый пробрался между печальными соборами костей давно почивших драконов, приземлился рядом со шлемом и втянул носом его запах.

Три головы улыбнулись, и когти выскочили, словно выкидные ножи.

— **Иккинг...** — прошипела средняя голова с глубоким удовлетворением. — **Иккинг, Иккинг, Иккинг. Он должжжен быть здесссь.**

Все три головы повернулись к Черному Сердцу.

— **И теперь,** — прошипела вторая голова, — **теперь он в ловушке.**

— **Похоже,** — добавила третья голова, снова обнюхивая шлем и с отвращением морщась, — **он повстречался с драконом-вонючкой, и теперь его до смешного легко выследить.**

Дракон полетел в сторону тюрьмы, медленно хлопая крыльями, и принялся кружить над ней, словно замаскированный жадный стервятник.

А мы ведь знаем, что это за дракон, правда? Потому что трехголовых драконов-невидимок в архипелаге не так уж много.

Это был Смертень.

5. НЕ ПО ТУ СТОРОНУ ОТ ДВЕРИ

И без того неблестящий план Иккинга пошел наперекосяк с самого начала.

Рабы с корабля, на котором он приехал, высаживались на берег, сползая по сходням. Иккинг собирался раствориться в тенях и исследовать тюрьму самостоятельно. За время изгнания он уже сделался специалистом по подобному крадкому поведению.

Но когда он отходил на цыпочках прочь, Одинклык у него за пазухой чихнул. Чих был тишайший, но, к несчастью, Беззубик выкрикнул **«Бузьда!»** — что по-драконьи означает «Будь здоров!» — очень-очень громко.

И снова **«Бузьда! Бузьда! Б-б-бузьда!»**, поскольку Одинклык чихнул еще трижды.

Тюремный стражник на палубе услышал шум и заглянул под трап.

— И куда это тебя понесло? — гаркнул он, решив, что перед ним сбежавший раб.

Стражник огрел Иккинга бичом, а это больнее укуса змеебелки, и велел присоединиться к длинной цепочке рабов, утопавших по щиколотку в песке по пути с корабля.

— **Беззубик,** — прошептал Иккинг в ярости. Держась за саднящее плечо, он зашаркал по лабиринту коридоров в темную утробу центрального тюремного двора. — **Пожалуйста, сиди тихо. Помни, мы Изгнанники... шпионы...**

— **Б'бе-беззубик был вежливый!** — запротестовал дракончик.

— **Да, вежливость — это хорошо. Вежливость — это очень хорошо. Я правда впечатлен твоей вежливостью, но если бы ты немножко побыл вежливым тихо-тихо, я был бы тебе очень благодарен...**

В тюремном дворе царил хаос.

Иккинг озирался с разинутым ртом. Он словно шагнул через дверь в иной, мрачный мир.

Судя по длинным рядам столов с жующими за ними людьми, здесь была устроена этакая столовая под открытым небом. Люди за столами были всех возрастов, начиная лет с шести-семи и старше, и у всех на лбу змеилось Клеймо.

Но вокруг этих занятых едой людей стоял грохот войны, гул чистого безумия, от которого звенело в ушах. Словно оркестр Валгаллы играл «фортиссимо», что на одном чужестранном языке означает «очень громко».

Орущие воины носились туда-сюда, кузнецы ковали мечи и копья из раскаленного докрасна металла. Над головой у Иккинга непрестанно рва-

лись петарды, окутывая все клубами желтого дыма. Дым ел глаза и забирался в нос, будто сернистый слизень, забивая горло запахом тухлых яиц.

По периметру двора громоздились зловещего вида капканы на драконов и прочие странные и недобрые сооружения вроде катапульт, способных выпускать тридцать пять копий одновременно, и северных луков, которые проделывали то же самое со стрелами. Шум стоял такой, что собственных мыслей расслышать не удавалось.

Стражник толкнул новых рабов вперед и торопливо удалился, проорав им через плечо: «Жрите как следует, а то Поиск скоро!» Оставалось только гадать, что бы это значило. К ужасу Иккинга, двор оказался до краев набит знакомыми из самых разных племен архипелага. А поскольку Иккинг был в розыске и его голова была самой дорогой на Дикозападе, ему показалось, что умнее всего ускользнуть в боковой коридор.

Но судьба явно не желала улыбаться Иккингу в то утро.

— ЭЙ ТЫ, ТАМ! ВОНЮЧКА! ДАВАЙ К НАМ! — проорал громадный толстый дядька с ближайшего стола.

Иккинг виновато подскочил.

И тут он в полном изумлении обнаружил, что окликнувший его громадный толстый дядька — его собственный отец, Стоик Обширный.

Этого мига Иккинг и страшился.

Однако бородавка, повязка на глазу и запах делали свое дело. Стоик явно не догадался, кто перед ним.

— ЭЙ! ВОНЮЧКА! — снова заорал бывший вождь. — ДАВАЙ СЮДА БЫСТРО, А ТО ВСЯ ЖРАЧКА КОНЧИТСЯ!

Иккинг медленно подошел к столу, где сидел отец.

Когда он сел, все остальные аккуратно отодвинулись от него, наморщив носы, — словно море расступилось.

«Вот, наверное, каково страдать очень заразной болезнью», — подумал Иккинг.

Стоик хрюкнул и пододвинул ему здоровенный ломоть хлеба и большую горсть мидий, стараясь не вдохнуть особенно острые и цветистые волны, исходившие от Иккинга.

— Ешь, парень, пока я не передумал.

Ну хотя бы на вид отец был вполне здоров. Глаза несколько погрустнели, может, пара седых прядок в роскошных усах появилась да пузо чуть опало. Но Стоик по-прежнему соответствовал описанию «невероятно толстый мужик с бородой, рыжей и неукротимой, как лесной пожар».

И, к неимоверному облегчению Иккинга, оказалось, что остальные рабы, по крайней мере те, что сидели за его столом, уважали Стоика, как будто он по-прежнему занимал важное положение.

Вождь — всегда вождь.

— Новичок, да? — сказал Стоик, пока Иккинг ел. — Как тебя зовут, парень?

Иккинг заставил себя взглянуть отцу прямо в глаза.

Это было ужасно.

Иккинг колебался: если его узнают здесь, в тюрьме, ему несдобровать. Но уж Стоик-то, Стоик-то должен знать, кто он такой, правда?

Валгалларама часто отсутствовала по героическим делам, так что у нее имелось своего рода оправдание. Но Стоик с Иккингом тринадцать лет ежедневно завтракали за одним столом!

Неужели он правда настолько незапоминающийся? Тор свидетель, Иккинг, конечно, немного подрос, но он же не налепил большие кудрявые фальшивые усы или что-нибудь в этом роде!

Но нет, Стоик явно ни о чем не догадался, ни тени подозрения у него не закралось, что этот мальчик, с которым он поделился ужином, его собственный единственный сын.

— Меня зовут… Прыщ Вонильсен, — ответил Иккинг.

— Хорошее имя, — одобрил Стоик. — А к какому племени ты принадлежал до Клейма?

— К Потерянному племени, — ответил Иккинг, соображая на ходу.

— Добро пожаловать в Команду Охотников за Янтарем, Прыщ Воняльсен, — громыхнул Стоик, от души хлопнув новичка по спине.

— Вони́льсен, — поправил его Иккинг, едва не подавившись устрицей.

— Тут надо держаться вместе, Вонюльсен.

— Вони́льсен…

Ой, Тор разрази, отец даже его вымышленное имя запомнить не в состоянии! Так Иккинг, чего доброго, и сам его забудет.

— Иначе и дня не продержишься в Песках снаружи, — с важностью гремел Стоик. — Мы вот — Охотники за Янтарем. Слушай меня, Охотники за Янтарем! У нас тут новичок! Это Хрящ Вогнульсен из Потерянного племени.

Иккинг посмотрел на Охотников за Янтарем, а затем обвел взглядом двор, и сердце у него провалилось прямо в сандалии.

Все казалось вывернутым наизнанку и подвешенным вверх тормашками. Заправляли тут самые отъявленные подлецы. На почтенных местах, за Высоким Столом, сидели воины Дикозапада, щеголяя лиловыми и желтыми кушаками, и в самой их гуще Иккинг узнал несколько наиболее неприятных Хулиганов: нового вождя, Сморкалу Мордоворота, и его приспешников, Песьедуха Тугодума и Бестолкова.

А здесь внизу, в рабской яме, он обнаружил много-много благородных, уважаемых людей, которые всего год назад были гордыми воинами своих племен, а теперь носили Клеймо.

Много оказалось Миролюбов, Мракушников, Тихушников. Но за Стоиковым столом, в его Команде Охотников за Янтарем, среди Молчанцев и Шандарахайков, было несколько Хулиганов, которых Иккинг хорошо знал. Коварные Близнецы… Ералаш Дурка…

И Плевака Крикливый, старый учитель Иккинга.

Плевака был самым уважаемым воином. Он храбро сражался за свое племя в бесчисленных схватках и вел — теперь казалось, в прошлой жизни — Программу Начальной Пиратской Подготовки на Олухе.

У Иккинга перехватило горло, когда Плевака взглянул на него и добродушно поздоровался. Мальчик увидел ужасное Клеймо на лбу у своего учителя.

Кто это сделал с ним? Как они посмели!

И что еще хуже, даже Плевака Иккинга не узнал. Неужели он и впрямь настолько изменился?

Чувствуя себя еще более одиноким, чем в роли Изгнанника, Иккинг оглядывал стол и весь двор. Он искал Рыбьенога, но Рыбьенога тут, похоже, не было.

— Гм… Стоик Обширный, — вежливо начал Иккинг. — А в Команде Охотников за Янтарем есть мальчик по прозвищу Рыбьеног?

Стоику явно сделалось грустно и не по себе.

— Рыбьеног? — переспросил он. — Нет, никогда не слышал о мальчике по имени Рыбьеног, а ты, Плевака?

Плевака Крикливый покачал головой:

— Нет, я тоже никогда раньше не слышал этого имени.

«Никогда не слышали о Рыбьеноге?»

Да о чем они вообще?

Рыбьеног все пять лет обучения был легендарным двоечником абсолютно по всем предметам Плевакиной Пиратской Программы — по бейболу, по грязнописанию, по всему.

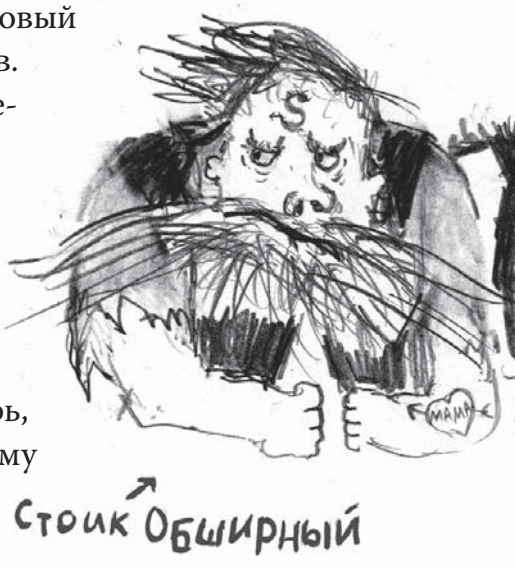
Плевака говаривал, что намерен выковать из Рыбьенога воина или умереть, пытаясь это сделать. Отец бóльшую часть жизни Иккинга провел в легком раздражении по поводу того, что его сын дружит с таким чудиком. Как они могут утверждать, что никогда не слышали о нем?

Что-то очень странное тут творится…

Иккинг уже собирался задать очередной вопрос, но тут к столу вразвалочку подошел Сморкала Мордоворот, новый вождь племени Хулиганов.

Сморкала выглядел великолепно. Не будь он таким мерзким типом, смотреть на то, как он возмужал, было бы одно удовольствие.

Сморкала всегда мечтал стать вождем и теперь, когда Судьба даровала ему



исполнение его заветного желания, наслаждался каждым мгновением. В лучах всеобщего восхищения он, казалось, вырос на полметра. Он расхаживал по двору, шутил с друзьями, лучась новообретенной значительностью.

— Славно дрался вчера с драконами, Сморкала! — выкрикнул один из его дружков, Вандал Гостедав. — Скольких прикончил, девятерых?

— По-моему, одиннадцатерых, — оскалился Сморкала. — Но все хорошо поработали.

Сморкала пребывал в прекрасном настроении, и когда он подошел к столу Охотников за Янтарем, то, по крайней мере, поначалу не хотел никого обидеть.

— Ешьте быстрее, ребята, — всего-то и сказал Сморкала с ленивой улыбочкой.

Но Стоик, Плевака и Толстопуз оскорбленно поморщились. Во-первых, не было никакой нужды их торопить, а во-вторых, унизительно, когда тобой командует молокосос. И вдобавок — молокосос, который приходится Толстопузу сыном, Стоику племянником и Плева-

ке — учеником. Ему следовало бы выказывать им значительно больше уважения, особенно в свете того, как переменилась и его, и их судьба.

Иккингу больно было видеть печально поникшие плечи старших. Воистину мир перевернулся с ног на голову.

— Сморкала, — спросил Иккинг, торопливо меняя тему, — ты не видел тут где-нибудь мальчика по имени Рыбьеног?

— Для тебя, раб, — вождь Сморкала, — поправил Мордоворот, мгновенно ощетинившись и несколько подрастеряв хорошее настроение. Он тоже не узнал Иккинга, презрительно мазнув по нему взглядом и наморщив свой гигантский нос от запаха. — Да, Рыбьеног, как же… Это один из Пропавших — исчез во время Поиска пару недель назад. Туда ему и дорога, ничтожеству. Невелика потеря. Такой же дохляк, как ты, разве что не настолько вонючий.

Невелика потеря…

Толстопуз Пивобрюх аккуратно положил ложку. Он посмотрел на сына и тихо произнес слова, которые Иккинг больше всего на свете боялся когда-нибудь услышать от своего отца:

— Сморкала, мне стыдно, что я твой отец.

Мордоворот побелел. Всего на миг он сжался под взглядами старших и сделался маленьким

мальчиком, стоящим перед отцом, дядей и учителем — теми самыми людьми, одобрения которых он так отчаянно искал.

Но Сморкала тут же взял себя в руки, снова нацепил маску высокомерия и воинственно прищурился:

— У тебя нет причин говорить так. Может, я и сделал рабом Рыбьенога, но вас-то я рабами не делал. Вы сами виноваты, что не проявили достаточного почтения королю Элвину.

— Мы стали рабами потому, что храним верность Стоику. Но ты не попытался вмешаться и заступиться за нас перед так называемым королем Элвином, а, Сморкала? — задумчиво произнес Плевака.

— С чего бы мне, если вы вели себя как идиоты? — фыркнул Сморкала и посмотрел на отца. — Стыдишься меня? Это мне следует тебя стыдиться, а тебе следовало бы гордиться, что я вождь. Ты-то так никогда вождем и не стал, а, Пузо? — глумливо ухмыльнулся Сморкала. — Не из того ты теста.

Он похлопал отца по плечу и гордо удалился.

Ох, плохи дела. Ох как плохи…

Когда Иккинг поднес ко рту очередную мидию, рука его дрожала.

«Пропал во время Поиска? Что это значит? Где, Тор это все разрази, Рыбьеног?»

Рядом с ним сидела маленькая девочка с большими глазами, в которых застыло отчаяние, и очень темными всклокоченными волосами, торчавшими под странными углами. Одета она была в костюм медвежонка, застегнутый на все пуговицы, только неправильно. Казалось, она прочла его мысли.

— Тсс, — шепнула девочка. Она выглядела слишком серьезной для малявки, у которой недавно выпала бóльшая часть зубов. — Нам не разрешается говорить о Пропавших. Это подрывает дух.

«Пропавших?! Что значит „Пропавший“?!» — хотелось воскликнуть Иккингу.

Но тут девчушка с интересом заметила:

— Прыщ Вонильсен, у тебя безрукавка горит.

А-а-а-а-а!

Иккинг опустил глаза. И правда, из-за ворота безрукавки сочился серый дым. Беззубик все последние пять минут царапал Иккингу живот в смысле «кушать хочется», а теперь с отчаяния перешел к тактике дымовых сигналов.

Иккинг прижал полу безрукавки к груди, чтобы дым не так сильно валил наружу. Ну и как ему теперь это объяснять?

Не придумав ничего лучше, он промямлил:

— Должно быть, искра от взрывов там, во дворе, попала… не волнуйся! Я уже погасил!

Затем одним отчаянным захватом Иккинг сгреб остатки хлеба, сыра и мидий, уронил, как бы не нарочно, одну мидию на пол («Ай-яй-яй!») и нырнул под стол…

Там он вынул из-за пазухи обоих драконов и шепотом напустился на Беззубика:

— **Беззубик, не смей поджигать мне безрукавку! Если кто-то заметит, что у меня тут драконы, вы покойники!**

— **Я случайно,** — соврал Беззубик. — **У Б'бе-беззубика от голода огнедыхальца текут...**

— **Так, Беззубик,** — прошептал Иккинг, показывая ему зажатые в кулаке мидии и хлеб. — **Тут немного, поэтому, прежде чем я тебе это дам, вспомни, как надо себя вести... быть вежливым... делиться... оставь и Одинклыку тоже.**

Во мраке тюрьмы Черное Сердце еще важнее оставаться порядочным человеком. Ну или порядочным драконом.

Беззубик кивнул и повторил:

— **Да-да, да-да, я понял, Б'бе-беззубик поделится... Б'бе-беззубик оч-чень вежливый...**

Иккинг раскрыл ладонь.

Беззубик распахнул пасть так широко и метнулся вперед так быстро, что не рассчитал бросок и сцапал всю руку Иккинга, в которой были зажаты крошки.

Разумеется, столько ему было не проглотить. Иккинг уставился на питомца, не веря своим глазам. Боги всемогущие, и не подумаешь, что такой маленький дракон способен так широко разинуть рот.

Медленно, поджав хвост и виновато глядя огромными глазами, Беззубик выпустил руку вместе с едой.

— **О-о-одинклык первый,** — благонравно сказал он, будто ничего не случилось.

И даже позволил Одинклыку съесть пару самых маленьких кусочков, прежде чем наброситься и проглотить остальное.

— **Из'звините, мид'дии,** — бубнил Беззубик с набитым ртом. — **Из'звини, хлеб... Прости, сыр...**

— **Да, прекрасные извинения, Беззубик,** — прошептал Иккинг, — **но перед едой извиняться не надо... Нет-нет, Беззубик, пойми меня правильно, сама идея мне нравится.**

Вдруг в громадном зале воцарилась мертвая тишина.

Все мгновенно умолкли — так цепенеют в молчании маленькие вкусные пушистые зверьки при появлении волков.

И тут, скорчившись под столом, пока Одинклык и Беззубик рядом с ними поедали мидии и хлеб, Иккинг услышал звук, от которого по шее у него поползли мурашки страха, словно под воротник залезли жуки, и волосы на голове встали дыбом, как иглы дикобраза…

«Топ-ТУК, топ-ТУК, топ-ТУК, топ-ТУК…» — стучали шаги по внезапно смолкшему двору.

Холодные щупальца ужаса сдавили сердце Иккинга: чьи-то ноги подошли и остановились прямо перед ним, так близко, что он мог бы потрогать их.

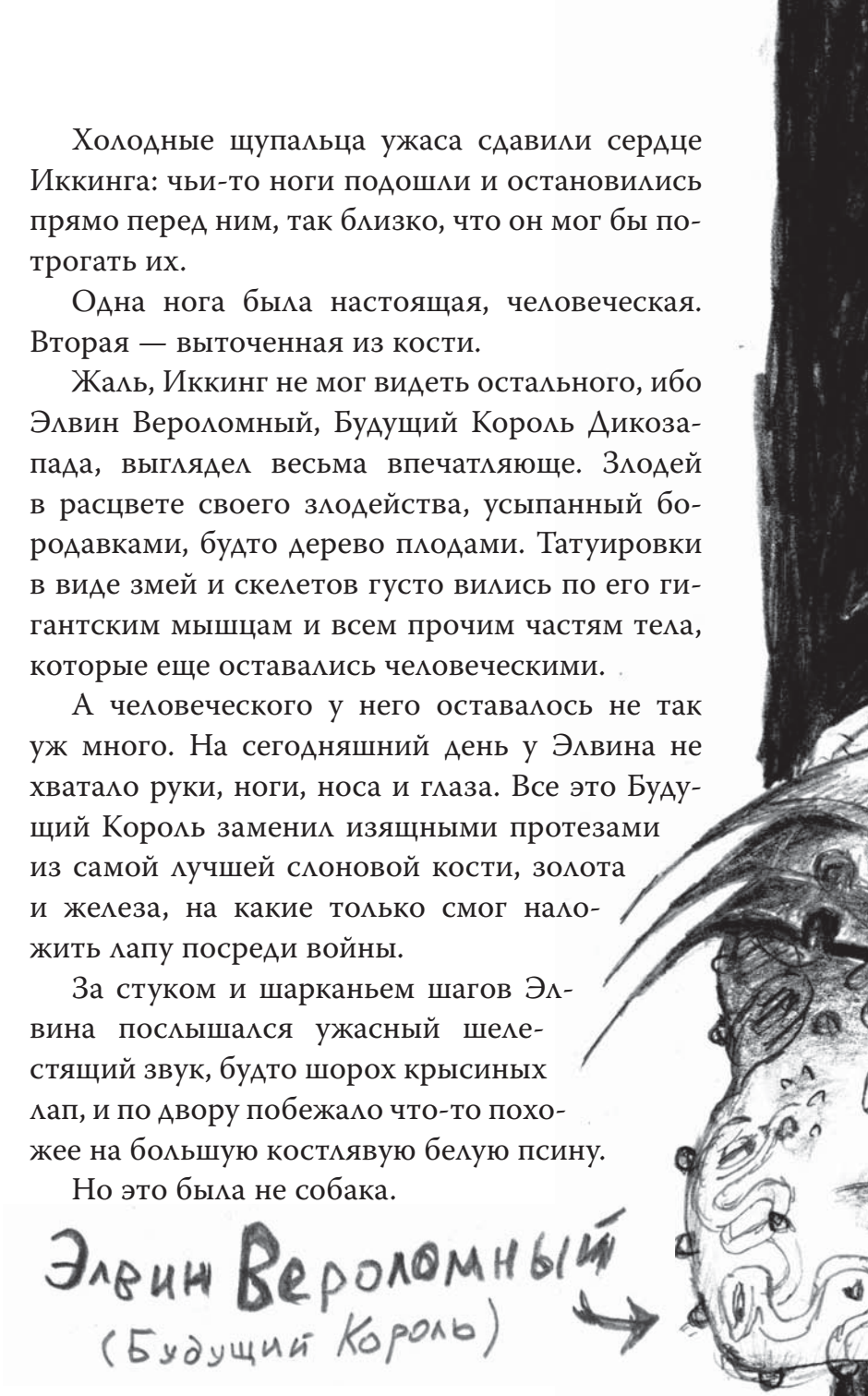
Одна нога была настоящая, человеческая. Вторая — выточенная из кости.

Жаль, Иккинг не мог видеть остального, ибо Элвин Вероломный, Будущий Король Дикозапада, выглядел весьма впечатляюще. Злодей в расцвете своего злодейства, усыпанный бородавками, будто дерево плодами. Татуировки в виде змей и скелетов густо вились по его гигантским мышцам и всем прочим частям тела, которые еще оставались человеческими.

А человеческого у него оставалось не так уж много. На сегодняшний день у Элвина не хватало руки, ноги, носа и глаза. Все это Будущий Король заменил изящными протезами из самой лучшей слоновой кости, золота и железа, на какие только смог наложить лапу посреди войны.

За стуком и шарканьем шагов Элвина послышался ужасный шелестящий звук, будто шорох крысиных лап, и по двору побежало что-то похожее на большую костлявую белую псину.

Но это была не собака.



Это была белая, как коралл, ведьма.

Ведьма, передвигавшаяся на всех четырех, как животное.

Ведьма Экселлинор, мать Элвина Вероломного.

Ее отравленные железные ногти скрежетали по каменным плитам двора, порождая тот самый крысиный звук.

Она резко остановилась перед Иккингом… медленно, словно робот, повернула голову… и уставилась… прямо Иккингу в глаза.

Серебряные призраки

~ ХАРАКТЕРИСТИКИ ~

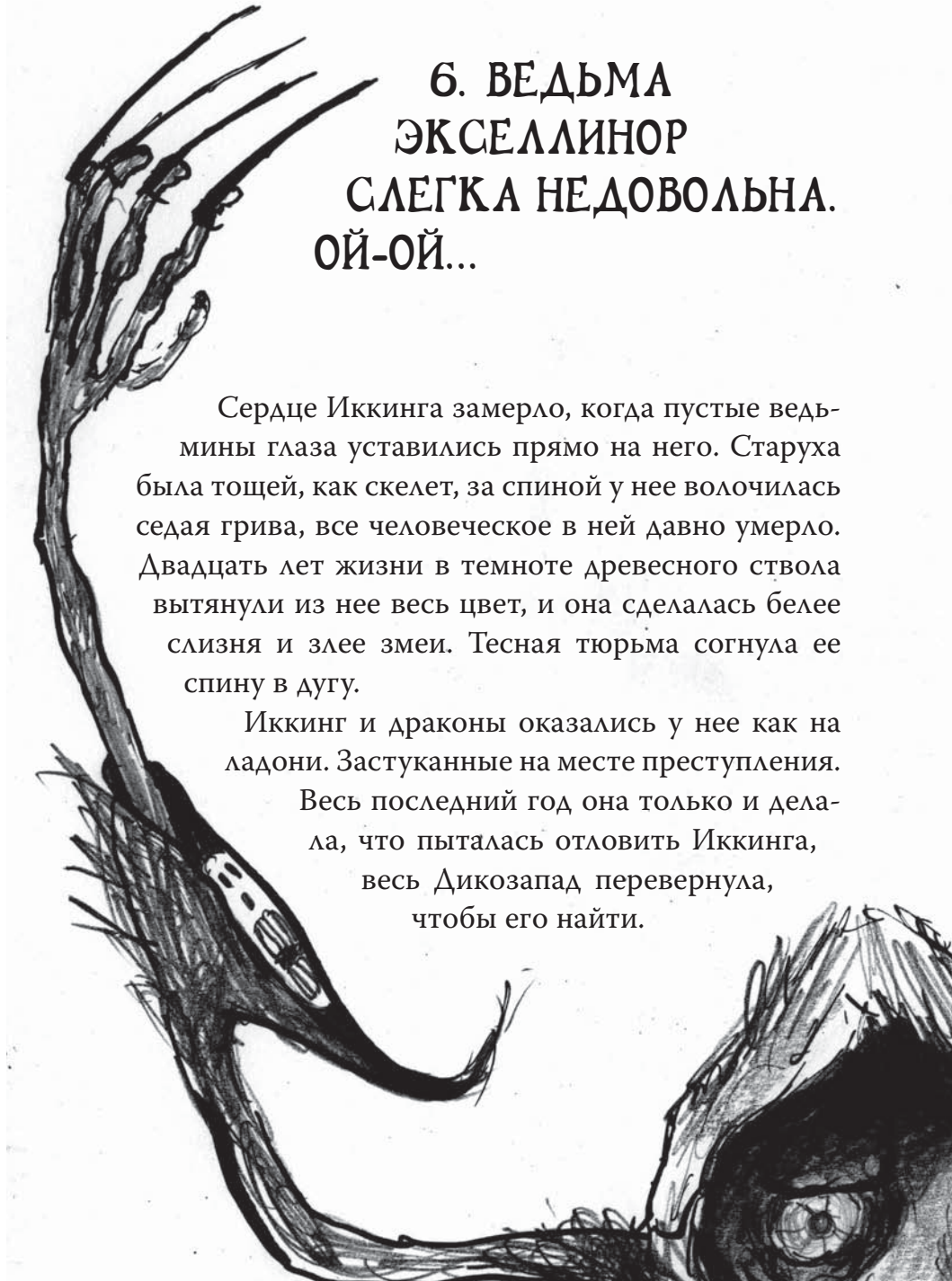
ФАКТОР УСТРАШЕНИЯ:.....10
АТАКА:.....10
СКОРОСТЬ:.....10
РАЗМЕР:.....10
НЕПОСЛУШНОСТЬ:.....10

Отдельные виды воздушных драконов летают настолько высоко, что люди их просто не видят. Серебряный призрак как раз из таких: его видят лишь мельком, крайне редко и на огромной высоте. Эти породы драконов также называют привидениями, а некоторые вовсе сомневаются в их существовании.

6. ВЕДЬМА ЭКСЕЛЛИНОР СЛЕГКА НЕДОВОЛЬНА. ОЙ-ОЙ...

Сердце Иккинга замерло, когда пустые ведьмины глаза уставились прямо на него. Старуха была тощей, как скелет, за спиной у нее волочилась седая грива, все человеческое в ней давно умерло. Двадцать лет жизни в темноте древесного ствола вытянули из нее весь цвет, и она сделалась белее слизня и злее змеи. Тесная тюрьма согнула ее спину в дугу.

Иккинг и драконы оказались у нее как на ладони. Застуканные на месте преступления. Весь последний год она только и делала, что пыталась отловить Иккинга, весь Дикозапад перевернула, чтобы его найти.



И вот он сидит под столом, меньше чем в шаге от ее подергивающегося белого носа, и кормит драконов, что строжайше запрещено. Оба малыша зависли в воздухе, оцепенев.

Ведьма потянула носом воздух раз, другой…

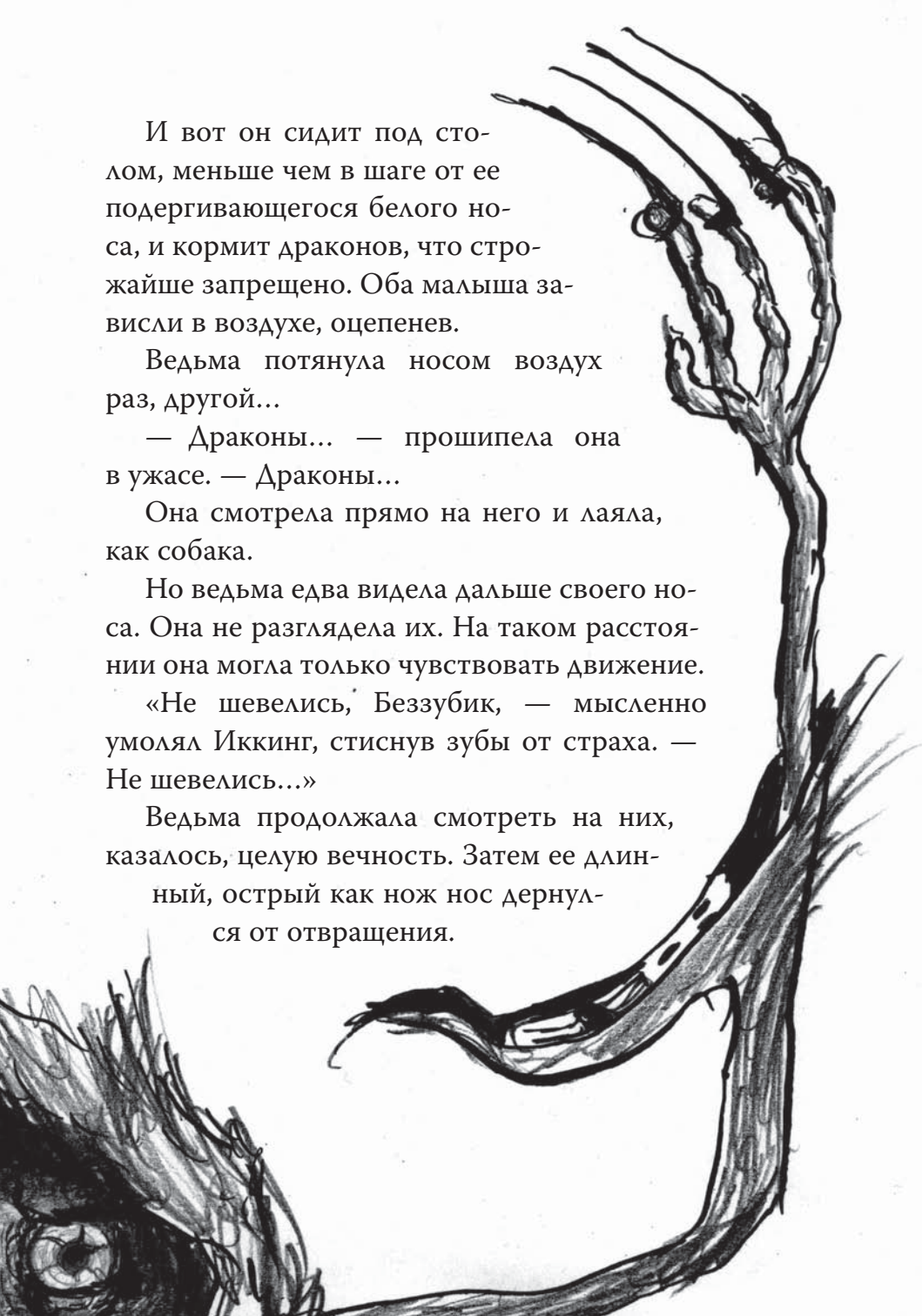
— Драконы… — прошипела она в ужасе. — Драконы…

Она смотрела прямо на него и лаяла, как собака.

Но ведьма едва видела дальше своего носа. Она не разглядела их. На таком расстоянии она могла только чувствовать движение.

«Не шевелись, Беззубик, — мысленно умолял Иккинг, стиснув зубы от страха. — Не шевелись…»

Ведьма продолжала смотреть на них, казалось, целую вечность. Затем ее длинный, острый как нож нос дернулся от отвращения.



— Странно, — презрительно заметила старуха. — Мне показалось, я учуяла драконов, но это всего лишь рабы. Ну и вонь.

И — шмыг-шмыг — двинулась прочь, сопровождаемая «топ-ТУК, топ-ТУК» Элвина.

Тор, благослови слизь дракона-вонючки!

Дрожа от облегчения, Иккинг засунул Одинклыка обратно за пазуху. Бородавка на кончике носа отвалилась, и он едва успел подхватить ее, пока Беззубик не слопал. Глубоко потрясенный, мальчик прилепил бородавку на место, затолкал Беззубика к Одинклыку и вылез из-под стола.

Девочка с черными волосами и большими глазами теперь сидела на его месте. О боги, эти большие, полные отчаяния глаза изрядно беспокоили его.

— Долго же ты просидел под столом, — серьезно заметила девочка.

— Я это… отдыхал, — только и смог придумать Иккинг.

— Меня зовут Эггингарда, — представилась малышка.

— Приятно познакомиться, Эггингарда, — произнес Иккинг, устало пожимая ей руку. — Послушай, Эггингарда, а что это за Поиск такой и как люди становятся Пропавшими?

— Мы, рабы Янтарных Рабовладений, выходим на Поиск каждый день. — Эггингарда говорила очень по-взрослому для такой маленькой девочки. — Как только начинается отлив, трубят рога, и мы выходим на красные пески искать янтарное Сокровище. Оно нужно ведьме и ее сыну Элвину, но его там нет. Я выходила на пески каждый день, сколько себя помню, и точно могу сказать тебе, что Сокровища там нет.

Здорово…

— Потом трубит второй рог, — продолжала Эггингарда еле слышным испуганным шепотом, — и мы возвращаемся в Черное Сердце. Если только…

— Если только?

— Нас не уносит прилив или… — Эггингарда остановилась и распахнула глаза еще шире, — или что-то еще.

Черные глаза девочки выглядели очень знакомо, она кого-то напоминала Иккингу, вот только кого?

— Эггингарда, — спросил он, — сколько ты уже здесь?

— Сколько себя помню, — сказала девочка.

Бедная Эггингарда.

Сколько себя помнит.

А это долго.

— Все нормально, — сказала Эггингарда. — Я не боюсь, потому что я Странница, а Странники дикие.

Эггингарда натянула капюшон, растопырила пальцы, согнув их в когти, и зашипела.

Иккинг притворился, будто испугался. Эггингарде понравилось. Она аккуратно сняла капюшон медвежьего костюмчика и доверительно прошептала:

— Иногда я сама себя боюсь…

— Не сомневаюсь, — ласково сказал Иккинг. — А у тебя, случайно, не было очень страшной бабушки?

— У Странников все бабушки страшные, — ответила Эггингарда.

Ведьма вспрыгнула на Высокий Стол, выпрямилась и открыла рот. Это выглядело так же жутко, как если бы собака внезапно встала на задние лапы и заговорила по-человечески.

— ДУРАКИ! — проскрежетала ведьма. — НЕВЕЖДЫ! ТРУСЫ! ЛЕНТЯИ! ГДЕ МОЕ СОКРОВИЩЕ, ВЫ, ТУПОГОЛОВЫЕ?

— Как видите, — промурлыкал Элвин, полируя свой крюк, — моя мама слегка недовольна.

Но тут ведьма, к немалому облегчению оцепеневших от напряжения слушателей, заговорила совсем другим тоном, мягким и рассудительным:

— Рабы Янтарных Рабовладений. Я принесла вам карту Чернобородa. — Она указала на карту, аккуратно повешенную в центре двора. — Видите, как четко там обозначено, что Драконий Камень спрятан где-то между Зеркальным Лабиринтом и тюрьмой Черное Сердце? Я всего лишь прошу вас, ради блага всего Дикозапада, отыскать мне Камень. Но вижу, этого мало, чтобы по-настоящему вас заинтересовать. Так слушайте, рабы! — взвизгнула ведьма. — Тот, кто найдет мне Драконий Камень или хотя бы того мелкого Изгнанника…

При упоминании о своей персоне Иккинг виновато подскочил на скамье. К счастью, никто этого не заметил — все напряженно смотрели на ведьму.

— Нашедший Камень, кто бы он ни был, получит самый драгоценный приз из всех… И приз этот, — промурлыкала старуха, — СВОБОДА.

Толпа подалась вперед, жадно впитывая каждое ее слово.

— Свобода, — мечтательно протянули люди вслед за ней. — Свобода…

— Только закройте глаза, — улыбнулась кошмарная ведьма, — и представьте, что́ это слово значит для вас — свобода…

Закройте глаза и представьте, что свобода значит для вас…

Какие простые слова.

Измученные, оборванные рабы закрыли глаза, и каждый вообразил свое, но все видели одно и то же. Ясное голубое небо. Полет верхом на драконе. Корабль, бороздящий по твоей воле беспокойные волны. Маленький домик в тихой деревеньке на небольшом островке, из трубы лениво поднимается дымок. Дом.

Где-то далеко-далеко от этих цепей, этих безнадежных песков, этих темных тюремных стен…

— А как же Клеймо? — выкрикнул один из рабов, позабыв свое место.

— Его можно выжечь, — ловко ответила ведьма. — Операция несколько болезненная, но ради СВОБОДЫ можно и потерпеть.

— Вы ведь лжете, маменька? — шепнул Элвин Вероломный.

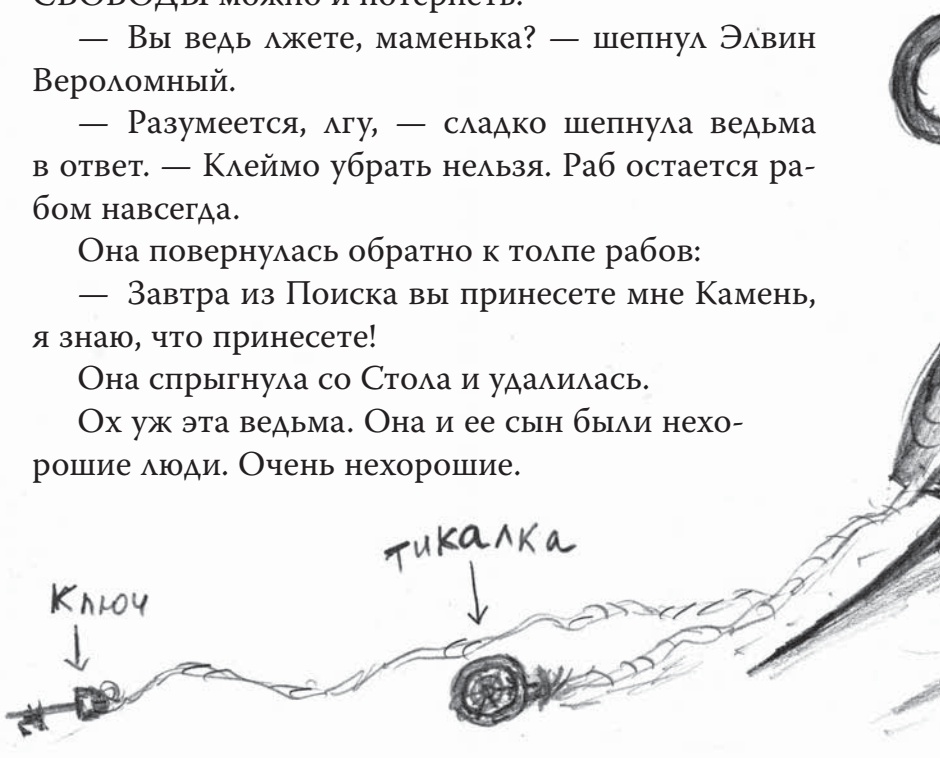
— Разумеется, лгу, — сладко шепнула ведьма в ответ. — Клеймо убрать нельзя. Раб остается рабом навсегда.

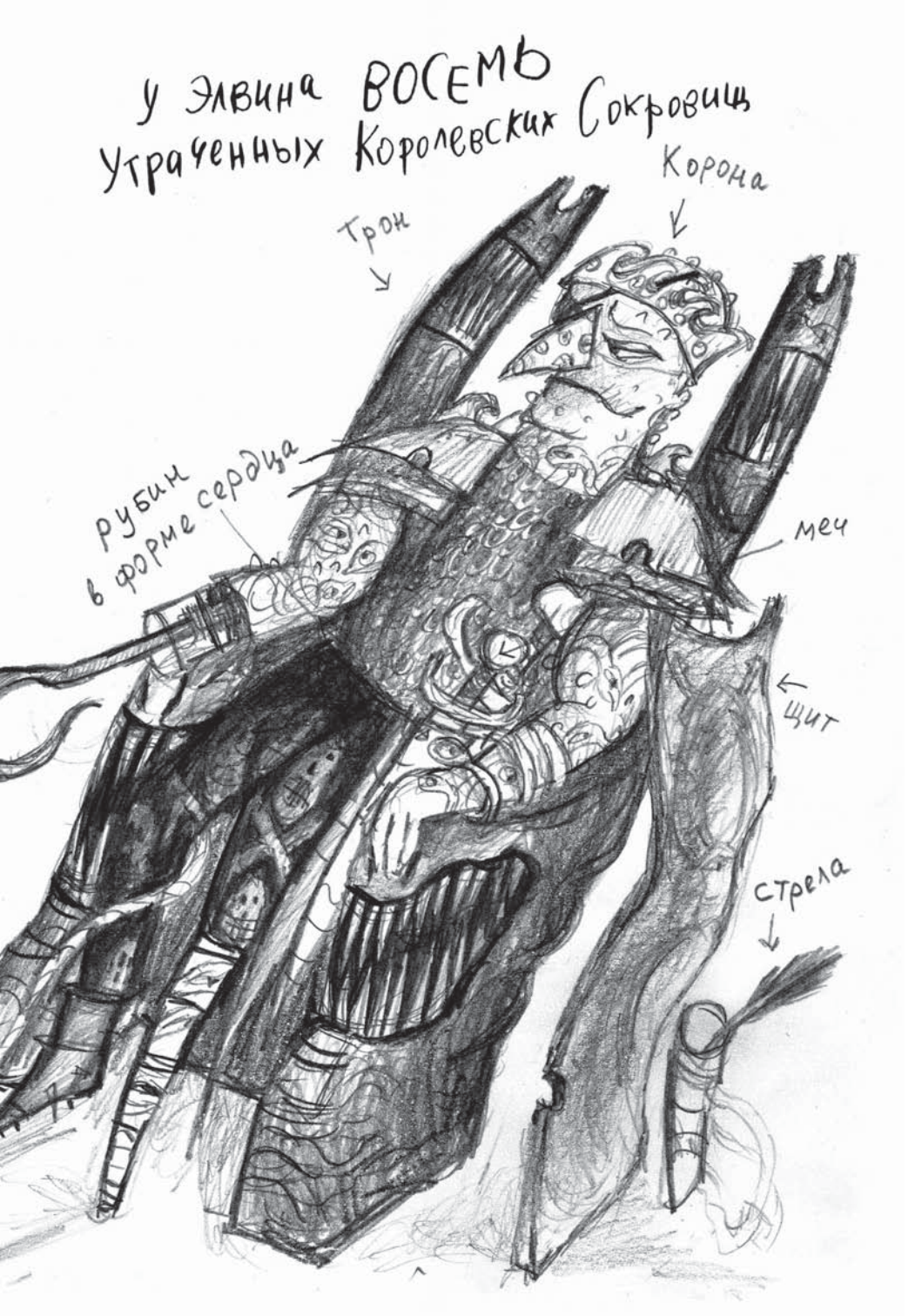
Она повернулась обратно к толпе рабов:

— Завтра из Поиска вы принесете мне Камень, я знаю, что принесете!

Она спрыгнула со Стола и удалилась.

Ох уж эта ведьма. Она и ее сын были нехорошие люди. Очень нехорошие.




У Элвина ВОСЕМЬ
Утраченных Королевских Сокровищ
Корона
Трон
рубин
в форме сердца
меч
щит
стрела

7. ПОИСТИНЕ СТРАШНАЯ СКАЗКА — НЕ ЧИТАЙТЕ ПЕРЕД СНОМ!

Черноволосая девчушка по имени Эггингарда показала Иккингу его место в углу одной из темниц Черного Сердца, служившей рабам спальней.

— Похоже, тут уже кто-то спит, — с сомнением произнес Иккинг.

— Нет. — Девочка твердо и печально помотала головой. — Раньше это была постель Недотепы, но он больше там не спит.

Иккинг устроил Одинклыка и Беззубика под потрепанным одеялом, которое принес с собой в рюкзаке. Затем там же, под одеялом, у них с Беззубиком состоялся спор шепотом.

— **Беззубик, я же тебе велел не трогать несъедобное, помнишь? Погляди, ты мне в рубахе громадную дыру проел...**

Беззубик округлил нефритовые глаза и невинно похлопал неприлично длинными ресницами.

— **Это не Б'бе-беззубик...** — пробубнил он с набитым ртом и с надеждой указал крылышком на Одинклыка. — **Должно быть, это О-о-одинклык...**

— **Да у тебя лоскуток из пасти торчит, я же не слепой!** — возмущенно прошептал Иккинг. — **Лучше сознавайся!**

Беззубик запротестовал:

— **Нет, н-н-нет, нет...**

Но пока он это говорил...

...у него изо рта выпала пуговица.

Иккинг и Беззубик уставились на нее.

У Беззубика все же хватило совести напустить на себя слегка виноватый вид.

— **Из'звини, рубашка...** — пискнул Беззубик. — **Смотри, Б'бе-беззубик признался!** — Он проглотил остатки рубашки. — **Извини, п-п-пояс. Извини, верх штанов. Извини, карман безрукавки... О, у Б'бе-беззубика хо-хорошо получается сознаваться...**

Иккинг вздохнул. Так у него не останется ничего необкусанного.

Вынырнув из-под одеяла, он повернулся к Эггингарде:

— А где теперь спит Недотепа?

Девочка нахмурилась. Она не ответила на вопрос, а просто сосчитала на пальцах прежних владельцев постели, где собирался ночевать Иккинг:

— А до Недотепы тут была Пучеглазая Герти, а до нее забавный парнишка с большими ушами, а до него Рукомаха — это за его свечку ты держишься. — (Иккинг отдернул руки от свечи, словно она была отравлена.) — И Ладошка Храбрый, и…

— Что случилось со всеми этими людьми? — спросил Иккинг в ужасе.

Эггингарда не ответила.

— Ты точно уверена, что в этой постели никогда не спал мальчик по имени Рыбьеног? — спросил Иккинг.

Эггингарда глянула испуганно:

— Рыбьеног — это такой высокий тощий мальчик с вьющимися волосами, в разбитых очках и с лицом как у селедки, который мечтал стать скальдом, точно как я?

— Да, — радостно подхватил Иккинг. — Это Рыбьеног!

— Нет, — сказала Эггингарда. — По-моему, я никогда не видела тут никого похожего. Но если бы видела, — добавила она с тоской, — думаю, он бы мне понравился.

— Эггингарда, ты же только что его описала! — раздраженно воскликнул Иккинг. — Ты наверняка знакома с ним! Пожалуйста, ты должна мне сказать. Он мой лучший друг. Что случилось с ним? Где он?

Эггингарда встревоженно покачала головой:

— Тсс! Я не могу тебе сказать. Рассказывать о Пропавших не разрешается, это подрывает дух.

Она оглянулась через плечо на темницу, заполненную постепенно затихающим шепотом. Люди устраивались на ночь.

Эггингарда натянула медвежий капюшон и выглянула из-под него.

— Но я могу рассказать тебе сказку, — сказала она, решительно нахмурив густые черные брови так, что они сошлись в одну прямую линию, и втянув воздух сквозь щель в зубах. — Очень страшную сказку. Это сказка не про твоего друга Рыбьенога. — Эггингарда яростно замотала головой. — Не-не-не-не-не. Это… про кого-то другого. Сказка называется: «Про мальчика-раба, девочку-рабыню и Чудище Янтарных Рабовладений».

— ПФФ! — Кто-то задул последнюю свечу в темнице.

Мрачным и тревожным шепотом маленькая девочка настояла на том, чтобы рассказать сказку.

Представьте себе громадную гулкую темницу, где шепот шелестит, словно голоса духов. Представьте себе Эггингарду, как она лежит в своем медвежьем костюмчике и размахивает в воздухе руками, помогая сказке, и как тени ее рук жутко пляшут в лунном свете на стены темницы.

СКАЗКА ПРО МАЛЬЧИКА-РАБА, ДЕВОЧКУ-РАБЫНЮ И ЧУДИЩЕ ЯНТАРНЫХ РАБОВЛАДЕНИЙ

— Однажды, давным-давно, в самой Проклятой из всех Проклятых Земель, в Янтарных Рабовладениях, бедный мальчик-раб и девочка-рабыня катили на своих песчаных буерах… — начала Эггингарда.

— **Ой, не давай ей рассказывать…** — простонал Беззубик из-под одеяла. — **А вдруг это страшная сказка, а Б'бе-беззубику и так уже очень стра-а-ашно в этой те-темнице…**

Но Эггингарду было не остановить. Она говорила и говорила, словно история сама рвалась с ее губ. Может быть, девочка просто не могла держать это в себе.

И Иккинг хотел услышать рассказ. Потому что вдруг Эггингарда все придумывает? Вдруг это все-таки история про Рыбьенога?

Для такой малышки Эггингарда рассказывала великолепно, не хуже настоящей сказительницы. Может, просто наслушалась, как это делают взрослые, а может, все Странники — прирожденные рассказчики.

— Отлив был такой низкий, — шептала Эггингарда, — что страшные красные пески протянулись насколько хватает глаз на север, на запад, на юг и на восток —

ничего, кроме песка. Песок повсюду. Песок и зловещая тишина.

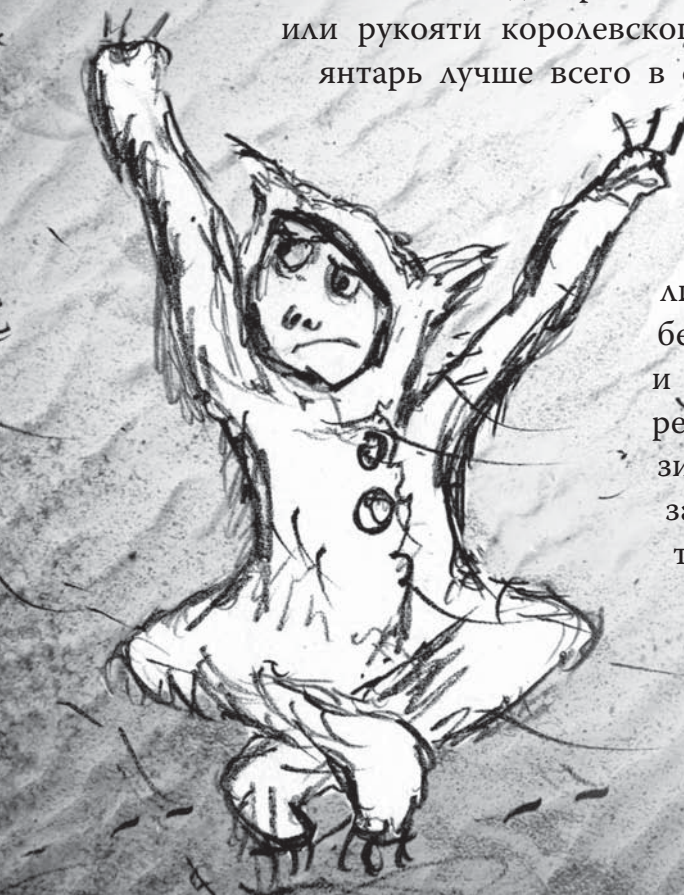
Даже птичьих голосов не было слышно над этими страшными красными песками, даже крики чаек не разносились над ними. Ибо пески скрывали нечто ужасное, нечто поистине кошмарное, и птицам хватало ума держаться подальше.

Раб и рабыня шли на своих буерах из Восточных песков. Они дико озирались и работали шестами так, словно за ними гнались ведьмы, хотя вокруг не было ни души. Не переставая поглядывать по сторонам, они время от времени останавливались и тянулись подобрать лежащий на песке янтарь своими сачками на длинных ручках.

Обнаженные отливом кусочки драгоценного янтаря поражали роскошью и разнообразием. Одни были цвета меда и прозрач-

ные, как воздух, другие — молочные капли желтовато-зеленого, третьи — кораллово-красные, теплые на ощупь, с застывшими внутри крылышками мелких насекомых.

Эти берега славятся как лучшие места для поиска янтаря во всем викингском мире. Множество рабов умерли здесь, пытаясь отыскать драгоценный янтарь, достойный воинственной дочери викингского вождя или рукояти королевского меча. Искать янтарь лучше всего в отлив, а низкий отлив лучше всех… но и самый опасный.



Они все гребли и гребли как безумные. Вперед, и вперед, и вперед — ивовые корзины уже почти заполнились янтарем. Красные пески побулькивали и шелестели, буерки шлепали по

ним вперед, вперед, вперед. Возвращаться было нельзя… и вдруг мальчик и девочка остановились. Резко, как подстреленные.

Перед ними в мягком, мокром красном песке сверкали алые углубления, появляющиеся из ниоткуда, и тянулись на многие мили. Море заполняло отпечатки, блестевшие в свете заката, словно пролитая кровь.

Следы были такие большие, что буер рабыни с глухим бульканьем остановился прямо посреди одного из них и еще место осталось.

Это были следы… ГИГАНТСКОГО… дракона.

Беззубик жалобно заскулил. А Эггингарда продолжала:

— Сердца раба и рабыни замерли. Они поняли, что обречены. Удача покинула их окончательно. Они посмотрели друг на друга и свернулись на своих буерах калачиком, закрыв головы руками. Мальчик-раб представил, что он снова дома, в своей деревне, а девочка-рабыня представила бы себе, что она дома, если бы знала, где этот дом.

Но тут мальчик вспомнил, что до того, как угодить в рабство, он готовился стать

пиратом. А девочка вспомнила, что на самом деле она очень-очень храбрая.

И они сжали кулаки и погрозили ими следам, чтобы показать, что не боятся…

Эггингарда сжала кулачок и яростно потрясла им в воздухе. Тень ее кулака тоже заметалась, куда больше, на стене темницы.

— **Б'бе-беззубику не-не нравится эта сказ'зка,** — прошептал Беззубик.

— Да, мне тоже эта сказка не нравится, — ответил Иккинг вслух, забыв, что Беззубика тут якобы нет.

— Если не хочешь, я могу и не рассказывать дальше. — Эггингарда уронила руки.

Но теперь Иккинг, как бы страшно ему ни было, должен был обязательно узнать, чем закончилась эта история.

— Нет, продолжай, — попросил он.

— Раб с рабыней опустились на колени, чтобы разглядеть след, — сказала Эггингарда. — И пока они стояли на коленях, что-то очень-очень тихо зашевелилось в песке у них за спиной. Оно не издавало ни звука, лишь выпустило легкий фонтанчик песка, словно крохотный булькающий водопад вверх тор-

машками. Вот он поднялся еще чуть-чуть. Что это было? Нечто очень странное…

На песке лежал великанский глаз и тихонько моргал. Медленно-медленно он поднялся, а затем из песка выкопались еще четыре глаза. Они моргали на концах длинных драконьих пальцев. Все пять вместе образовывали гигантскую когтистую драконью лапу.

Лапа замерла. Жуткие глаза на пальцах в упор уставились на мальчика.

Рабы, стоя на коленях в песке, почувствовали чье-то присутствие за спиной. Волосы у них на затылке зашевелились от страха, они ме-е-едленно огляну-у-улись…

— Ты меня с ума сведешь, Эггингарда, — выдохнул Иккинг.

— **И меня,** — заметил Одинклык, выглядывая из-под покрывал.

— **И Б'бе-беззубика,** — добавил дракончик, зажимая крылышками уши. — **Разве ты не можешь заставить ее остановиться? Уку-кусить, там, или еще как...**

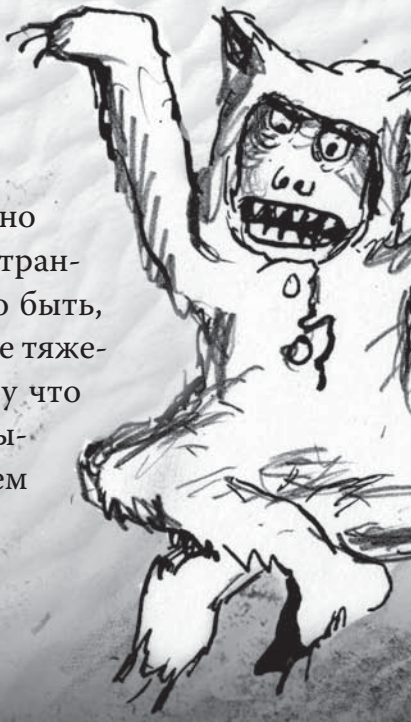
— **Беззубик,** — укоризненно произнес Одинклык.

— **Ну совсем чуть-чуть куснуть?** — взмолился Беззубик. — **Ласково. Только чтоб остановилась!**

Но Эггингарду уже ничто не могло остановить.

— «А-а-а-а-а-а!» — заорали они. — Девочка выпрямилась, сидя в постели, и сама заорала: — А-а-а-а-а!

Орала она громко, но никто из рабов, как ни странно, не проснулся. Должно быть, они слишком устали после тяжелого дня в песках, потому что продолжали похрапывать как ни в чем не бывало.



— И рабыня, и раб попрыгали на свои буера и погнали их вперед что было сил. Они неслись как бешеные, крича и шлепая шестами по алому песку. Они не могли остановиться, чтобы подуть в свистки, не могли остановиться, потому что за ними гнался дракон. Если бы они остановились, никто не успел бы их спасти.

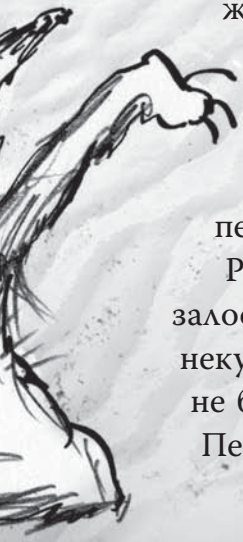
Драконьи глаза-лапа-перископы исчезли, но, оглядываясь в испуге через плечо, беглецы видели, что пять бугорков песка следуют за ними и даже не думают отставать.

Эггингарда все сильнее размахивала руками, живописуя кошмар, словно дирижировала какой-то дикой музыкой, все быстрее и быстрее:

— Раб и рабыня гребли и гребли, а пять бугорков песка неотступно следовали за ними, терпеливо дожидаясь, пока они устанут.

Раб и рабыня гнали свои буера, казалось, несколько часов. Деваться было некуда. Деревьев, чтобы на них залезть, не было. Криков никто бы не услышал. Пески тянулись бесконечно.

И тут!..



И тут?! Иккинг, Беззубик и Одинклык в ужасе подались вперед…

Эггингарда сглотнула, руки ее на миг замерли, а затем продолжила еще более замогильным голосом:

— В самой восточной части Проклятых Земель, прямо рядом со скалой, похожей на

торчащий к небу ведьмин палец, буер мальчика задел металлический край драконьего капкана, полуприкрытый песком в ожидании дракона.

Драконий капкан захлопнулся, захватив борт буера, и прижал его накрепко.

Буер мальчика перевернулся.

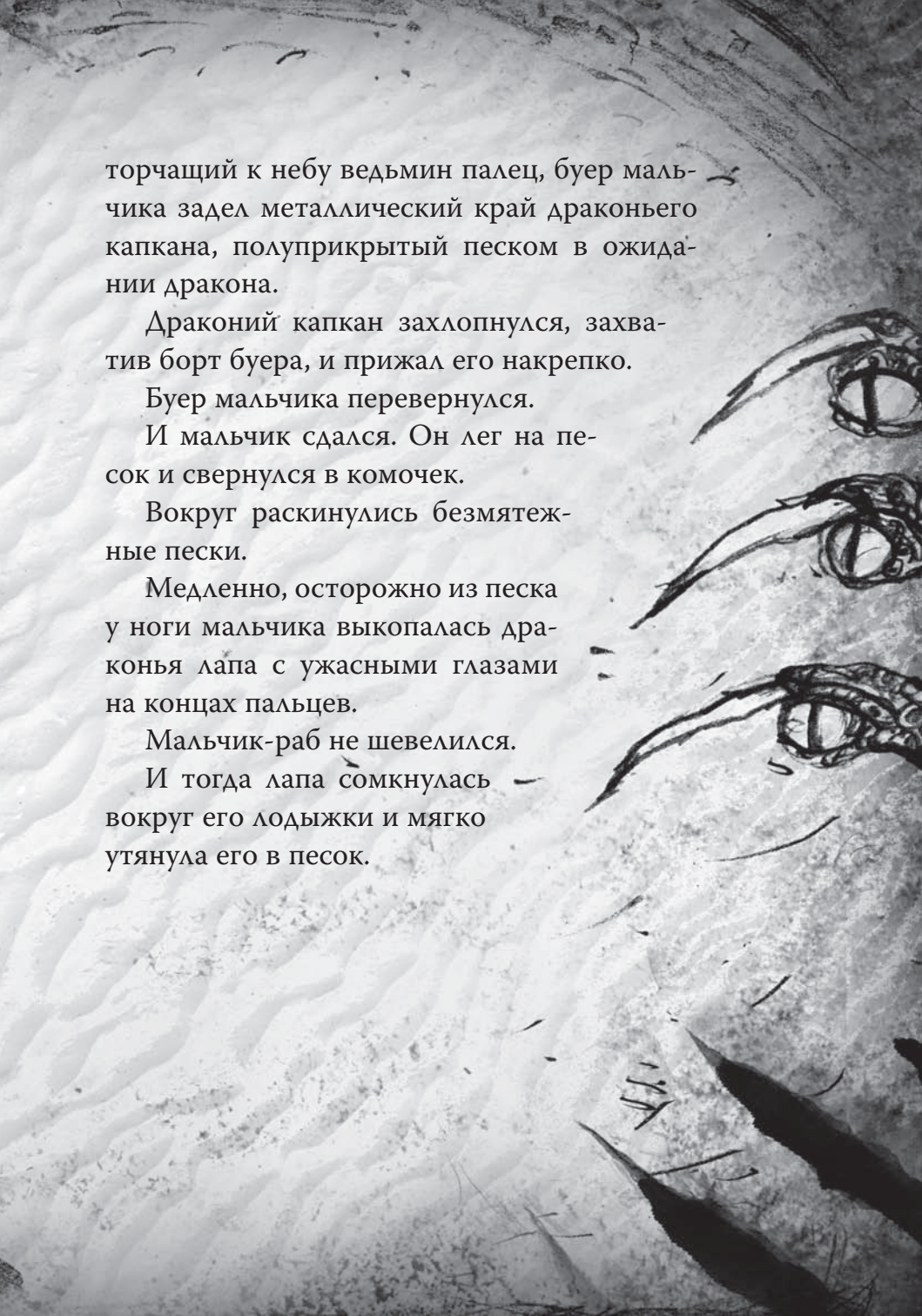
И мальчик сдался. Он лег на песок и свернулся в комочек.

Вокруг раскинулись безмятежные пески.

Медленно, осторожно из песка у ноги мальчика выкопалась драконья лапа с ужасными глазами на концах пальцев.

Мальчик-раб не шевелился.

И тогда лапа сомкнулась вокруг его лодыжки и мягко утянула его в песок.



НЕ У ВСЕХ СКАЗОК СЧАСТЛИВЫЙ КОНЕЦ

Эггингарда медленно опустила руки. Воцарилось долгое-долгое молчание.

— Что сталось с девочкой? — в ужасе выдавил наконец Иккинг.

— Она поехала дальше, обратно в тюрьму, — вздохнула Эггингарда и натянула капюшон своего медвежьего костюма.

Беззубик и Одинклык под покрывалами тихонько жалобно скулили. Им тоже явно не понравилась сказка.

— Это очень-очень грустная сказка, — сказал Иккинг. — Почему мальчик не спасается? Не могла бы ты сделать так, чтобы он спасся, чтобы у сказки был счастливый конец?

— Если бы я жила где-нибудь, где есть место счастью, — ответила Эггингарда, — наверное, в моих сказках было бы место счастливому концу.

Чем больше Иккинг думал о сказке, тем больше крепло в нем нехорошее подозрение.

— Это ведь не правдивая история, а, Эггингарда? — спросил он.

«Пожалуйста, пусть это будет выдумкой…»

Девочка ничего не ответила.

— Это ведь не про Рыбьенога? Мальчик-раб и девочка-рабыня — это же не были вы с Рыбьеногом, правда, Эггингарда?

Темнота полнилась тишиной.

— Этого я тебе сказать не могу, — наконец отозвалась Эггингарда. — А то еще дух подорву.

Иккинг умолял и умолял ее, но она больше не произнесла ни слова.

Было темно. Тихо. Все остальные уже спали.

Через минуту посапывание донеслось и с постели рядом с Иккингом. Эггингарде-то хорошо, она сняла груз этой истории со своих плеч.

Но Иккинг и его два дракончика лежали без сна в темноте, прислушиваясь к реву Мятежных драконов, атакующих тюрьму.

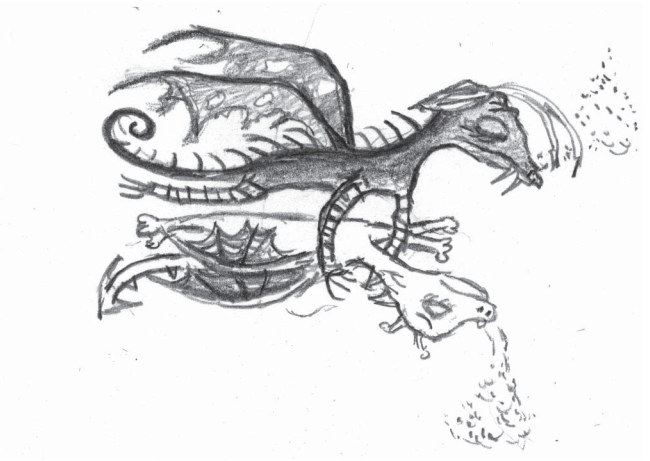
— **Но ведь она все выд'думала, правда, хохозяин?** — прошептал Беззубик, его глаза горели в темноте, как факелы.

Иккинг и сам всем сердцем желал, чтобы история оказалась только сказкой…

— **Никогда не слышал о таких чудовищах,** — прошептал он в ответ. — **Хотя поговаривают, будто в песках Янтарных Рабовладений водятся странные твари. В других местах их давным-давно не осталось, но здесь они развивались собственным особым путем. Безмозглые ногодеры, стрекальщики, слизнеклыки... Но я никогда не слышал о драконе с глазами на пальцах.**

— **Так что, может, все это и выдумка...** — заявил Одинклык, к облегчению Беззубика.

И дракончики уснули (Одинклык ласково обнимал лапками Беззубика, защищая его). А Иккинг так и лежал без сна.



«Что, если рассказ Эггингарды — правда? — думал он. — И все это случилось с Рыбьеногом? Пожалуйста, пусть это будет выдумкой…»

Потом Иккинг сурово сказал самому себе: «Рыбьеног где-то снаружи, он верит в меня, не теряет надежды».

Вскоре юность и привычка верить в лучшее взяли свое, и Иккингу удалось убедить себя, что история Эггингарды — просто сказка, хоть и очень правдоподобная. И он тоже уснул.

ЧТО
там,
в этих
песках?
Где
рыбенок?
Где
Рыбенок??
ГДЕ
РЫБЕНОК???

Безмозглый ногодер

~ ХАРАКТЕРИСТИКИ ~

ФАКТОР УСТРАШЕНИЯ: 5
АТАКА: 4
СКОРОСТЬ: 2
РАЗМЕР: 1
НЕПОСЛУШНОСТЬ: 7

Безмозглые ногодеры – примитивные создания, которые обитают в толще песка Янтарных Рабовладений. Они мгновенно чуют, когда кто-то идет, выныривают из песка, хватают жертву мощными челюстями, похожими на створки раковины, и снова зарываются в глубину.

8. СБОР ЯНТАРЯ В ЯНТАРНЫХ РАБОВЛАДЕНИЯХ

Рано-рано на следующее утро рабы собрались в тюремном дворе на Поиск.

Беззубик, невыспавшийся и перепуганный, выглядывал у Иккинга из-за пазухи.

— Б'бе-беззубик не хочет ид'дти на этот По-поиск.

Иккинг тоже не хотел.

— ОТКРОЙТЕ ВОРОТА ЯНТАРНЫХ РАБОВЛАДЕНИЙ! — рявкнул Элвин Вероломный.

СКРИИИИП!

Громадные створки в восточной стене тюрьмы Черное Сердце распахнулись, и Иккинг впервые увидел пески Рабовладений.

Необычайно яркий алый, как кровь, оттенок им придавала вулканическая порода. Отлив обнажил пески на многие мили — окруженные стенами Рабовладений, они тянулись насколько хватает глаз и дальше.

— КОПАЙТЕ ИЗО ВСЕХ СИЛ! СМОТРИТЕ В ОБА, ХОТЬ ВСЕ ГЛАЗА ПРОГЛЯДИТЕ! НО, РАДИ ТОРА, ОСТОРОЖНЕЕ... а то мы в последнее время многовато рабов теряем! — выкрикнул Элвин Вероломный.

Прозвучал холодный и чистый голос рога.

— ВПЕРЕД, НА ПОИСК!!!

По всему периметру двора, за безумными нагромождениями оружия и драконьих капканов, стояли бесконечные ряды песчаных буеров. Толпы рабов кинулись к ним и принялись толкаться. Объявленная ведьмой награда значила для них куда больше, чем наказание за нерадивость.

— Спокойно, Охотники за Янтарем! — гаркнул Стоик Обширный своей команде, вскинув громадную ладонь. — Спокойно! Времени у нас предостаточно.

Так что Охотники за Янтарем подошли к песчаным буерам, когда толчея и давка уже схлынули.

Эггингарда показала Иккингу его буер.

— Он теперь ничей, — сказала она.

Иккинг сглотнул.

— Что случилось с его бывшим владельцем? — спросил он, хотя уже знал ответ.

— Я правда не могу сказать, — отозвалась Эггингарда, но ее глаза, казалось, говорили: «Пропа-а-ал…»

— Знаю-знаю: это подрывает дух, — закончил за нее Иккинг.

Песчаный буер оказался шаткой кособокой штуковиной с корзиной для янтаря на корме и длинным шестом, тоже кривоватым, чтобы отталкиваться от песка.

Иккинг мысленно окрестил буерок «Молодым талантливым бакланом-2», ибо тот очень напоминал «Молодого талантливого баклана», крохотную лодчонку, которая была у него на Олухе давным-давно. До войны…

Чтобы приподнять собственный боевой дух и напомнить себе о том, что счастливые времена настанут снова, он вытащил из рюкзака кусок мела и нарисовал значок «Молодого талантливого баклана» на боку буера.

— Буер надо беречь, — объяснила Эггингарда, — потому что, если у тебя сломается мачта или еще что, ты не сможешь вернуться обратно в Черное Сердце до прилива.

У каждой команды имелся надсмотрщик. Во главе Охотников за Янтарем Элвин поставил Сморкалу.

— Но я же вождь и драконоборец! — яростно возмутился Сморкала. — А не раб или стражник! Я должен быть там, за тюремными стенами, убивать драконов для тебя, Король. Я слишком важен для этой войны, чтобы сгинуть в песках.

— Молчать! — гаркнул Элвин. — Или ты не уважаешь мои приказы, вождь Сморкала?

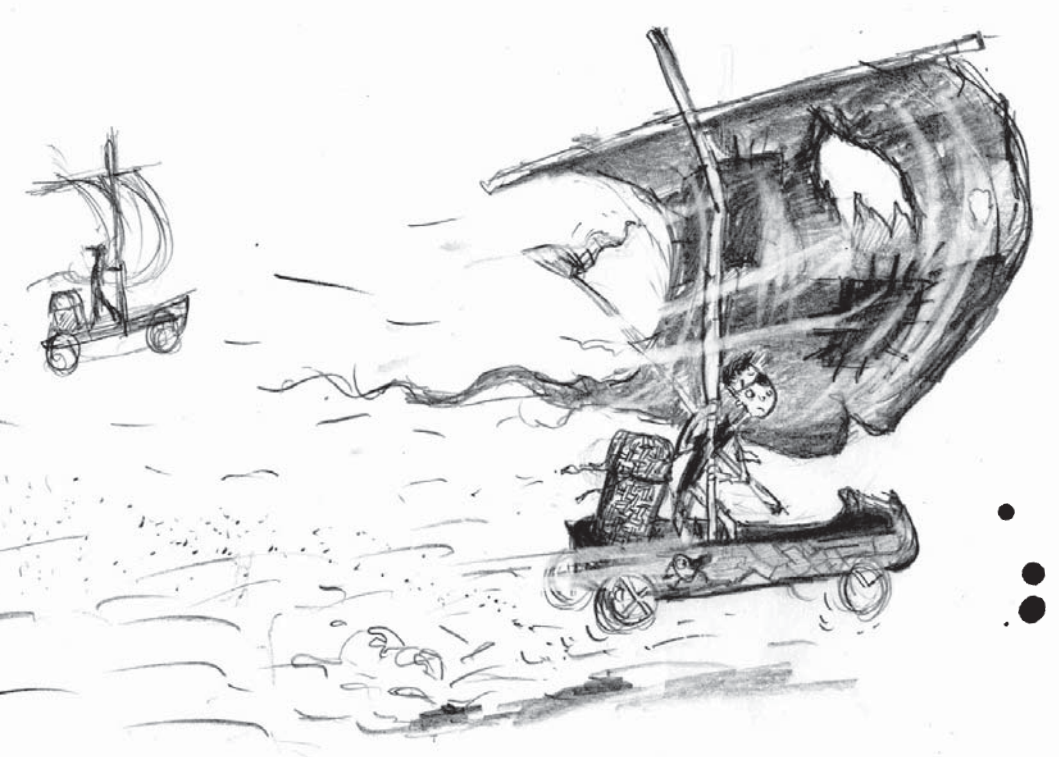
Сморкала умолк. Дураком он не был. Он знал, что случилось с теми, кто не уважил приказы Элвина.

— Благодарю, — промурлыкал Король. — В последнее время мы потеряли много тюремных стражников, а Камень надо найти как можно скорее. Моя матушка видела это во сне, а к матушкиным снам следует прислушиваться.

Так что перед выходом к команде Охотников за Янтарем обратился Сморкала.

— ЗНАЧИТ, ТАК, вы, уроды уродские! Вы слышали, что сказал Элвин: ищите, пока у вас глаза не повылазят! Стоик, Пузан и Плевака, не смейте отставать. Не хватало еще, чтобы вы, старичье, задерживали всю команду, — ехидно бросил он.

И вот они выехали следом за великой армией буеров на пески.



Впереди от толпы то и дело отделялись маленькие группки и принимались копать бессмысленные ямы или высматривать янтарь, поэтому по мере продвижения на восток армия буеров постепенно таяла.

Пока не остались только Охотники за Янтарем.

Они шли под парусом несколько часов.

Земля и острова постепенно таяли далеко позади.

Уходящая вода порождала странный сосущий звук. Под ногами булькало, шипело, лопалось... И может, у Иккинга просто разыгралось воображение, но сейчас ему было совсем не трудно поверить, что там, ВНИЗУ, и правда затаилось в ожидании нечто жуткое, что вот-вот пески разверзнутся и коварный хищник выскочит прямо на людей...

Там могли обитать безмозглые ногодеры... бешняки... а то и что-нибудь похуже...

Самое жуткое, что все рабы, похоже, думали об одном и том же. Они сделались очень-очень нервные и все время озирались.

Беззубик с Одинклыком встревоженно выглядывали у Иккинга из-за пазухи.

— **Ду-думаешь, Эгги-гингарда не врала? Там, внизу, правда Чуд'дисче?** — спросил Беззубик жалобно.

— **Ну, Беззубик,** — произнес Одинклык, — **если там и вправду Чудище, нам просто на-**

до постараться с ним договориться. Мы, драконы, как и люди, способны развиваться и спустя эпохи, после смены многих тысяч поколений обрести разум...

«Все это, конечно, здорово, — думал Иккинг, — но готов спорить, этот дракон не самый покладистый».

Вождю Сморкале оказалось трудно не отставать от Охотников за Янтарем. Тюремной страже буера полагались шире и больше, и Сморкала никак не мог приноровиться к своему.

Даже Иккинг шел быстрее Сморкалы, несмотря на то что разваливающийся на части «Молодой талантливый баклан-2» наотрез отказывался двигаться по прямой и ковылял вперед отчаянными зигзагами. (И в этом очень походил на первого «Молодого талантливого баклана», строптивую лодчонку, у которой была склонность ходить кругами.)

— Стойте! Не так быстро! Подождите меня! — орал Сморкала, размахивая кнутом.

Но никто и не думал его ждать.

Он отставал все сильнее.

Поэтому, когда они наконец достигли самой Проклятой части Проклятых Земель далеко-далеко на востоке, Стоик обратился к команде таким тоном, будто всегда был и остается вождем.

— Экхм, — с достоинством кашлянул он. — Команда Охотников за Янтарем! Пусть мы рабы, так

будем лучшими среди рабов! Мы это очень даже можем!

При этих словах даже несчастная маленькая Странница расправила плечи.

— Снаряжение к осмотру! — скомандовал Стоик.

И вот посреди зловещей красной пустыни жалкая горстка буеров выстроилась в цепочку для смотра, а люди гордо выпрямили укрытые лохмотьями спины. Было в этом что-то очень героическое.

Стоик спокойно шел вдоль ряда, словно проверял боевой отряд дома, на Олухе.

Подоспел запыхавшийся Сморкала.

— Как ты смеешь… уфф, ффух… — Он устало хлопнул кнутом. — Это бунт. Я тут главный, Стоик, а не ты! Нам надо набрать как можно больше янтаря, ленивые рабы, так что рассредоточиваемся для работы как можно шире, — пропыхтел Сморкала, восстанавливая свое главенство. — Я останусь здесь, где побезопаснее, с несколькими из вас в качестве телохранителей. Остальные расходятся подальше — ваши жизни значения не имеют. А о тебе, Стоик, я доложу, когда мы вернемся в тюрьму. — Сморкала трясущимся кнутом указал на Стоика.

И тут произошло нечто неожиданное.

Плевака Крикливый шагнул вперед, спокойно отобрал у Сморкалы кнут, сломал его пополам и отдал обратно.

— Сейчас мы не в тюрьме, Сморкала, — сказал Плевака. — Здесь, снаружи, главный Стоик.

Скрестив руки, Плевака сурово уставился на Сморкалу сверху вниз. Сморкала сглотнул — до него начал доходить зловещий смысл его слов.

Плевака был прав. Отсюда тюрьму даже не было видно — только бесконечные красные пески, куда ни глянь, и крохотная кучка буеров, молча застывших посреди пустыни. Многие из рабов уже миновали пору расцвета, но все же они были старые воины, и Сморкала прекрасно знал, на что они способны в бою.

И их было пятнадцать, а Сморкала только один.

— Рано или поздно нам придется вернуться, — прошипел Сморкала, потрясая сломанным кнутом. — Мы не можем остаться здесь навсегда. И когда мы вернемся, я прослежу, чтоб вас прикончили как мятежных…

Плевака пренебрежительно фыркнул, словно от мухи отмахнулся, повернулся к Стоику и отдал Хулиганский салют.

— Какие будут приказания, вождь Стоик Обширный?

— Спасибо, воин Плевака, — отозвался Стоик Обширный, очень важный и горделивый, вождь с головы до ног, воин, каким он был, пока не получил Клеймо. И отсалютовал Плеваке в ответ.

Иккинг расплылся в восторженной улыбке, а Охотники за Янтарем захлопали в ладоши, и Стоик торжественно поклонился им всем. Как же здорово было видеть отца снова главным, пусть лишь на время!

Стоик Обширный, снова Да Трепещет Всякий, Кто Услышит Его Имя, Кх, Гм, оценил положение.

Гораздо безопаснее было бы держаться вместе на случай атаки Незнамо Чего. (О Незнамо Чем, чем бы оно ни было, Стоик старался особенно не думать.)

Однако, может, и стоило немного рискнуть. Ведь если они найдут Камень, то завоюют самую желанную награду. Свободу…

Мысль о свободе на время завладела Стоиком.

Свобода… Достоинство… Может, ему даже удастся снова стать вождем… И тогда не придется рассказывать Валгаллараме обо всем этом печальном эпизоде. Клеймо можно просто спрятать

под шлемом, как делал Иккинг, и она ничего и не узнает…

Стоик прикрыл глаза и одну благословенную минуту наслаждался этой маленькой счастливой неправдоподобной фантазией. А затем открыл глаза и оказался все там же, в проклятущих красных песках, где ветер выдувал из него душу.

Он взглянул на солнце:

— Прекрасный ясный денек… Хорошая видимость! Так, надо разбиться на группки поменьше. Таким образом мы покроем территорию в два раза больше. Я пойду с Эггингардой и… Топильсеном, — объявил Стоик, к удивлению Иккинга. — Посмотрим, не удастся ли нам перебить полосу неудач, которая тебя преследовала в последнее время, Эггингарда. — Стоик устало, но ободряюще улыбнулся девочке.

Малышка низко натянула капюшон своего медвежьего костюма.

— Я не боюсь, — глухо прорычала она. — Пусть старое Чудище само меня боится, потому что мы, Странники, страшные. Рррррр! — зарычала она, скрючив пальчики в когти.

Все притворились напуганными.

— Ого! — воскликнул Плевака, делая вид, будто падает. — Полегче, Эггингарда, у меня чуть сердце не лопнуло.

Малышка выглядела довольной — по крайней мере, та часть лица, что виднелась из-под капюшона.

— Свистки у всех при себе?

Все кивнули. У каждого на шее висел свисток из лосиного рога.

— При первых признаках опасности сразу свистите. Мы все примчимся на помощь. Будьте все время начеку по поводу Незнамо Чего, и я бы сказал, что у нас… — Стоик прищурился на солнце, — четыре часа до прилива. Так, помните, если кто-то найдет Сокровище, остальные собираются вокруг него и охраняют победителя. И не отходите далеко от напарников, чтобы в случае чего каждый мог позвать на помощь. Если мы найдем Камень, получим величайшую награду из всех, саму свободу!

— Свободу! — вскричали Охотники за Янтарем, вскинув сачки на длинных шестах. — Мы ищем свободу!

— Погодите секундочку, — заблеял Сморкала, когда все принялись разворачивать буера. — А со мной кто останется? Всем известно, что здесь что-то водится. — Взгляд Сморкалы нервно обшаривал бесконечные алые пески. — Оно уносит рабов… а МОЯ жизнь слишком важна для Дикозапада, чтобы ею рисковать.

— Да ну, никто тебе не нужен, вождь Сморкала, — ухмыльнулся Плевака. — Ты слишком крут. Да и никакой хищник на ТЕБЯ не польстится. Ты слишком жесткий.

— Я приказываю тебе остаться здесь! — взревел побагровевший Сморкала. — Приказываю! Или я… я…

— Или ты что? — воздел бровь Плевака.

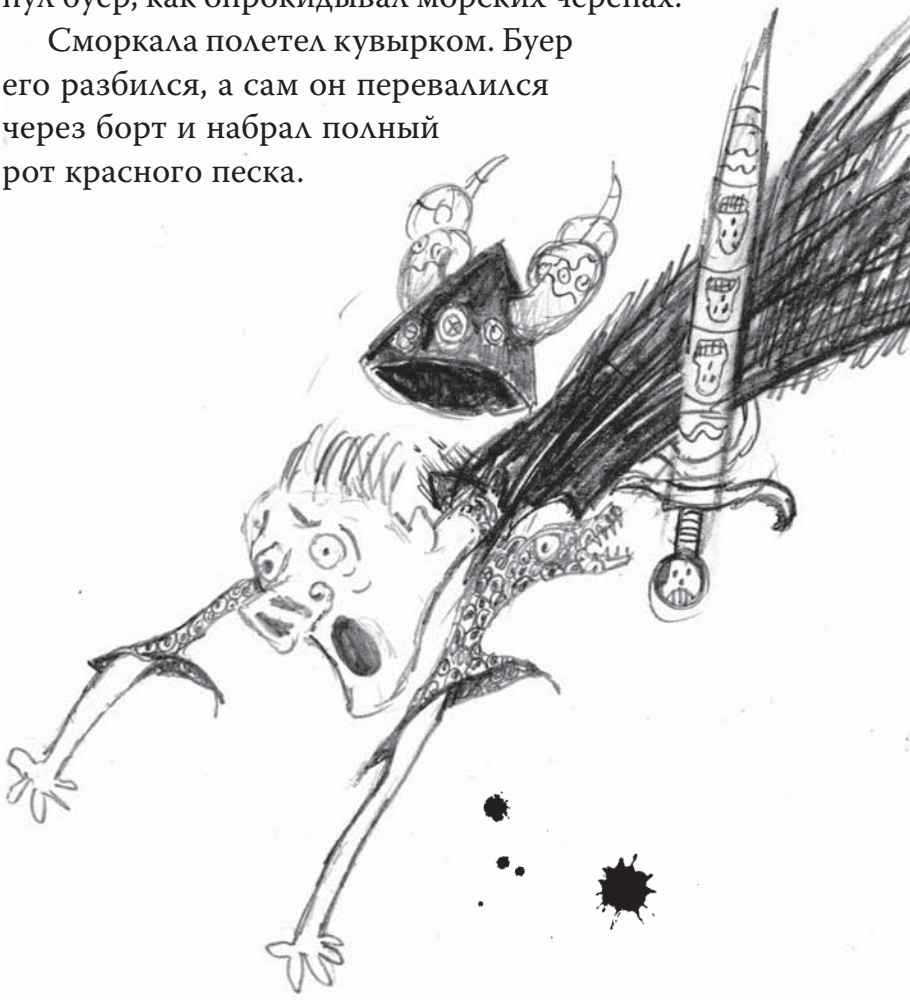
В ответ Сморкала развернул свой буер кругом и со всей поспешностью устремился в сторону тюрьмы.

— Или я доложу, что ты затевал бунт и предательство!

Старшие воины от души расхохотались. Плевака дал Сморкале небольшую фору. Затем несколькими ленивыми взмахами шеста догнал на своем буере красного, взбешенного вождя племени Хулиганов Сморкалу Мордоворота, который на всех парах несся в голубую даль.

Плевака протянул медвежью лапу и опрокинул буер, как опрокидывал морских черепах.

Сморкала полетел кувырком. Буер его разбился, а сам он перевалился через борт и набрал полный рот красного песка.



— Как ты смеешь! Ты сломал мой буер! — брызгал слюной Сморкала, выплевывая красный песок вперемешку с илом и кусочками мелких угрей — фу-у!

— Да, я сломал твой буер, — спокойно отозвался Плевака. — А теперь сломаю его еще немножко.

Одним большим тяжелым солдатским шагом он продавил дно повозки. ХРЯСЬ.

Шших! Шших! Шших! Все остальные буера со свистом подлетели к ним и развернулись в ухмыляющееся кольцо вокруг Сморкалы, нарочно осыпав его веерами песка при остановке.

— Отец! — в отчаянии воззвал Сморкала. — Неужели ты позволишь им так поступить со мной?

— Я твой отец? — мрачно откликнулся Толстопуз. Сморкала поморщился. — Я думал, я просто Пузан, старый раб… Вождей делают из другого теста, кажется, так ты сказал…

— Я, — вступил Плевака Крикливый, стоя над поверженным Сморкалой уперев руки в бока, — был твоим учителем. И как ни трудно мне теперь в это поверить, ты был моим лучшим учеником.

Сморкала отпрянул.

— Так вот, — продолжал старый воин, — раз уж зашла речь о бунте и предательстве, ты сам предал большинство тех, кто собрался здесь, перед тобой, на этом песке. Тех, кто полагался на тебя как на своего заступника и предводителя. И поэтому я сейчас снова стану твоим учителем. Надеюсь, ты не слишком стар, чтобы учиться. Потому что я намерен преподать тебе урок на тему «Как быть вождем».

Сморкала сглотнул. Он чувствовал, что урок вряд ли будет приятным.

— Мы здесь посреди пустыни, — сказал Плевака. — Твой буер разбит. Идти пешком обратно слишком далеко — потому-то нам и выдают буера. Прилив догонит тебя раньше, чем ты доберешься до тюрьмы. Твоя единственная надежда, что кто-нибудь из нас спасет тебя, подбросив обратно на своем буере.

До Сморкалы начал доходить весь ужас его положения.

— Мы сейчас оставим тебя здесь одного, — спокойно произнес Плевака. — Так что у тебя будет достаточно времени подумать. А подумать тебе следует вот о чем: «Что я такого сделал как вождь, чтобы кто-то из здесь присутствующих захотел вернуться и спасти меня?»

Молчание. Полная тишина.

Сморкала обвел глазами каменные лица рабов.

— Потому что, — светским тоном продолжал Плевака, — это должно быть что-нибудь хорошее. Чтобы человек правда захотел спасти тебя. Твой лишний вес ведь замедлит его буер. До свидания, Сморкала, — закончил он. — Думай.

Все буера ринулись прочь, оставив Сморкалу в одиночестве, с мечом наголо, лежать на песке посреди обломков разбитого буера.

И думать.

9. ПРОКЛЯТЫЕ ЗЕМЛИ

И вот Иккинг со Стоиком и Эггингардой отправились на восток и как-то удивительно быстро остались одни. Остальные члены команды Охотников за Янтарем казались мелкими крапинками на далеком горизонте.

О-о-о боги…

Вот теперь стало по-настоящему жутко. Птицы не кричали над этими песками. Ни одна. Почему? Должно быть, они чуяли опасность внизу.

Страшно было нестись по пескам. Каждую минуту Иккинг ожидал, что из-под колес неожиданно выскочит неведомая тварь и ухватит его за лодыжку, как в сказке Эггингарды.

Эггингарда тоже не добавляла спокойствия. Каждый раз, когда в песке что-то причмокивало — то ли вода уходила вглубь, то ли моллюск приоткрывал створки раковины, — девочка рычала в ту сторону: «РРРР!», так громко, что Иккинг едва не вываливался из буера.

Моллюски, наверное, тоже пугались.

Медвежий капюшон Эггингарда надвинула так низко, что не видела, куда правит. Иккинг ехал себе, ехал, а потом вдруг обнаруживал, что девочка

укатила в другую сторону. Приходилось сворачивать, забирать ее и ставить снова на курс.

Вскоре Стоик притормозил и начал высматривать янтарь.

Иккинг нагнулся, подцепил сачком с песка что-то блестящее и поднес к глазам. Нет, вовсе не янтарь, просто большой осколок омарового панциря. Мальчик бросил находку через плечо.

Он вздохнул, устало оглядел булькающие пески вокруг — а то вдруг из них уже лезет что-то ужасное — и двинулся вперед. Прошло уже полчаса, а он нашел только три кусочка янтаря, все малюсенькие. И ни один из них не был Драконьим Камнем.

Внезапно его придавило безнадежной громадностью задачи.

— Как я могу во всей этой безбрежной пустыне песков отыскать один-единственный Камень? — прошептал Иккинг.

«Ты должен все силы и помыслы отдавать своему Геройскому Походу», — говаривал Одинклык. Слова, безусловно, мудрые и правильные, но, честно говоря, несколько расплывчатые и толку от них было не много.

Иккинг вздохнул и продолжил поиски.

Положение складывалось весьма странное. Ему предстоит несколько часов торчать тут, в бесконечной пустыне красных песков, вместе с отцом. А тот и не догадывается, что его сын рядом.

— **Давай, Иккинг,** — ободряюще шепнул Одинклык из-под пазухи. — **Поговори с папой. Скажи ему, кто ты такой и почему ты здесь. Расскажи ему о твоем Геройском Походе...**

— **Не так-то это просто,** — шепнул в ответ Иккинг.

Он вспомнил, как Толстопуз сказал Сморкале: «Мне стыдно, что я твой отец», и попытался выгнать из головы эту мысль.

Стоик ведь так не скажет?

А вдруг скажет? Иккингу стало тошно от страха.

«Сначала попробую узнать, что он думает. Просто проверю, не слишком ли он на меня сердит...»

Эггингарда неподалеку рычала на ракушки и подбирала янтарь сачком на палке, которая была вдвое длиннее ее самой. Но Стоик рассматривал какую-то находку в паре шагов от Иккинга. Иккинг подъехал к нему сзади и произнес как можно небрежнее, якобы просто так, из праздного интереса:

— Вождь Стоик, а ты правда отец Иккинга Кровожадного Карасика Третьего? Ну, того мальчишки, которого ведьма ищет по всему Дикозападу?

Стоик бросил кусок янтаря через плечо и двинулся дальше, постоянно оглядывая песок вокруг

себя, чтобы не пропустить ничего тревожного. Иккинг поплелся следом.

— Почему вы, молодежь, все время задаете вопросы? — проворчал Стоик Обширный.

Он закинул сачок, подобрал новый кусок янтаря, рассмотрел его и снова бросил через плечо.

— Ладно. — Голос Иккинга дал петуха. Он вообще часто выкидывал такое в последнее время. — Я передумал! Не надо отвечать на мой вопрос!

Но Стоику, похоже, самому надо было снять груз с души.

— Вот я в твоем возрасте никогда не задавал вопросов, — пророкотал бывший вождь. — Просто делал, что мне говорили, следовал традициям, держался Варварского Кодекса. Я шел путем своего отца, он — своего, как и все отцы до него.

Пять минут они работали в мрачном молчании, выискивая янтарь.

— Я пытался воспитывать сына в духе Кодекса, — продолжил Стоик. — Хоть он и рос совсем на меня не похожим. И он все время спрашивал, спрашивал… — Стоик вздохнул и покачал головой. — Быть родителем не всегда легко. Конечно, делаешь все, что можешь, но…

«Я понимаю, о чем он», — подумал Иккинг, вспомнив о том, как трудно дрессировать Беззубика.

— Поэтому, когда сын спросил: «Папа, если бы ты стал королем, ты бы освободил драконов?» —

я дал ему правильный ответ. Единственный ответ. Ответил, как подобает Королю. «Освободить драконов? Ерунда! Это разрушит наш уклад жизни, весь мир, в котором мы выросли!» — Стоик недоверчиво покачал головой. — И что сделал мой сын Иккинг? Он отверг мой ответ и одолел меня в поединке! И, перешагнув через собственного отца, потребовал свободы драконам от своего имени!

Стоик так размахивал руками и гнал буер так быстро, что Иккингу стоило большого труда не отставать.

— И смотри, что вышло! Весь архипелаг в огне! Моя честь, моя репутация уничтожены, корабли, на которых я ходил, обратились в пепел, трон вождя утрачен. Все наши деревни сожжены, Ярогнев бушует, старый порядок разрушен, мир погрузился в войну. И все, все, — твердо произнес Стоик, остановившись и посмотрев Иккингу прямо в глаза, — все... из-за моего сына Иккинга и его вопросов.

Молчание.

— Можно ли меня винить, если я сердит на сына?

Иккинг ничего не сказал. Просто поехал вперед, совершенно несчастный.

— **Все хорошо?** — прошептал Одинклык с надеждой.

Он толком не слышал разговора сквозь безрукавку и шум ветра.

Нет. Все было плохо.

Отец винит Иккинга во всем… Отец никогда не простит его… Ему стыдно, что Иккинг его сын…

— И все же… — произнес Стоик, глядя вдаль.

И все же…

Вновь повисло молчание, очень-очень долгое.

— Если бы сейчас меня спросили, освобожу ли я драконов, став Королем, я, может, ответил бы по-другому, — сказал наконец Стоик. — Странное

дело, но, побыв какое-то время в шкуре раба, я стал несколько иначе относиться к рабству.

Он медленно двинулся вперед.

— И теперь я спрашиваю себя… Какое же мужество понадобилось моему сыну, чтобы задать мне тот вопрос? Может, он поступил правильно, что спросил меня? И даже, может быть, его вопрос стоил потери мира? Так что я отвечу на твой вопрос, Дубильсен. Да, я отец Иккинга Кровожадного Карасика Третьего. И вопреки всему я надеюсь, что он жив и здоров. И я горжусь тем, что я его отец, — сказал Стоик Обширный. — Пусть я не всегда согласен с его вопросами и не знаю, стоило ли ради них разрушать мир, который я любил.

Иккинг впервые услышал от отца такую длинную речь. А ведь Стоик даже не знал, что разговаривает с сыном.

Впервые за год у Иккинга в сердце затеплился крохотный огонек надежды.

«Неужели отец сказал, что сможет простить меня? И он даже готов поверить, что я поступил правильно?»

Это была одна из самых трогательных и важных минут

в жизни Иккинга. И ничего удивительного, что он оказался в эту минуту с повязкой на глазу, большой фальшивой бородавкой на носу и намазанный вонючей мазью. У него вечно все так складывалось.

Иккинг хотел что-то сказать, снять повязку и бородавку, открыться... Но тут одновременно произошли два события, да такие, что все его планы пошли прахом.

— ТУРУРУУМММММ! — донесся очень далекий звук рога.

— РРРР! — зарычала от удивления Эггингарда.

Над горизонтом, там, где находилась тюрьма Черное Сердце, взлетела в воздух одна из Взрывчатых Штуковин — сигнал, что пора возвращаться, пока не начался прилив.

Одновременно песок под буером Иккинга просел, и буер опрокинулся в углубление.

Иккинг глянул туда, испугался увиденного и окликнул Стоика:

— Па… то есть Стоик Обширный! А не пора ли нам двигаться обратно в Черное Сердце?

Он торопливо поднял буер и развернул его и как можно быстрее покатил в сторону тюрьмы.

«Хвала Тору, Беззубик и Эггингарда не видели этого…»

Стоик приставил ладонь козырьком к глазам, высматривая мерцание прилива на горизонте.

— Надо шевелиться, — кивнул он.

Янтаря они набрали завались, но Драконьего Камня не нашли.

Однако в тюрьму следовало вернуться до прилива.

Они неслись во всю прыть, и вскоре остальные Охотники за Янтарем примкнули к ним. Все споро работали шестами, развивая поразительную скорость на мокрых, скользких песках. Их подгонял страх — никому не хотелось, чтобы прилив накрыл их.

Остановились они только подобрать Сморкалу, хотя он этого и не заслуживал.

Мы оставили Мордоворота совершенно одного в Восточных песках, помните? Оставили подумать.

Ну, он много передумал за два часа, и то, о чем он думал, убедило его, что никто не вернется его спасать.

Он бежал обратно по илистому песку, прекрасно сознавая безнадежность затеи. Как бы он ни старался, ему никогда не обогнать прилив. Это под силу только буеру.

На него трижды нападали безмозглые ногодеры и дважды — мелкие бешняки, от которых пришлось отбиваться в одиночку. Так что когда он наконец увидел буера, возвращающиеся подобрать его, то заплакал от облегчения.

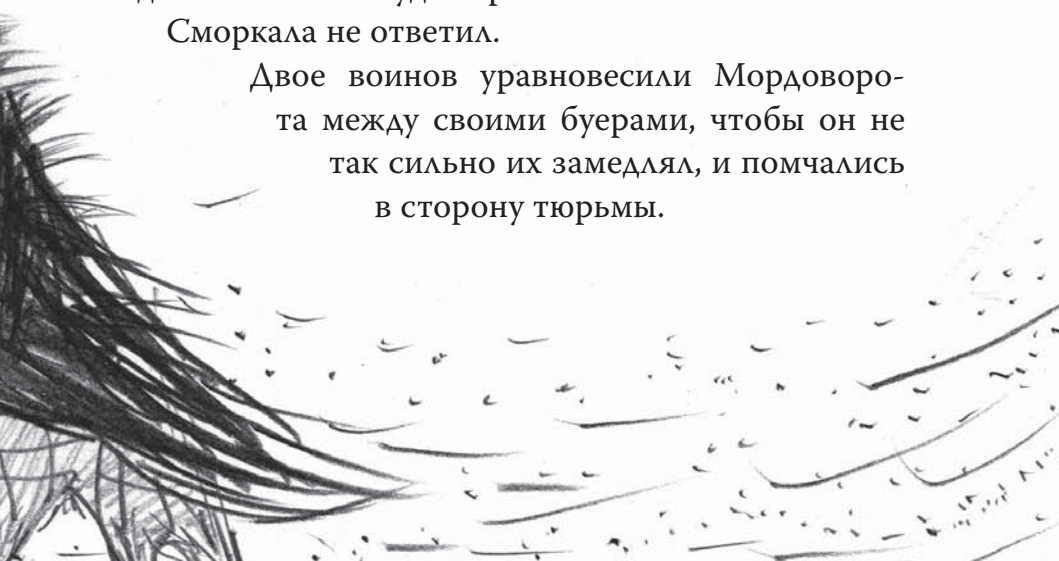
Иккинг ни разу не видел, чтоб Сморкала плакал, даже не верил, что такое возможно.

Толстопуз и Плевака остановились по обе стороны от рыдающего, обессилевшего вождя.

— Сегодняшний урок, — сказал Плевака, — заключается в следующем: ты ничем не заслужил нашего возвращения и спасения, Сморкала. Вообще ничем. Но мы все равно тебя спасем, потому что, возможно — только возможно, — в будущем ты сделаешь что-нибудь хорошее.

Сморкала не ответил.

Двое воинов уравновесили Мордоворота между своими буерами, чтобы он не так сильно их замедлял, и помчались в сторону тюрьмы.



Они рисковали ради Сморкалы жизнью. Из-за его тяжести буера двигались медленнее. Остальные рабы уже вернулись в тюрьму и с тревогой смотрели на восток, откуда надвигался прилив. Ведь Охотники за Янтарем еще не вернулись.

Наконец они заметили Охотников за Янтарем на горизонте, несущихся наперегонки с приливом, и приветственно заорали. Один за другим Охотники влетали в ворота, так быстро, что лишь с трудом смогли затормозить во дворе.

Плевака, Толстопуз и Сморкала добрались последними, и у самых стен прилив догнал их и подхватил буера. Волна буквально внесла их на стену, с грохотом расплескавшись по ней…

Там, где был красный песок, теперь насколько хватает глаз плескалась вода.

Однако усвоил ли Сморкала урок? Поживем — увидим…

Он не рассказал Элвину и ведьме о бунте и предательстве, как грозился утром. Возможно, это было мудро с его стороны, ибо Король с его ужасной маменькой были не в настроении выслушивать жалобы.

Ведьма и Элвин прохаживались взад-вперед по двору с плетками в руках, осматривая каждый буер, возвращающийся с Поиска, и визжали от разочарования каждый раз, не обнаружив Драконьего Камня.

— Гдежоногдежоногдежоно! — шипела ведьма, бросаясь к каждому буеру с алчной яростью и вываливая содержимое корзин на песок. — Я не понимаю, Элвин. Я видела его во сне… Кости сказали мне… В ближайшие несколько дней Камень будет у меня в руках.

— ЗАВТРА ВЫ СНОВА ОТПРАВИТЕСЬ В ПРОКЛЯТЫЕ ЗЕМЛИ! — завизжала ведьма. — И БЕЗ СОКРОВИЩА МОЖЕТЕ НЕ ВОЗВРАЩАТЬСЯ!

Топая за остальными рабами в спальню-темницу, Иккинг печально думал том, что его изначальный план пошел прахом. Что он собирался сделать? Проскользнуть внутрь, вызволить Рыбьенога и отца, найти Камень и тайком вернуться обратно.

«Это оказалось гораздо труднее, чем я думал».

Его охватила лютая тоска. Никогда он не найдет ни Камень, ни бедного Рыбьенога… Он пленник Янтарных Рабовладений…

Оставалось только продолжать поиски. Хотя никогда еще он так не боялся, как теперь, когда знал, какие жуткие опасности таятся там, в Янтарных Песках…

Потому что Иккинг не рассказал Эггингарде и Стоику Обширному об одном маленьком, но важном наблюдении. Не рассказал даже Одинклыку.

Там, в песках, когда протрубил рог и зарычала Эггингарда, его буер перевернулся. Иккинг посмотрел вниз и понял, что углубление в песке было на самом деле… следом гигантского дракона.

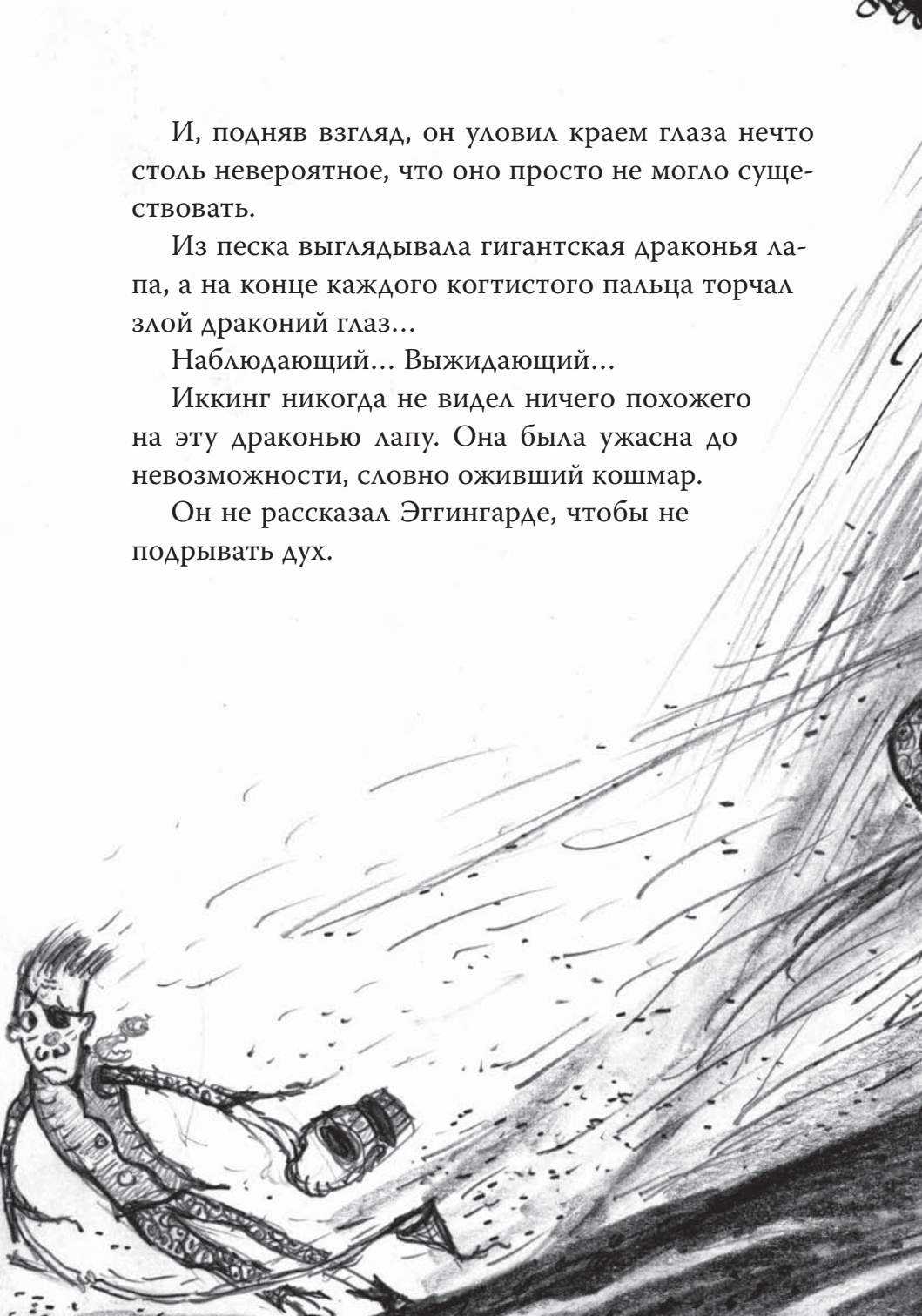
И, подняв взгляд, он уловил краем глаза нечто столь невероятное, что оно просто не могло существовать.

Из песка выглядывала гигантская драконья лапа, а на конце каждого когтистого пальца торчал злой драконий глаз…

Наблюдающий… Выжидающий…

Иккинг никогда не видел ничего похожего на эту драконью лапу. Она была ужасна до невозможности, словно оживший кошмар.

Он не рассказал Эггингарде, чтобы не подрывать дух.



10. СМЕРТЕНЬ

Иккинг так устал, что заснул, едва только лег.

Повсюду на стенах крепости кипел ночной бой: вопили и кричали Мятежные драконы, взрывались Штуковины, визжали стрелы. Но пока дежурные воины отбивали атаки наверху, на стенах, ведьма, Король, прочие воины, рабы и все остальные в тюрьме спали.

И по тихим коридорам спящей тюрьмы, словно невидимый туман, пробиралось нечто. Вы бы не увидели сияющий призрак Смертеня, пока он крался через комнаты, как безмолвный рок. Но тем не менее он был тут, словно воплощение Гибели.

Он точно знал, куда направляется.

У входа в темницу он замер, и три головы удовлетворенно принюхались, чуя запах Иккинга.

Если бы Смертень не маскировался, вы бы увидели, как роскошный блестящий хвост скользит вниз по лестнице и исчезает в подземелье, словно хвост красивого воображаемого кота, протиснувшегося в мышиную нору.

Но он был невидим.

Тем временем Иккинг проснулся от кошмара: ему приснилось, как Чудище Рабовладений врывается

в Черное Сердце… Он сел, обливаясь по́том, однако вокруг только похрапывали рабы, вымотавшиеся после целого дня под парусом песчаного буера.

Но что это?

Ему послышался шум, и притом ближе, чем постоянный отдаленный гул Драконьего восстания снаружи.

Вот снова! Иккинг напряг слух. Ничего…

Беззубик и Одинклык посапывали в соломе. Совершенно безмятежно. Это же означает, что бояться нечего, да? Ведь они проснулись бы, почуяв опасность?

Но сердце у Иккинга по-прежнему колотилось, как у испуганной мыши. Что это был за шум? Может ли ничто шуметь?

Он как раз решил, что все это ему примерещилось, когда откуда ни возьмись что-то напрыгнуло на него и плотно обернулось вокруг рта, чтобы он не мог заорать. Через мгновение его вместе с Беззубиком и Одинклыком закатали во что-то, словно сверток, и подняли с постели.

У Одинклыка уши сделались лиловые, как черника, и отчаянно завертелись, показывая то на север, то на юг, то на запад, то на восток.

— **Опасность!** — пискнул Одинклык. — **Опасность! Опасность! Опасность!**

Как будто Иккинг без него не сообразил бы, что опять попал в беду.

Он попытался вырваться, но руки и ноги у него оказались прижаты к бокам, словно щупальцами или какой-то странной невидимой силой. Он не мог пошевелиться, а его неумолимо уносили неведомо куда.

С перепугу он едва соображал. Как на него могли напасть внутри замка? Что это может быть? В голове теснились бешняки, пираньи-отшельники и Нечто Еще Более Страшное, чем все они, нечто, чего просто не могло быть, тварь с глазами под каждым когтем.

Но как сумела бы любая из этих тварей проскользнуть мимо часовых, непрестанно обстреливавших все, что пыталось приблизиться к стенам крепости?

— Мфф! — кричал Иккинг, пытаясь брыкаться. — Мфф! Мфф! Мфф!

11. НАСТОЯЩИЙ СЮРПРИЗ

Иккинг чувствовал, как его несут по ступеням темницы, слышал мягкие шаги и шепоток вокруг. И тут, вырываясь, начал понимать, что голоса-то не драконьи, а человеческие.

Вот его вроде бы втащили в помещение поменьше, где голоса стали не такие гулкие и где было даже холоднее, чем в темнице. И тут, к еще большему удивлению, он узнал один голос. Очень знакомый голос, просто он сто лет его не слышал…

— Без паники, — произнес голос. — Мы друзья. Мы здесь, чтобы помочь тебе бежать из Черного Сердца… Нам пришлось заткнуть тебе рот, чтобы ты не заорал, ведь ты не ждал нас.

И тут чьи-то руки размотали простыню, в которую он был завернут, вынули кляп и сняли повязку с глаз. Иккинг обнаружил, что сидит в сточной трубе или в чем-то вроде. Одно из лиц, склонившихся к нему, то, что было ближе всех, он и правда знал очень хорошо.

— Камикадза! — прошептал Иккинг в радостном удивлении.

Камикадза была мелкая, болтливая и отчаянно храбрая Бой-баба с копной непослушных светлых

волос, которые выглядели так, словно белки отплясывали в них безудержный брейк-данс, особенно на затылке.

Кроме того, Камикадза была одним из лучших друзей Иккинга.

Камикадза с мгновение смотрела на него в недоумении, затем стянула повязку с глаза, отклеила бородавку и воскликнула в ошарашенном счастливом изумлении:

— Иккинг!

Бой-бабам не полагается выказывать безумную радость при встрече. Пытаясь сдержаться, Камикадза густо покраснела от усилий и растерянности. Она яростно нахмурилась и трижды треснула Иккинга по плечу, а затем обняла его, а потом снова стукнула — на сей раз посильнее, — бешено шепча (не будь это Камикадза, можно было бы сказать «чуть не плача») между ударами:

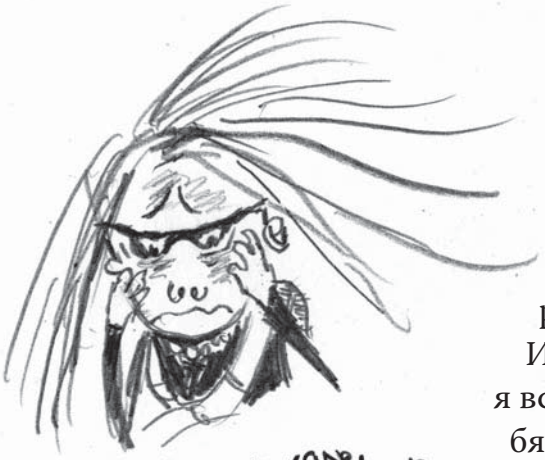
— Где… ты… был? Я не беспокоилась о тебе… — торопливо добавила она. — Нет-нет, я не волновалась, Бой-бабы никогда не волнуются, мы слишком круты, но где… ты… был?

— Ой! — расплылся в улыбке Иккинг, держась за побитое плечо. — Ты первая, кто меня узнал. Не то чтобы я действительно хотел, чтобы меня тут узнавали, но все-таки приятно убедиться, что за этот год я не изменился до полной неузнаваемости.

Камикадза все еще была красная как рак и хмурилась яростнее, чем всегда.

— Почему ты не разыскал меня? — Она спрятала лицо в сгибе локтя. — Это потому что я отвернулась от тебя вместе со всеми там, в школе? Я ужасно сожалею об этом, Иккинг. С тех пор я тысячу раз мечтала, чтобы я встала рядом с тобой, как сделал Рыбьеног… Просто это было такое потрясение — Клеймо и все остальное…

— Нет-нет, — заверил ее Иккинг. — Дело не в этом. Я всю дорогу знал, что ты на самом деле не собиралась отворачиваться.



— Ты уверен? — спросила Камикадза чуть глуховато.

— Абсолютно уверен, — неловко соврал Иккинг. — Кроме того, я все время смотрел на тебя, и ты не то чтобы совсем отвернулась… Так, встала боком, вполоборота, можно сказать, и всего на секунду…

— Вполоборота? — с надеждой всхлипнула Камикадза.

— Я не разыскал тебя только потому, что все за мной гонялись. Не хотел еще и тебя подвергать опасности, — объяснил Иккинг.

— Ну, это с твоей стороны было не очень мило, — ухмыльнулась Камикадза.

Было видно, что у нее отлегло от сердца.

— Ну да. — Иккинг сменил тему: — Кстати, об опасности: что ты вообще здесь делаешь, Камикадза?

— Мы — Мастера Побега, — пояснила Камикадза, просияв. — Это моя команда: Спорта… Тайфун… Гароттаконь… Котлетта… — Она представила четырех Бой-баб, сидевших рядом с ней в сточной трубе.

Камикадза в костюме
Мастера Побега
ОПАСНОСТЬ –
ВОТ ЧТО Я ЛЮБЛЮ!

Это они завернули Иккинга в простыню и, должно быть, несли его по коридору.

Все они были значительно крупнее Камикадзы, но одеты в точно такие же черные воровские костюмы и увешаны массой воровского снаряжения и оружия.

К удивлению Иккинга, пожимая ему руку, Бойбабы краснели и ужасно стеснялись.

— Это же… Изгнанник? — брякнула Тайфун.

— Он самый, — небрежно отозвалась Камикадза, лопаясь от гордости. — Это мой друг, Изгнанник Иккинг Кровожадный Карасик Третий.

Очень приятно, когда кто-то с такой гордостью представляет тебя другим как своего друга.

— Ух ты-ы, — восторженно протянула Тайфун, стискивая его руку. — Это честь. Камикадза рассказывала нам о твоей работе, правда, ребята?

Снимать драконьи капканы… противостоять этим гадам Элвину и ведьме… Уважаю.

— Спасибо, — удивленно произнес Иккинг.

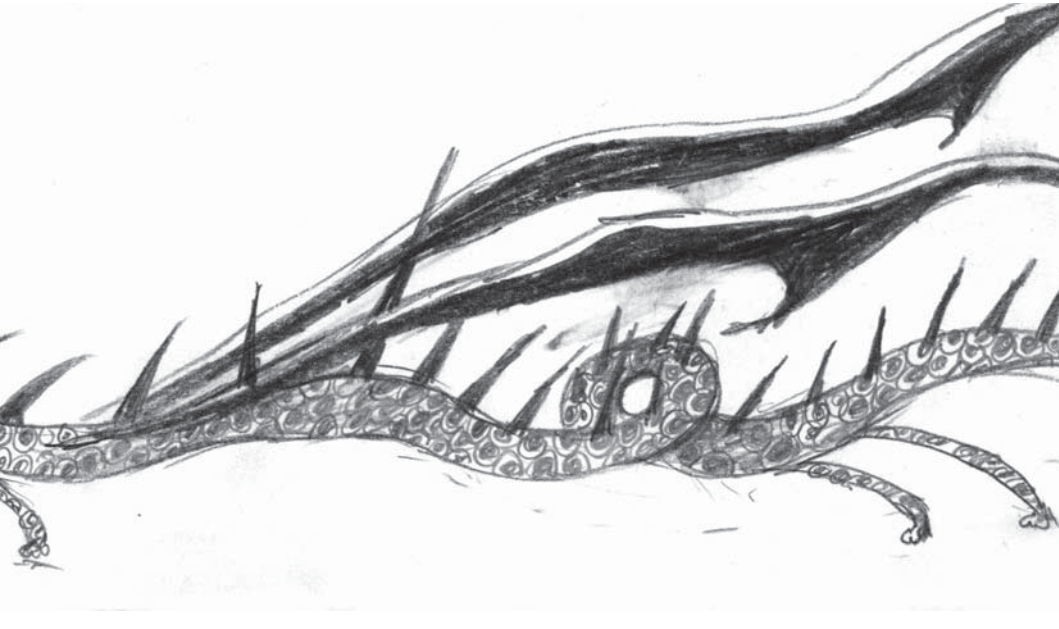
Тем временем Беззубик тоже был в восторге. Следом за Камикадзой в туннель прокралась Буримуха, ее роскошный золотой капризавр. Буримуха меняла цвет в зависимости от настроения, а Беззубик был в нее влюблен.

— **При-привет, Буримуха,** — небрежно бросил дракончик, заикаясь.

— **Ой, привет, Беззубик,** — отозвалась красавица.

— **Мы теперь Из'згнанники… Видела бы ты Б'бе-беззубика с повязкой на глаз'зу…**

— **Уверена, ты был неотразим…** — Капризавриха глупо улыбнулась, приняв чуть фиолетовый оттенок.



— А это напарник Б'бе-беззубика... э-э... Одинклык Отч'чаянный. Осторожнее с ним... Он крутой...

Одинклык несколько удивился, когда его представили как напарника Беззубика, но из вежливости попытался напустить на себя крутой вид, хотя это оказалось несколько затруднительно для дракона возрастом в несколько тысяч лет, размером не больше жестянки из-под печенья и с не самыми послушными крыльями.

— По лесу про нас ли-листовки развешены и все такое, — похвастался Беззубик.

— Понимаешь, мы, Мастера Побега, организовали тут службу побегов, — пояснила Камикадза. — Как только я прослышала, что Рыбьенога забрали в Черное Сердце, я сколотила команду. Я подумала: я же сама столько раз за последние годы сбегала из самых разных мест, почему бы не пойти дальше и не предложить настоящие профессиональные услуги по организации побегов? Только маме не говори… — добавила Камикадза с чуть виноватым видом. — Что-то ты поваживаешь, Иккинг, — непринужденно заметила она. (Камикадза не из тех, кто ходит вокруг да около.)

— Дракон-вонючка, — пояснил Иккинг. — Это часть моей маскировки.

— Здорово! — восхитилась Камикадза. — Дай свою покажу.

Она порылась в рюкзаке и вытащила костюм Тюремного Стража Дикозапада, драконий костюм (на случай, если Мятежные драконы загонят в угол), наряд крестьянина-Миролюба …

— Очень впечатляет, Камикадза, — сказал Иккинг. — Правда, с усами ты слегка переборщила, однако…

— Да? — разочарованно перебила Камикадза и примерила их. — Эти одни из моих любимых.

— Но как тебе удалось проникнуть в тюрьму? — спросил Иккинг. — Люди пытались сбежать

отсюда веками, а Ярогнев давно силится, наоборот, прорваться внутрь… А ты взяла и нашла тайный ход. С ума сойти.

У Камикадзы, как у большинства людей, имелись свои недостатки. Например, ей очень не хватало скромности.

— Это потому что я гений, — заявила девочка самодовольно. — Понимаешь, надо искать в здании слабые места. Сточные трубы и всякое такое. Зацени мою складную лестницу: она вся сделана из ломаных весел!

О боги, подумал Иккинг. Лестница выглядела так, будто готова была сложиться в любую минуту.

— Говорю тебе, по части побегов Бой-бабам нет равных, — сказала Камикадза, сияя от гордости.

— А Рыбьеног? Вы спасли Рыбьенога? — нетерпеливо спросил Иккинг, загоревшись надеждой.

Камикадза печально покачала головой:

— Нет, мы прибыли с неделю назад и к Рыбьеногу опоздали.

О нет…

Нет, нет, нет, нет, нет…

— Как думаешь, что с ним случилось? — спросил Иккинг.

Камикадза вздохнула.

— Ну, мы спасли парнишку по имени Рукомаха, — пояснила она. — Он показал нам постель Рыбьенога — ту самую, которая потом досталась тебе. И сказал, что Рыбьеног пропал накануне.

Иккинг не хотел верить в самое страшное.

Камикадза снова вздохнула, догадавшись, о чем он думает:

— Я тебя понимаю. Мне тоже не хочется в это верить. С тех пор, хотя Рыбьенога вызволить не

получилось, мы старались выводить по человеку каждые пару дней. Могли бы и больше, но тогда ведьма заподозрила бы неладное.

Что ж, это объясняло таинственные исчезновения нескольких обитателей постели, доставшейся Иккингу. А Эггингарда просыпалась утром и обнаруживала пропажу очередного соседа. Конечно, ей было страшно. Неудивительно, что девочка думала, будто их унесло Чудище…

Но что случилось с Рыбьеногом?

В поисках утешения Иккинг коснулся омаровых клешней, которые ему подарил Рыбьеног.

Рыбьеног единственный не отвернулся от Иккинга в фехтовальной школе «Гром и молния». Рыбьеног всегда был рядом и верил в него.

— Я так рада, что мы наладили службу побегов! — воскликнула Камикадза. — Теперь мы можем помочь бежать тебе!

— Я не хочу бежать, — возразил Иккинг. — Мне надо отыскать Рыбьенога.

Камикадза вдруг стала очень серьезной:

— Иккинг, второго шанса сбежать не будет. Весь архипелаг надеется на тебя.

— Это да, — сказала Тайфун.

— Еще как, — добавила Гароттаконь.

— Взгляни правде в лицо, Иккинг, — печально продолжала Камикадза. — Рыбьенога нет. Тебе надо быть снаружи, искать Камень. Я не думаю, что он здесь.

— **Да, мы все тоже так решили,** — вставил Одинклык. — **Это один из розыгрышей Черноборода...**

— Что сказал этот забавный бурый дракончик? — спросила Камикадза.

— Не важно, — упрямо и с вызовом произнес Иккинг. — Я никуда не побегу. Говори что хочешь, я все равно не уйду, пока не найду Рыбьенога.

Камикадза вздохнула:

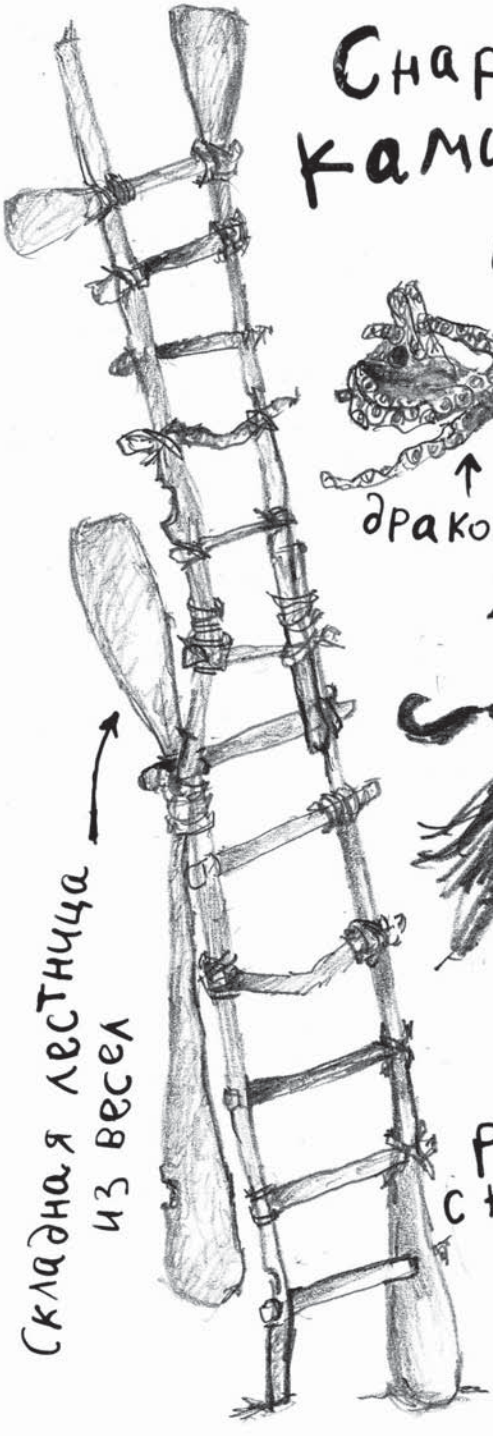
— Ну ладно. Тогда я останусь здесь с тобой. Ты же, в конце концов, всего лишь мальчишка, — напомнила она ему снисходительно. — Тебе нужна девчонка, чтобы помогать и защищать тебя в этом Геройском Походе.

— Ты здесь не останешься, — возразил Иккинг. — Что сказала бы твоя мама?

— Ой, она возражать не будет, — расплывчато соврала Камикадза. — Ей с Драконьим восстанием хлопот хватает. Мятежные драконы в последнее время нападают на Бой-бабьи острова каждую ночь, почти как здесь...

— Нельзя тебе в тюрьму, Камикадза, — повторил Иккинг. — У тебя нет Клейма, это слишком опасно. Кроме того, — торопливо добавил он, вспомнив, что эта девчонка обожает опасности и упоминание о них наверняка только раззадорило ее, — тебе надо командовать твоей службой побегов. Послушай, тут есть одна малышка по имени

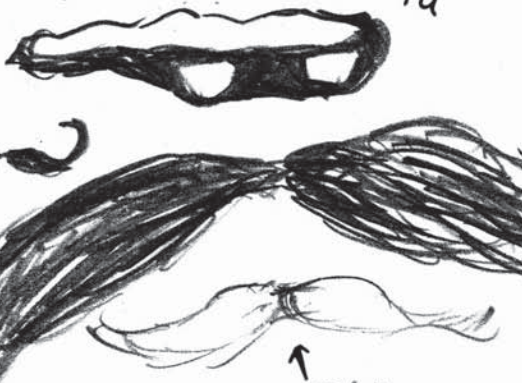
Снаряжение камикадзы для побегов



Складная лестница из весел

драконий костюм

маска



фальшивые усы

Рюкзачок с костюмами и картами

Эггингарда, она спит напротив меня. Вот кому надо бежать. А то в Черном Сердце она скоро сгинет от тоски.

— Ну хорошо! — Камикадза на секунду задумалась, но потом позволила себе отвлечься. — Бойбабы, — обратилась она к Мастерам Побега громким заговорщицким шепотом, — объявляю начало операции «Эггингарда»!

— Операция «Эггингарда»! — повторили Тайфун, Спорта, Гароттаконь и Котлетта, хлопая друг друга по пятерне.

Фальшивое Дикозападное удостоверение
Настоящим удостоверяю, что Химера Гостедав является верным воином Дикозапада.
Предоставить всяческое содействие
Подпись: Король Элвин Сломны

12. МЕДВЕДИЦА

Тем временем Смертень проскользнул в темницу через дверь, которую Камикадза и компания не закрыли за собой.

Разумеется, он по-прежнему оставался невидимым, но теперь начал принюхиваться так громко, что эти звуки, казалось, змеились по темнице, словно липкий след невидимой улитки. По подземелью ходил легкий ветерок.

Смертень выпустил когти. Его разбитое сердце давно превратилось в чистую сталь. АлаЯрость застила ему глаза, они так и горели от пылающей в них ненависти. Принюхивание остановилось у Иккинговой постели. Постель была пуста. Смертень удивленно фыркнул и прочесал когтями остатки соломы и тряпок. И там ничего. Должно быть, парень где-то в другом месте!

Смертень так разозлился, что на миг обрел цвет, и стало видно, как из всех шести ушей у него идет настоящий дым.

Дракон молча изничтожил остатки постели и гордо удалился за дверь. Ступал он по-прежнему бесшумно, но дрожал от ярости. Горе Иккингу, если Смертень его когда-нибудь найдет…

Спустя две минуты Иккинг и Бой-бабы вернулись к дверям темницы.

— Что тут произошло? — прошептал Иккинг, глядя на свою постель. Она словно взорвалась, осыпав дождем соломы все вокруг.

— Ничего себе, — присвистнула Камикадза. — Ну и силен ты ворочаться во сне.

Иккинг попытался прибраться.

— Если хотите сбежать с Эггингардой до утра, вам лучше поторопиться.

Мастера Побега нацелились было закатать спящую Эггингарду в одеяло, как у них было принято, но Иккинг остановил их:

— Вы можете ее напугать.

Он осторожно разбудил малышку.

— Тсс! — прошептал он. — Тут мои друзья, Эггингарда. Они хотят помочь тебе сбежать обратно к твоему племени и к маме.

Эггингарда взглянула на него своими большими мрачными глазами и вдруг расплылась в широченной щербатой улыбке:

— Думаешь, у меня есть мама?

— Уверен, — сказал Иккинг. — И готов поспорить, она очень-очень по тебе скучает.

Он перестегнул пуговки на ее медвежьем костюмчике в правильные петли. Когда идешь к маме, все должно быть в полном порядке.

— Камикадза, — шепнул Иккинг. — Наверное, лучше бы тебе доставить Эггингарду к ее племени, Северным Странникам. Ты найдешь их где-то на севере, они там странствуют. Это очень опасное дело, — добавил он с дальним умыслом, — ведь, чтобы попасть туда, вам придется миновать края, захваченные Мятежными драконами…

— Ладно, — шепнула в ответ Камикадза.

Иккинг покосился на нее с подозрением: подобная покладистость была Камикадзе несвойственна.

— Тогда пока, Камикадза.

— Пока, — отозвалась Бой-баба, невинно округлив большие голубые глаза.

— До свидания, Эггингарда, — прошептал Иккинг.

— До свидания, Иккинг, — шепнула Эггингарда в ответ.

— **До свидания, Буримуха,** — пискнул Беззубик.

Чтобы покрасоваться на прощание, он заложил тройную затейливую мертвую петлю в воздухе, но врезался в колонну и едва не вырубился. К счастью, ему все же удалось закончить пируэт, не опозорившись.

— До свидания, Беззубик Изгнанник, — прокурлыкала Буримуха.

Кокетливо хлопая ресницами, она взглянула на слегка оглушенного дракончика и упорхнула следом за Камикадзой, Бой-бабами и Эггингардой, которые тем временем на цыпочках двинулись прочь из темницы.

Вот так Эггингарда сбежала из Янтарных Рабовладений и из этой истории в надежные теплые объятия мамы Медведицы (а мама и правда по ней скучала), обратно к волшебным сказкам своей страшной бабушки-Странницы и к младшему брату Медведику, с которым ей еще только предстоит познакомиться дома.

«Ладно, по крайней мере, с Камикадзой до поры все будет в порядке. Опасность ей пока не грозит, — сонно подумал Иккинг. — Когда еще Мастера Побега отыщут племя Северных Странников...»

— **Интересно, кто это сделал?** — прошептал Одинклык, разглядывая разбросанную солому и тряпки.

Уши у него, как всегда в минуту опасности, сделались багровыми.

— **Одинклык, тебе всюду мерещится угроза,** — зевнул Иккинг.

— **Если тебе всюду мерещится угроза,** — прошептал Одинклык, — **это еще не значит, что на самом деле ее нет...**

Но Иккинг и Беззубик уже спали.

Счастливый конец для Эггингарды

ОПАСНОСТЬ.

13. ПРОШЛОЕ НАСТИГАЕТ

Очень-очень рано на следующее утро солнце сбрызнуло первыми лучами залив Драконьих Скелетов. С рассветом натиск АлаЯрости схлынул, и Взрывчатые Штуковины на стенах умолкли.

Но кто это пробирается на крохотной лодочке между мрачных драконьих остовов, по заливу, где орут чайки и клубится так и не рассеявшийся дым ночной битвы?

Это Мятый Косматый Библиотекарь, старый враг Иккинга, — долговязый и сутулый старик с длинной-предлинной бородой. Борода полоскалась следом за лодкой в воде, словно хозяин взял ее с собой поплавать. В руках Библиотекарь держал два сачка для янтаря на длинных шестах. Сачки он называл Сердцерезами. Клеймо на лбу у старика выдавало в нем раба, но он был одним из тех, кого называли «доверенными» рабами. Таким тюремные стражи разрешали выходить из тюрьмы по коротким поручениям и в небольшие вылазки типа сегодняшней. Библиотекарь собирал копья и снаряды, чтобы воины Дикозапада могли использовать их во время следующей ночной атаки.

Размеренно работая шестом, Мятый Косматый Библиотекарь пробирался мимо зловеще свежего

трупа гигантского рогохвоста. Возле крохотного островка, скрытого тростником, что-то блеснуло. Старик протянул правый Сердцерез, подцепил находку сачком и затащил в лодку.

Это оказался шлем.

Мятый Косматый Библиотекарь перевернул шлем и вылил из него воду. Шестеренки у него в мозгу завертелись, и он припомнил, как несколько недель назад в тюрьму вернулись из похода воины-Гостедавы. Они рассказали, что чуть не поймали Иккинга Изгнанника за снятием драконьих капканов.

И говорили, что на Иккинге был весьма приметный шлем. В точности такой, как этот, с дурацким сломанным плюмажем наверху.

— Эге, — прошептал с мерзкой улыбкой Мятый Косматый Библиотекарь. — Шлемчик-то Иккингов, а? А значит, — сипло захихикал он, — Иккинг где-то в тюрьме. И я могу сказать ведьме и тем отплатить этому гадкому мальчишке, из-за которого я сам здесь оказался… и выторговать себе свободу!

Библиотекарь повернул и направил лодчонку обратно к Черному Сердцу, искусно лавируя меж трупов. Он так долго ждал, когда ему выпадет шанс

свести счеты с Иккингом, и вот теперь час пробил, и старику не терпелось приступить к делу.

Понимаете, все наши поступки когда-нибудь отзовутся в будущем. Каждое доброе или злое дело, каждая новая дружба и каждый нажитый враг еще дадут о себе знать.

Все взаимосвязано.

14. ЭЛВИНУ УЛЫБАЕТСЯ УДАЧА

Ужасно рано на следующее утро, даже раньше обычного, тюремная стража разбудила всех, колотя по щитам и вопя:

— ВСЕ ПОДЪЕМ И МАРШ ВО ДВОР! Ведьма Экселлинор созывает чрезвычайное собрание!

Иккинг, сонно моргая, проковылял по ступенькам темницы во двор вместе с остальными рабами.

И тут он резко и полностью проснулся — нервы натянулись как струны, глаза полезли на лоб, — когда увидел в просвете между спинами здоровенных мужиков впереди Элвина Вероломного и ведьму, сидящих за столом. Ведьма постукивала по столу железными ногтями…

…а перед ведьмой стоял еще один человек, которого Иккинг когда-то знал.

Говорят, прошлое рано или поздно настигает нас. Далекое и не очень далекое прошлое определенно нагнало Иккингово настоящее всего за два дня, проведенные в громадной тюрьме Черное Сердце.

Мятый Косматый Библиотекарь держал в руках шлем Иккинга.

Тот, который Ветрогон с перепугу забыл в заливе.

Ой-ой.

Бежать было слишком поздно. Иккинга так зажало толпой, что он не мог даже пошевельнуться.

Элвин Вероломный поднялся. Бородавки у него топорщились с отвратительным победным злорадством, словно он только что выиграл Варварские Игрища.

— ЖАЛКИЕ РАБЫ ЯНТАРНЫХ РАБОВЛАДЕНИЙ! — выкрикнул Элвин. — В НАШИХ РЯДАХ ПРЕДАТЕЛЬ!

По толпе рабов прокатился ропот изумления.

— Сегодня утром, — продолжал Элвин, — один из наших доверенных рабов, Косматый, выходил в залив на уборку после атаки Мятежных драконов и обнаружил этот шлем. Мои воины сказали мне, что это тот самый шлем, который был на предателе Иккинге Кровожадном Карасике Третьем, когда они последний раз застигли его за снятием наших драконьих капканов.

«Ох, ради Тора! — горько подумал Иккинг. — Никогда мне этот шлем не нравился. Я прямо как чувствовал…»

— А недавно мы обнаружили потайную дверь, которая открывается в сточную трубу, а та ведет снаружи прямо в тюрьму…

«Погодите, — подумал Иккинг. — Это не я, это Бой-бабы! Наверное, забыли за собой закрыть…»

— Это означает, — шелковым голосом вступила ведьма, — что коварный мелкий Предатель Дикозапада каким-то образом проник в тюрьму — самозванцем! — и находится среди вас, рабов.

Новость вызвала легкий переполох. Все уставились друг на друга, гадая, кто же предатель.

— Разумеется, — промурлыкала ведьма, — мы можем заставить каждого примерить шлем и посмотреть, кому он придется впору…

«Ну, тогда мне ничего не грозит, — подумал Иккинг в легкой истерике, — этот шлем никогда не был мне впору, и вдобавок от него все ужасно чесалось».

— Но я, — улыбнулся Элвин, — придумал куда более изящный план. Видите ли, причина, по которой этот мальчишка-Предатель, Иккинг, не может стать Королем, как я, заключается в том, что ваш Король должен быть сильным и уметь принимать трудные решения. А Иккинг слабак, — глумливо протянул Элвин. — Он слишком мягок для Короля.

— ИККИНГ КРОВОЖАДНЫЙ КАРАСИК ТРЕТИЙ! — гаркнул Элвин Вероломный. — СДАВАЙСЯ, А ТО Я УБЬЮ… ЭТОГО МАЛЬЧИШКУ!

Элвин протянул руку, не глядя сгреб ближайшего Лохматого Хулигана и поднес к горлу парня свой ужасный крюк.

Хулиган оказался Сморкалой.

Понимаете, Элвин забыл, что Иккинг и Сморкала — заклятые враги. Он просто знал, что Иккинг из племени Хулиганов и, следовательно, питает к Хулиганам теплые чувства, вот и схватил ближайшего Хулигана, какой подвернулся.

— Эй, — запротестовал изумленный Сморкала, — я не раб, я воин! И я твой верный подданный, Король Элвин. Это я открыл всем Клеймо Иккинга по просьбе твоей матери…

Будто мало было Сморкале вчерашнего дня, когда в песках по его самолюбию был нанесен сокрушительный удар. У него определенно выдалась полоса неудач.

Но видите ли, Элвин Вероломный не был благодарной натурой. Он не обратил на слова жертвы внимания, а только поднес крюк чуть ближе, так что с шеи у Сморкалы потекла кровь.

— ЛУЧШЕ ПОТОРОПИСЬ! — взвизгнул Элвин. — КРЮК ГОЛОДЕН!

Вот это и называется трудный выбор.

Сморкала травил Иккинга всю жизнь. Он был задира и очень плохой человек. Это он бросил камень, сбив с Иккинга шлем и выставив на всеобщее обозрение Клеймо, когда Иккинга уже готовы были короновать Лучшим из Лучших и Королем Дикозапада в фехтовальной школе «Гром и молния».

Но разве мог Иккинг хладнокровно позволить Элвину Вероломному убить Сморкалу?

Сморкала приходился ему двоюродным братом и вообще принадлежал к человеческому роду.

И может быть, только может быть, где-то очень-очень глубоко в Сморкале, в конце концов, было что-то хорошее. И возможно, существовал какой-то выход из этого забитого людьми двора, так что можно удрать даже после сдачи?

Иккинг вздохнул.

«Может, Элвин и прав. Может, я слишком слаб, чтобы быть Королем… Но надо же было, чтобы пришлось делать это именно ради Сморкалы…»

Он поднял руку и крикнул:

— Ладно, сдаюсь! Я Иккинг Кровожадный Карасик Третий. Я Изгнанник.

Проведя целый год в бегах, признаваться было очень страшно.

— Ага! — воскликнул довольный Элвин, отпустил Сморкалу (к немалому облегчению Мордоворота) и с жадностью уставился на толпу рабов. — Я знал!

Стоик Обширный в третьем ряду ахнул от изумления и стал искать сына глазами.

— Прыщ Вонильсен! Уж ты-то… уж ты-то точно не Иккинг!

— Да! — крикнул Иккинг через головы обступивших его здоровяков. — Это я!

— Но это же чудесно! — радостно воскликнул Стоик, подпрыгивая в попытках увидеть сына поверх голов. — Иккинг! Ты жив! Не могу передать, как я рад, мальчик мой… я… мне… прости, что не узнал тебя… не могу поверить, что не узнал тебя…

— Ну, я же маскировался! — крикнул Иккинг в ответ, чтобы утешить отца. Он снял свою нетакую-уж-хитрую-маскировку, то есть повязку на глаз и бородавку и стер остатки слизи с рукава. От запаха он избавиться, разумеется, не мог. — И я немного изменился, потому что стал чуть старше… Я пришел, потому что думал, может, сумею чем-то помочь…

— Разговорчики! — гаркнул Элвин. — Не давайте крысенышу болтать, он всегда ухитряется словами выпутаться из беды. Эй, там, передайте его вперед!

Толпа вокруг Иккинга подняла его и принялась передавать с рук на руки над головами туда, где стояли ведьма и Элвин.

— Да-а, Иккинг, — сказал Стоик, стараясь не вдыхать, пока сына проносили у него над головой. — Выглядишь ты хорошо, но отрочество здорово тебя приложило. Телесные запахи в подростковом возрасте могут быть ужасны…

— Дракон-вонючка, — объяснил Иккинг, на ходу пожимая руку счастливому отцу. — Чтоб ты не слишком ко мне приглядывался.

— А, ну и хорошо, — пророкотал Стоик. От потрясения он нес всякую чепуху. — Не то тебе было бы ужасно трудно завести подружку. Но что ты здесь делаешь, Иккинг?

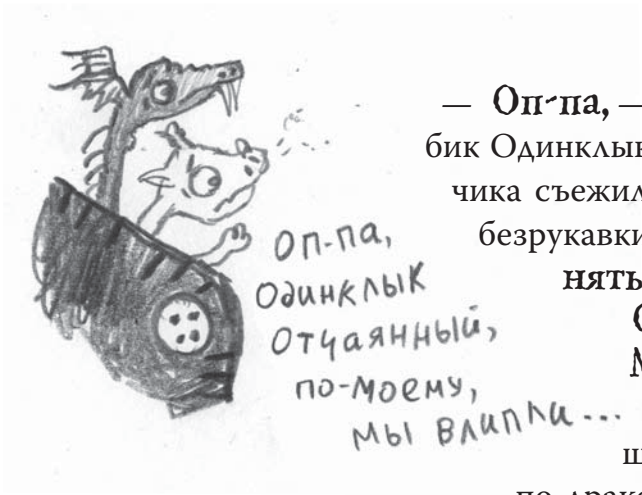
Гостедав в переднем ряду мягко поставил Иккинга на землю перед Элвином и ведьмой.

— Я думал, может, сумею чем-то помочь, — повторил Иккинг. — Хотел попробовать вас вызволить.

— Молодец, Иккинг! — прогудел Плевака, вскинув над толпой оттопыренные большие пальцы в знак одобрения. — Очень храбро явиться сюда спасать нас!

— Да! — крикнул Стоик. — Молодец, сынок! Я горжусь тобой!

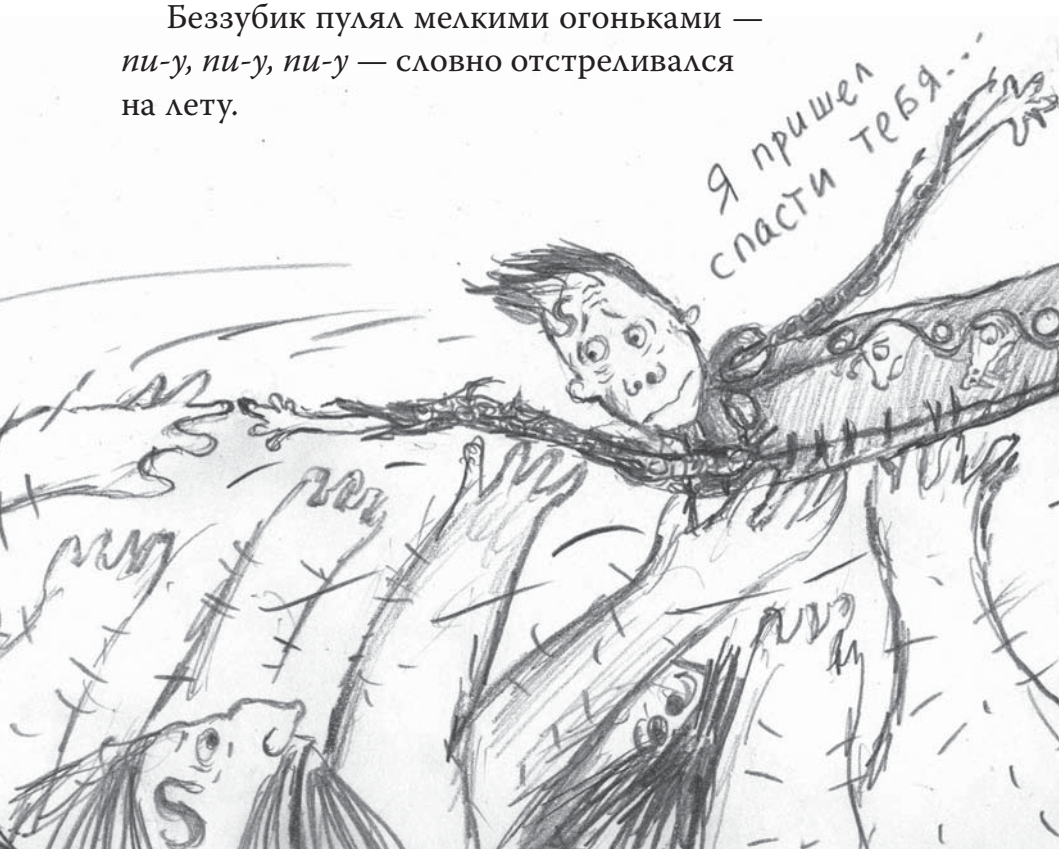
— МОЛЧАТЬ! — взвизгнула ведьма. — Спасать вас? Как может такой мелкий крысеныш спасти вас? Обыскать его! — проскрежетала она.



— **Оп-па,** — шепнул Беззубик Одинклыку. Оба дракончика съежились за пазухой безрукавки. — **Надо линять, О-одинклык Отчаянный... Мы влипли...**

— **Летите!** — шепнул Иккинг по-драконьи, и Одинклык с Беззубиком выпорхнули у него из-за пазухи, как две колибри.

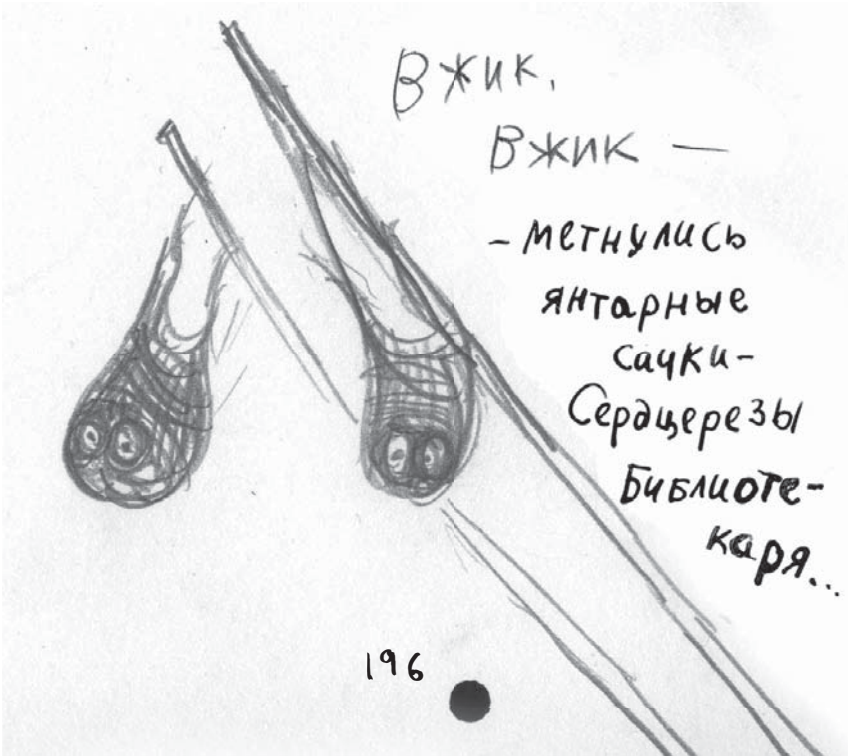
Беззубик пулял мелкими огоньками — *пи-у, пи-у, пи-у* — словно отстреливался на лету.



Но Мятый Косматый Библиотекарь стоял вплотную к Иккингу и левой рукой управлялся не хуже, чем правой. Он молниеносно сорвал с пояса оба янтарных сачка, как некогда выхватывал свои мечи-Сердцерезы. (Он привык иметь дело с мечами, но и сачки за неимением лучшего годились.)

Вжик, вжик — метнулись янтарные сачки Мятого Косматого Библиотекаря. Он поймал в левый Одинклыка, а в правый Беззубика, крепко и аккуратно завязал сетки и презентовал их Элвину с низким раболепным поклоном.

Беззубик с Одинклыком взвыли от ужаса, ведь драконы дикие создания и для них нет ничего страшнее, чем попасть в ловушку.



А Библиотекарь повернулся к Иккингу и зло прищурился.

— Никогда не серди Библиотекаря, — рявкнул старик с ненавистью. Голос его шуршал, как разбитое стекло. — Ибо библиотекари терпеливы и могут подождать с местью…

— Драконы! — победно прохрипела ведьма, драматически указывая пальцем на Одинклыка и Беззубика, отчаянно бьющихся в сачках Библиотекаря.

— Я чую драконов! Мы воюем со всем драконьим племенем, они сожгли наши деревни дотла, а Предатель носит драконов с собой!

Воинам Дикозапада это не понравилось, и они яростно взревели: они ведь каждую ночь отбивали атаки драконов!

— Не волнуйся, мама! — с восторгом сказал Элвин. — Я просто растопчу их! — Он бросил Беззубика на землю и поднял окованный металлом протез.

— Не-е-е-ет! — взвизгнула ведьма. — Беззубый дракон — это же Утраченное Сокровище, забыл? Он нужен нам, чтобы тебя можно было короновать Королем Дикозапада!

— Проклятье! — выругался Элвин Вероломный. — Но я все равно могу убить второго!

Он бросил на землю Одинклыка, по-прежнему запутанного в сачок.

— Не-е-ет! — заорал Иккинг, стремительно соображая. — Я не знаю, который из них Утраченное Сокровище, ведь зубов нет у обоих!

(Одинклык быстренько захлопнул пасть.)

— Дважды проклятье! — выругался Элвин Вероломный, обескураженно глядя сверху вниз на предположительно беззубого Одинклыка.

— Но уж кое-кого я наверняка могу убить? Я могу убить Иккинга, — просветлел Элвин. — Пожалуйста, можно, я убью Иккинга, мама? Уж он-то точно не Утраченное Сокровище.

— Нет, но он тот, кто находит Утраченные Королевские Сокровища, — возразила ведьма. — Разумеется, ты можешь убить Иккинга, Элвин, деточка, и, не сомневаюсь, ты подойдешь к делу творчески. Тебе просто придется отложить это удовольствие до тех пор, пока он не найдет нам последнее Утраченное Сокровище, Драконий Камень…

— Этот крысеныш, чтоб он сдох, притягивает к себе Сокровища, словно магнит… Надо только сделать так, чтобы он захотел найти Камень для нас. Но к счастью, я хорошо умею пробуждать в детях желание сотрудничать.

«О боги, — содрогнулся Иккинг, цепенея от ужаса. — Что-то мне не нравится, как это звучит…»

Мятый Косматый Библиотекарь, извиняясь, кашлянул, согнулся в раболепном поклоне перед ведьмой и утер рот кончиком бороды.

— К слову о сотрудничестве, по-моему, ты обещала свободу любому рабу, кто приведет вам вороватую сороку, именуемую Предателем Дикоза-

пада. Меня ждет моя Библиотека, я слишком давно не видел ее. Свободу, о ведьма, свободу. Я требую свою свободу. Свободу.

И опять больно было видеть, как толпа рабов нетерпеливо подалась вперед.

— Свобода… — с тоской загудели они вслед за Библиотекарем. — Свобода…

Для Библиотекаря свобода означала снова красться по коридорам Библиотеки, охраняя драгоценные книги. Мысленно он уже бродил по ее лабиринту, счастливый в тамошней темноте.

Но…

Если и был на этой доброй зеленой земле кто-то еще менее благодарный, чем Элвин, так это его маменька Экселлинор.

Теперь, когда у нее был Иккинг, чтобы найти Сокровище, ей больше не требовалось приманивать наградой рабов или этого Библиотекаря.

— Свободу? — удивленно рассмеялась ведьма. — Что это за чушь насчет свободы? Рабов нельзя освободить! Клеймо есть Клеймо, и убрать его невозможно.

— Но, — заблеял Библиотекарь, — ты же говорила, его можно выжечь… Ты обещала, что его можно выжечь…

— Наверное, я немного преувеличила, но только потому, что мне очень важно выиграть эту вой-

ну ради всех нас, — соврала ведьма. — Бросьте этого Библиотекаря обратно в толпу!

Так Мятый Косматый Библиотекарь на своем горьком опыте познал, почему нельзя верить обещаниям ведьмы.

— А теперь, — сказала старуха, нависнув над Иккингом, — я собираюсь поставить тебе очень ясную цель, о Хитрец, Который Находит Утраченные Сокровища. Я хочу, чтобы ты отыскал нам Драконий Камень за… мм… — ведьма прикинула в уме хорошее число и остановилась на трех, — ровно за три часа. А не то я не просто убью мальчишку с непотребно большими ноздрями — я всех убью. Я выставлю тикалку…

Тик-так, тик-так…

— Три часа? — в замешательстве переспросил Элвин, глядя сквозь открытые ворота в конце двора на раскинувшиеся до горизонта красные пески. — Ты хочешь, чтобы он нашел Драконий Камень за три часа? Гм, мама, тысячи и тысячи рабов просеивали эти пески сачками. Если они не нашли Сокровище, то как Иккинг найдет его всего за три часа? И, мам… кое-кто думает, что Камня тут может и не быть. Чернобород отличался гнусным чувством юмора, ты же знаешь… — Элвин указал на свой крюк. — Вспомни историю с моей рукой и крышкой гроба…

— Иккинг — Тот, Кто Находит Сокровища! — взвизгнула ведьма. — Он нашел Корону Дикозапада всего за три часа! А Молниенос искал ее двадцать лет! Поверь мне, он из тех, кому нужен жестко поставленный срок.

Ох, Тор ее зашиби, да она спятила!

— Лучше бы ты позволила мне разобраться с ним прямо сейчас, — пробурчал Элвин. — Он столько раз срывался у меня с крюка. Вспомни, как было в фехтовальной школе «Гром и молния» и в лесу на Берсерке.

— Мы не повторим этой ошибки, — сказала ведьма. — Я урок усвоила. В последний раз я отпустила его в туннели и Огненную Яму одного. На сей раз мы не позволим крысенышу скрыться из виду ни на секунду…

— Дайте мелкому пройдохе карту! — гаркнула ведьма. — Дайте этому слизняку буер! Дайте ему сачки! Дайте ему шесты! Наденьте ему шлем…

— Мне не нужен шлем, — торопливо перебил Иккинг, но ведьма пропустила его слова мимо ушей.

— Дайте ему все необходимое снаряжение!

Воины забегали вокруг Иккинга, добывая ему инструменты и снаряжая его на Поиск. Спустя пять минут Иккинг оказался стоящим на шаткой платформе «Молодого талантливого баклана-2», с сачком в одной трясущейся руке и Чернобородовой

картой Янтарных Рабовладений в другой. Ужасно кусачий и по-прежнему неудобный шлем снова сидел у него на голове.

Бедный Беззубик и старина Одинклык по-прежнему болтались в сачках Мятого Косматого Библиотекаря. Сачки кто-то воткнул в корму королевского буера, и дракончики печально глядели сквозь сетку на Иккинга.

А вокруг теснились воины и рабы Дикозапада, сотни и сотни людей, все на буерах, все ощетинившиеся ножами, мечами, кинжалами, топорами, длинными луками и дубинами. И все это оружие было направлено на Иккинга.

Ведьма рисковать не собиралась.

Один здоровенный вояка даже нацелил на Иккинга Взрывающуюся Штуковину. Не говоря уже о целой шеренге воинов с их орудиями, выбрасывающими по пять копий зараз, и луками, стреляющими одновременно двадцатью стрелами. Элвин в одиночку мог уничтожить Иккинга за три удара сердца. Он привинтил Лезвие Бури к протезу, просто на всякий случай. Его могучим королевским буером, снабженным лезвиями по краям платформы, управляли Проглот и еще трое воинов.

— Ну-ссс… — прошипела ведьма. — Никаких резких движений, ты, змееныш, или мы отправим тебя в Валгаллу, а потом выдернем обратно… Покажи ему, Обалдуй!

Обалдуй спустил копьеметательную машину, и — *дынц! дынц! дынц! дынц! дынц! дынц!* — шесть копий плотным кружком вонзились в песок вокруг «Молодого талантливого баклана-2». Иккинг сглотнул.

— Мне и одного копья достаточно, ведьма, — сказал он. — Сотня тебе не понадобится…

— Найди нам Камень! — заорал Элвин Вероломный.

15. Иккинг отправляется на поиски сокровища

Все выжидательно смотрели на Иккинга.

Ладно, вот теперь он и правда серьезно влип.

Он взглянул на карту, надеясь на подсказку. Но он столько раз за прошлый год рассматривал эту карту и так ни до чего и не додумался. Нарисованная красная селедка, казалось, смеялась над ним.

Забрало упало ему на лицо, и его лязг прозвучал точь-в-точь как похоронный звон.

Иккинг чуть-чуть двинул «Молодого талантливого баклана-2» по бескрайним красным пескам.

Сотни воинов на буерах повторили движение.

Со стороны это, наверное, выглядело ужасно смешно: Иккинг на своем «Молодом талантливом баклане-2» зигзагами движется вперед, а целая армия Дикозапада на буерах в точности повторяет его кренделя, направив на Иккинга все свои орудия.

— Найди его! — визжала ведьма. — Живо!

Иккинг еще немножко продвинул буер вперед.

И остановился.

Две сотни буеров повторили маневр.

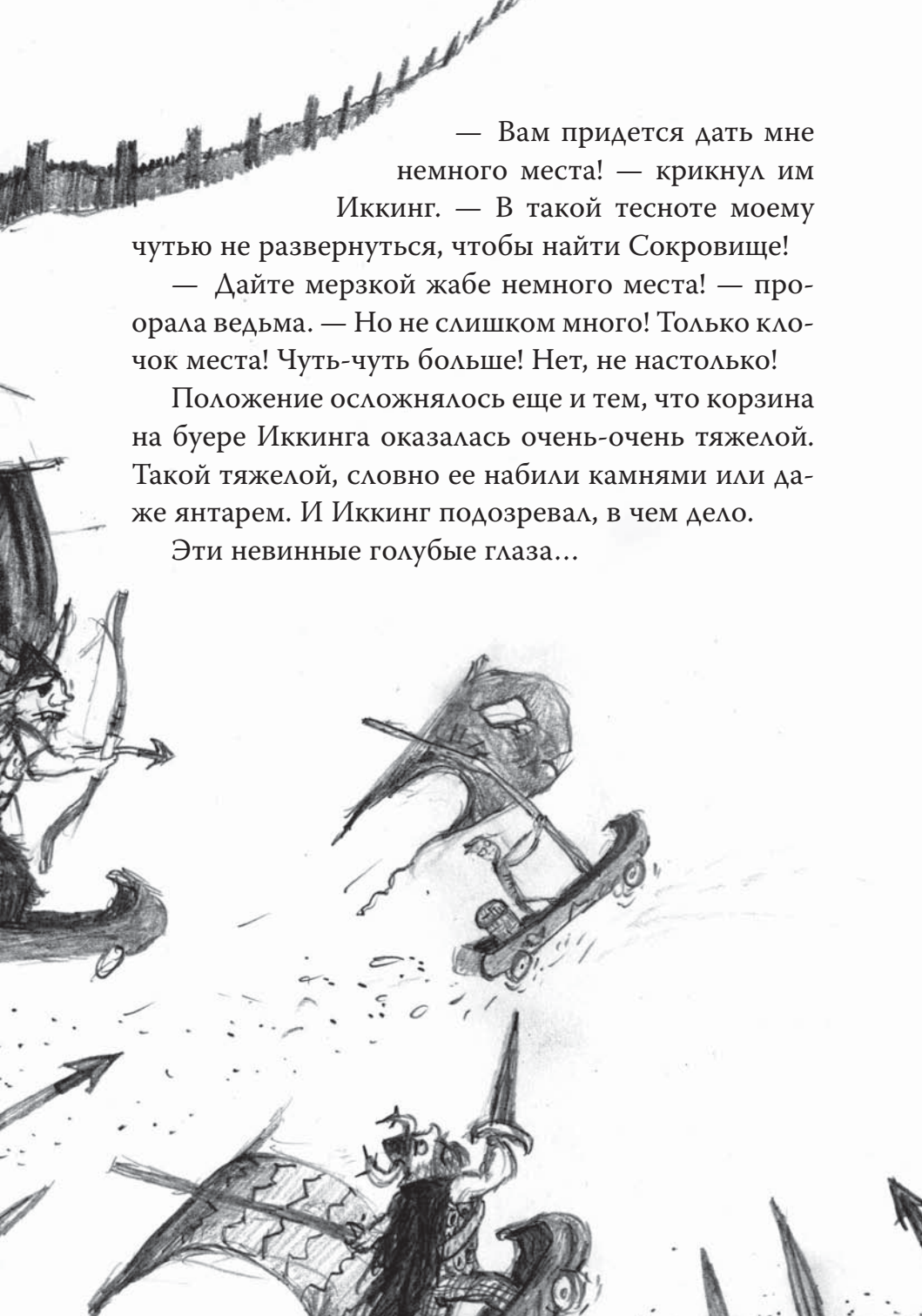
И остановились.

— Вам придется дать мне немного места! — крикнул им Иккинг. — В такой тесноте моему чутью не развернуться, чтобы найти Сокровище!

— Дайте мерзкой жабе немного места! — проорала ведьма. — Но не слишком много! Только клочок места! Чуть-чуть больше! Нет, не настолько!

Положение осложнялось еще и тем, что корзина на буере Иккинга оказалась очень-очень тяжелой. Такой тяжелой, словно ее набили камнями или даже янтарем. И Иккинг подозревал, в чем дело.

Эти невинные голубые глаза…



Когда армия надсмотрщиков приотстала достаточно, чтобы никто не мог подслушать, Иккинг поднял забрало (не без труда, потому что гадская железка по-прежнему норовила заклинить) и уголком губ еле слышно прошептал:

— Что ты там делаешь, Камикадза? Я же велел тебе бежать! И откуда ты узнала, что это мой буер?

— Ты нарисовал на нем значок «Молодого талантливого баклана», — объяснила корзина, торопливо добавив: — И я не знаю, о чем ты говоришь. Никогда не слышала об этой Ками-как-ее-там.

— Камикадза, я прекрасно знаю, что ты здесь, — прошипел Иккинг. — Почему ты не ушла вместе со своей командой Мастеров Побега?

— Я их хорошо натаскала, — прошептала Камикадза в ответ. — Они спокойненько доставят малышку Эггингарду к Странникам и без меня. Если ты думаешь, что я снова собираюсь встать вполоборота к тебе, Иккинг Кровожадный Карасик Третий, то жестоко ошибаешься. Отныне я с тебя глаз не спущу. Что происходит? Тут было много криков.

— Это долгая история, — сказал Иккинг. — Мне надо отыскать Драконий Камень за три часа, а то ведьма всех убьет.

— Но я сомневаюсь, что он вообще здесь, — заметила Камикадза из корзины.

— Попробуй сказать это ведьме.

— Так мы атакуем? — уточнила корзина спустя некоторое время. — У меня тут два меча наголо и кинжал в зубах.

— Этого может не хватить, — признал Иккинг, оглянувшись на сотни следующих за ним буеров, гущу мечей, ракетных установок и воинов с натянутыми до упора северными луками, буравящих его кровожадными взглядами.

— Тогда каков план? — спросила Камикадза.

Иккинг вздохнул.

По правде говоря, все планы у него кончились.

Впереди простиралась бескрайняя пустыня: очень-очень много песка и совсем никакого Камня. А по пятам следовала целая армия, угрожая самыми зловещими порождениями человеческой оружейной мысли. В такой обстановке идеи как-то не спешили рождаться.

От ужаса в животе поселился холодный ком, словно проглоченная наспех остывшая каша.

— Не уверен, — пробормотал Иккинг. — Знаю я эти жуткие Чернобородовы шуточки. Должно быть, Камня нет минимум на шесть миль вокруг. Скорее всего, он на другом конце чертова архипелага.

— Так ты признаёшь это! — с восторгом воскликнула Камикадза.

— Внимание… не позволяйте этому коварному крысенышу скрыться из виду, — прошипела ведьма

Экселлинор позади Иккинга и буера. — Луки на изготовку. — Ты еще не нашел его, мерзкая креветка?

И тут произошло нечто поистине из ряда вон выходящее.

Надо было видеть это ведьмиными глазами и глазами сотен и сотен рабов и воинов Дикозапада, собравшихся на песках.

Им это, должно быть, показалось настоящим чудом.

Какой-то запредельной магией.

Вот они стоят, тысячи воинов, закованные в доспехи, наставив все свое оружие на Иккинга. Стражники замерли в буерах с большими-пребольшими парусами, способных легко обогнать потрепанный старый буерок Иккинга (к тому же отягощенный лишним весом Камикадзы, хотя они-то, конечно, об этом не знали) …

Иккинг никак не мог ускользнуть от них.

Совершенно, абсолютно никак.

Вот он перед ними, ведет свой буерок, сильно накренившийся на левый борт, дергаными, беспорядочными рывками…

Вот над головой проносится порыв ветра, воздух идет рябью, словно на песок внезапно опустился весьма необычный туман…

Тут раздается короткий резкий крик, и — ни Иккинга, ни буера, ни корзины… Будто воздух сгустился и проглотил их.

Невероятно! Только что он был как на ладони — а через мгновение его и след простыл!

Рабы и воины со всем их оружием — мечами, топорами и луками, — выпучив глаза и разинув рты, уставились на то место, где в последний раз видели Изгнанника, громко ахая, не веря, в полном изумлении.

— Исчез, — медленно произнес Проглот. — Совершенно и полностью растворился…

— НЕ-Е-Е-ЕТ!!!!!! — возопила ведьма. — Нет! Нет! Нет! Нет! Нет!

Проглот торопливо подогнал ведьмин буер точно в то место, где только что был Иккинг.

— Это невозможно! — надрывалась она. — Это просто невозможно!

Королевский буер Элвина зловеще и лихо затормозил рядом.

— А я ведь говорил, маменька. У меня с этим мерзавцем долгая история. Дали бы мне его убить, пока можно было. Я и крюк на этот случай нарочно наточил.

Все-таки приятно убедиться, что ты был прав, даже если тебе от этого только хуже.

— А теперь у него даже карта есть… — добавил Элвин с мрачным удовлетворением.

— Это невозможно! — верещала ведьма. — Он должен быть где-то здесь! РОЙТЕ! РОЙТЕ, вы, идиоты, КОПАЙТЕ!

Ведьма по-звериному спрыгнула со своего буера и, словно обезумевшая псина, начала рыть сама железными когтями, выбрасывая огромные горсти песка. Как будто Иккинг мог волшебным образом просочиться сквозь песок вместе с буером и всем прочим.

Воины и рабы с лопатами поспешили помочь ей и принялись копать очередную бессмысленную яму — им было не привыкать без толку рыться в этом заливе.

Но вот ведьма прекратила безнадежное занятие, застыла с полными руками песка и принюхалась. И вдруг начала подскакивать на четвереньках, словно кошка, в верхней точке прыжка хватая воздух костлявыми руками. Казалось, она пытается своими длинными железными когтями выцарапать мальчишку из самого неба и хилыми ручонками сдернуть его наземь.

— Он тут, наверху! Я знаю! Я знаю! Я вижу! Мои слепые глаза не подводят меня! — хрипела она.

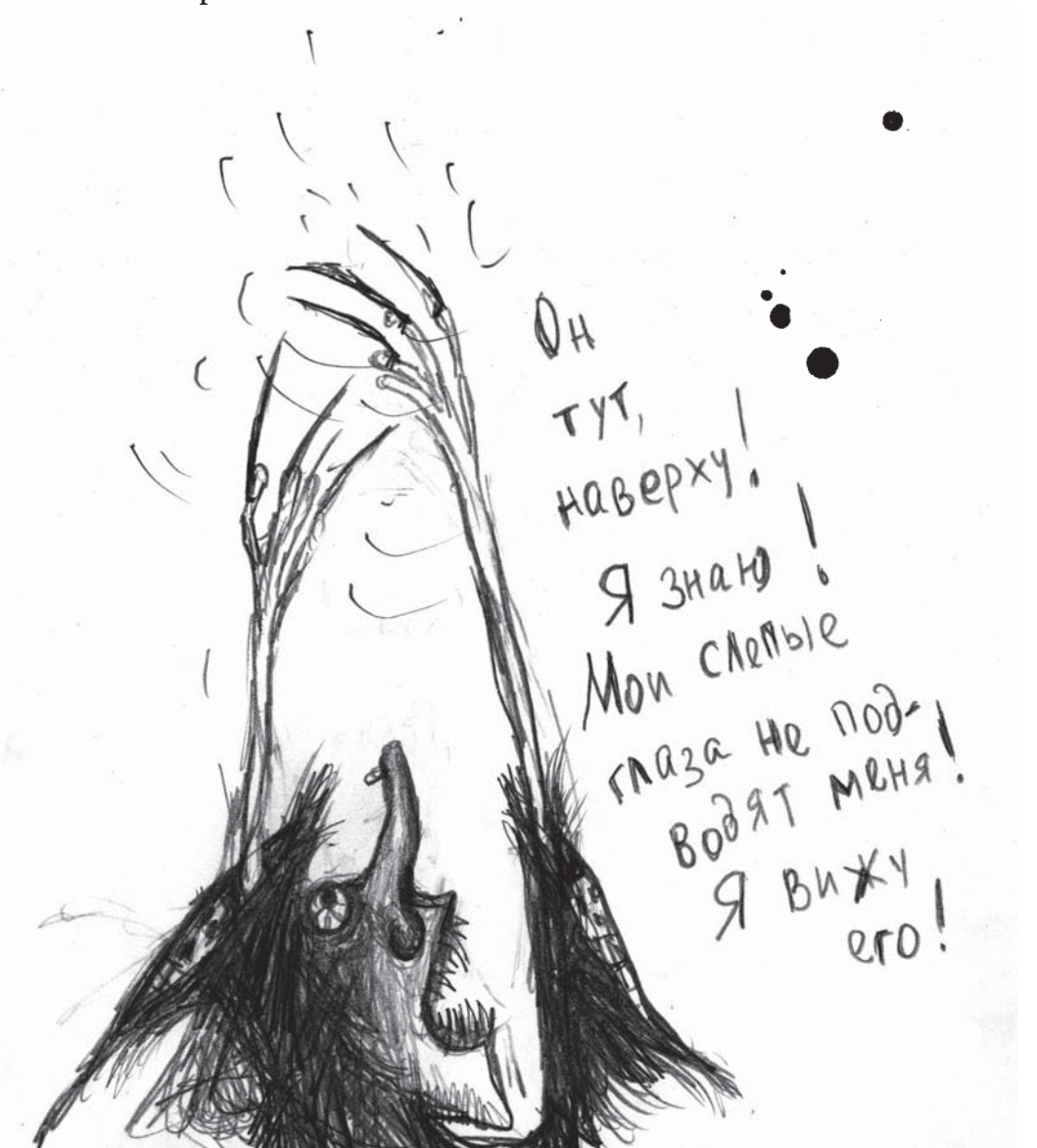
Даже удивительно, как такая пожилая женщина могла так резво скакать.

По толпам воинов и рабов, с любопытством наблюдавших за представлением с буеров, пополз шепоток:

— У-у, поехала старушка. И раньше-то была малость того, а теперь окончательно сбрендила…

Викинги народ суеверный и всегда готовы поверить в волшебство, поэтому вскоре раздались другие перешептывания:

— Хотя парня-то видели? Ведь в воздухе растворился…



— Я слышал, он пару лет назад в Форте Жестокусе то же самое отколол. Улетел, по воздуху улетел, без дракона, без ничего…

— Не может быть!

— Да точно тебе говорю, клянусь моим лучшим синим шлемом. Думаешь, он правда…

— МОЛЧАТЬ! — взревел Элвин Вероломный. — МОЛЧАТЬ! Следующий предатель, который откроет рот, побеседует с моим крюком, а он как раз жаждет крови!

Над красными песками повисло молчание.

— Половина на колени и копать! — взвыл Элвин Вероломный. — Другая половина — прыгайте и ловите парня, если он еще здесь!

Народы архипелага неохотно повиновались.

И если Тор-Громовик в эту минуту смотрел вниз с небес, возможно, он с горечью улыбнулся, увидев, до чего докатились гордые народы Дикозапада.

Сотни и сотни людей бессмысленно копались в земле или бестолково подпрыгивали в воздух. А вокруг над бескрайними песками завывал ветер…

16. ТРЕХГЛАВЫЙ СМЕРТЕНЬ

Очень приятно было наблюдать, как подействовало волшебное исчезновение Иккинга на ведьму и народ Дикозапада.

Однако, к несчастью, как вы догадываетесь, волшебное исчезновение Иккинга было не таким уж волшебным. На самом деле его похитил трехглавый Смертень, наемный убийца, посланный Ярогневом.

Одинклык и Беззубик, разумеется, тоже об этом догадались. Они съежились в сачках, свесившихся с кормы королевского буера Элвина, и с тоской глядели сквозь сетку.

— **А я говорил ему,** — прошептал Одинклык. — **Я предупреждал об этом драконе. Если тебе всюду мерещится угроза, это не означает, что угрозы нет... Ну, хотя бы шлем на нем...**

— **Да,** — печально отозвался Беззубик. — **Но ч'что он будет делать без Б'бе-беззубика, кто за ним присмотрит? Иккингу нужен Б'бе-**

беззубик... я ведь одно из Утраченных Сокровищ... и самое при-притом луч'чшее...

— О-о-о-о! — пропищала Камикадза из корзины. — Ты все-таки придумал план! Я знала, что у тебя получится!

А Иккинг как раз сам пытался сообразить, что же произошло.

Их нес в когтях кто-то невидимый. Иккинг не видел над собой ничего, кроме неба, но догадывался, что это просто идеальная маскировка. Это мог быть крадкий дракон. Иккинг сталкивался с ними раньше.

И тут ему стало худо от страха. Он припомнил, как Одинклык сто раз предупреждал его, что Ярогнев послал за ними убийцу... И как выглядела постель давешней ночью — словно кто-то ее растерзал...

— Это не план, — сказал Иккинг, цепенея, — хотя, может быть, и план, но точно не мой. Это план Ярогнева. Нас похитил какой-то крадкий дракон. Должно быть, Ярогнев послал его убить меня.

— О, здорово! — пропела Камикадза, радостно высовываясь из корзины, словно бешеный блондинистый чертик из табакерки. — Обожаю крадких драконов!

— Я тоже, — встряла Буримуха, высовываясь из корзины следом за хозяйкой и обретая красивый игриво-розовый оттенок.

— Боюсь, этот крадкий дракон вам обеим не понравится, — отозвался Иккинг, стуча зубами. — Он еще и трехголовый.

Камикадза вскинула палец.

— О! Тогда достану-ка я аварийный боевой топор, — сказала она, ныряя в корзину. — На всякий случай прихватила. И лишний меч для тебя у меня найдется. — (Камикадза всегда являлась во всеоружии.) — А дальше ты рубишь одну голову, а я остальные две, потому что я девочка. Видишь, я тебе пригодилась, ведь знала, что пригожусь! Ой, весело, прямо как в старые времена!

Иккингу не хотелось портить подруге праздник, но он понимал: шансы вдвоем управиться с похитителем невелики.

Его немного мутило при взгляде вниз поверх прозрачного кулака, стискивавшего разбитый буер. Далеко-далеко внизу простирались красные пески. У Иккинга всегда закладывало уши, когда он висел у дракона в лапах, хотя если верхом, то все было нормально. Он не понимал, почему так происходит, они и летели-то вроде не особенно высоко… Он неловко принял протянутый Камикадзой меч.

«Ну вот», — подумал он.

Смертень приземлился, держа Иккинга, Камикадзу и разбитый буер в одной лапе. Могучий зверь высился над ними.

— Отпусти нас, ты, большой прозрачный ТРУС! — заорала Камикадза. — Отпусти нас, и мы сразимся как ВИКИНГИ! Ты, стекляшка мутная, ЯЩЕРИЦА ТРИЖДЫ БЕЗМОЗГЛАЯ!

Приземлившись, Смертень сделался видимым — в маскировке больше не было нужды. Камуфляж на хамелеоновой шкуре растаял, и Иккинг впервые увидел, с кем имеет дело.

Ого, они в настоящей беде.

Ему раньше не доводилось наблюдать этот вид драконов самому, но Иккинг слышал о нем и знал, что при встрече с таким никому несдобровать.

Это был смертень, и притом трехголовый, а смертени плюются не только огнем, но и молниями. Без маскировки он оказался завораживающего цвета морской волны, минимум три метра в высоту и девять в длину. В вышине, на шести щеках его трех голов проступали ярко-желтые пятна — там скрывались ядовитые железы.

«И зачем такому могучему чудовищу еще и яд, — подумал Иккинг в легкой истерике. — По-моему, это перебор».

— **Ух ты-ы,** — выдохнула Буримуха, хлопая ресницами. — **Ты же просто великолепен!**

Иккинг пытался припомнить все, что знал о смертенях, но в голове упрямо крутилась только одна глупая мысль: «О боги, он не в духе».

ВУШШШ!

Смертень прыгнул, и юные викинги и глазом моргнуть не успели, как оказались прижаты к земле драконьими лапищами. Дух из них вышибло, и Иккинг с Камикадзой принялись беспомощно хватать ртом воздух.

Тварь разинула громадные челюсти, и из всех трех голов раздался низкий и громкий рык, со всех сторон одновременно. Этот рык, казалось, сдул Иккингу волосы с головы и проник в самое его естество. Череп гудел, словно мальчик сунул голову в колокол.

Наверное, пленники на миг потеряли сознание.

Когда Иккинг пришел в себя, три драконьи пасти были широко распахнуты перед ним, так что он мог заглянуть в глубину ближайшей глотки. Мышцы в этой глотке медленно сжимались, и он понял: дракон накачивает огненные железы, чтобы сжечь пленников. Это конец.

Иккинг стал ждать смерти почти с облегчением. По крайней мере, все закончится быстро. Новую порцию рыка он вряд ли выдержит.

Он закрыл глаза и внутренне сжался, ожидая неминуемого… Но тут одна из голов крикнула:

— СТОЙТЕ!

Все замерло.

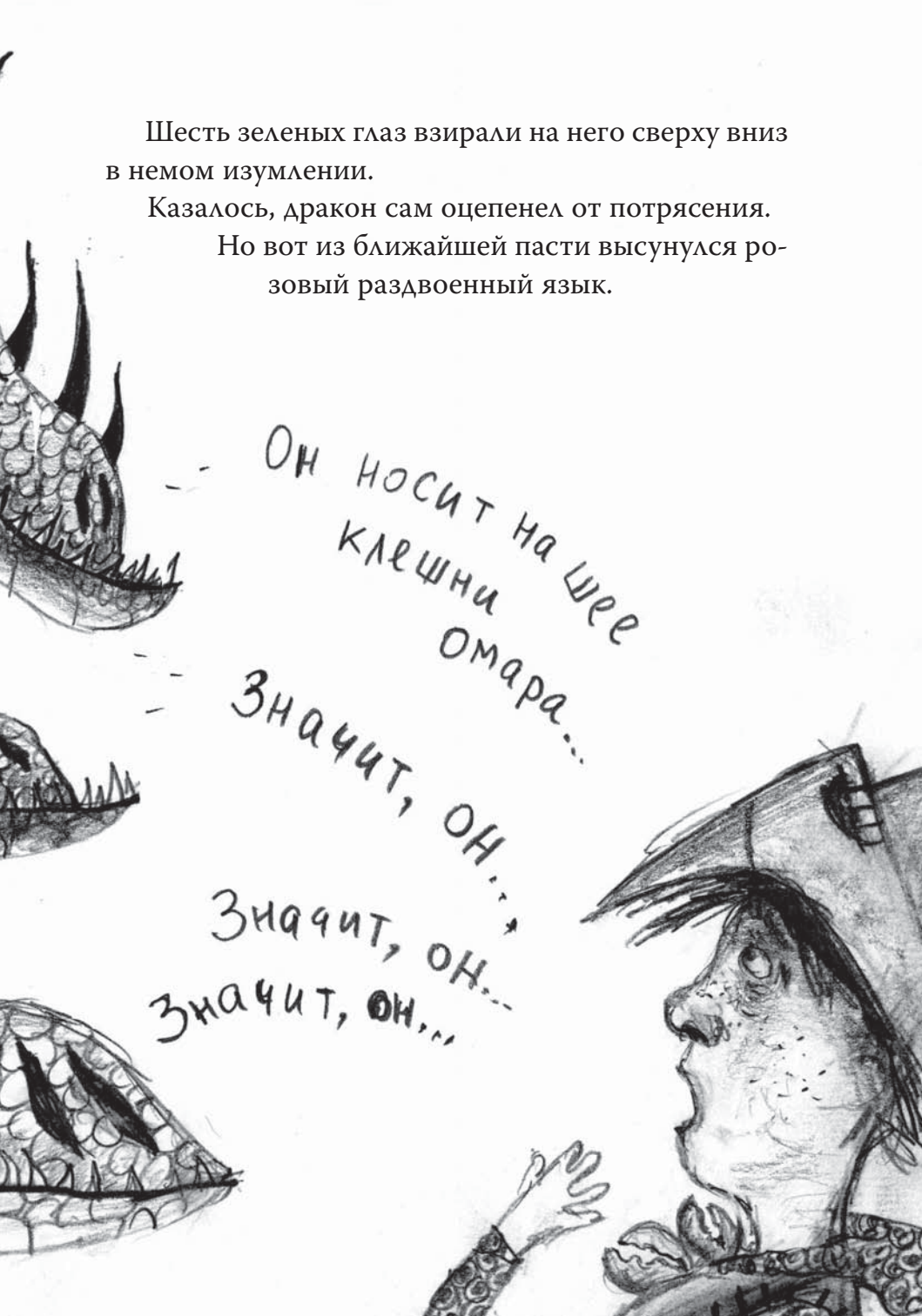
Иккинг осторожно открыл глаза.

В ушах у него еще гудело.

Шесть зеленых глаз взирали на него сверху вниз в немом изумлении.

Казалось, дракон сам оцепенел от потрясения.

Но вот из ближайшей пасти высунулся розовый раздвоенный язык.



Иккинг вздрогнул, однако язык протянулся вниз и осторожно, нежно приподнял клешни, висевшие у Иккинга на шее. И шесть глаз все пристальнее и пристальнее стали вглядываться в медальон, словно не в силах поверить тому, что видят.

АлаЯрость исчезла из этих глаз, растаяла, как туман.

Великое спокойствие и неподвижность снизошли на стоявшего над Иккингом дракона. Он заглянул Иккингу в глаза, словно в собственное прошлое.

Одна из голов заговорила, гулко и раскатисто. Голос был такой низкий, что отдавался у Иккинга в груди. В нем звучала невыносимая тоска, аж сердце щемило от жалости.

— **Он носит на шее клешни омара...** — произнесла средняя голова Смертеня.

— **Значит, он...** — прогудели остальные в ответ. Казалось, вокруг головы Иккинга клубится целое гнездо радостных шмелей. — **Значит, он... ззначит, он... зззззззззначит, онн-н-н-н-н...**

17. ПРОШЛОЕ НАСТИГАЕТ. ИЛИ МЫ ОБ ЭТОМ УЖЕ ГОВОРИЛИ?

— **Это подарок,** — сказал Иккинг.

Все три головы Смертеня дернулись от удивления. Человек обратился к ним на драконьем наречии!

И вдруг все три головы заговорили, в голосах их слышалось нетерпение и страх, что у них отнимут надежду, которую они так долго хранили, которая только что вспыхнула с новой силой…

— **Так не ты хозяин этого ожерелья?**

— **Кто дал его тебе?**

— **Где они? Они живы?**

Вопросы сыпались с трех сторон одновременно, наперебой, да такими странными голосами, что у Иккинга голова шла кругом. Казалось, они находились в гулкой запутанной пещере и на него со всех сторон отражалось эхо.

— **Мне дал его мой друг… Он жив… Я надеюсь, он жив… Я ищу его…** — простонал Иккинг. — **Это ради него я пришел сюда.**

Голоса посуровели, в них появился оттенок злобы:

— **Но ты не украл его?**

— **Ты говоришь правду?**

— **Мальчик, который владел этим ожерельем, жив?**

Иккинг сглотнул:

— **Я очень-очень надеюсь, что он жив, потому что он мой лучший друг.**

В этот миг он так живо представил себе Рыбьенога, тощего Рыбьенога с его горькими шуточками и очками наперекосяк. На миг ему даже почудилось, что друг стоит рядом и вот-вот отпустит замечание по поводу всеобъемлющей ужасности самого Смертеня.

— **Посмотри на нас-с!** — зашипели головы Смертеня. — **Посмотри на нас! Посмотри на нас! Посмотри на нас!** — шипело вокруг.

Три головы вились вокруг него, путая, выскальзывая из поля зрения и снова возникая в нем… Они были как зеркальный лабиринт… Зеркальный лабиринт? Где-то он про него слышал?

Иккинг приучил себя выдерживать драконий взгляд — а это дело нелегкое, ведь взгляд у драконов гипнотический. Если слишком долго смотреть в глаза дракону, он может сломить твою волю. Можно даже потерять сознание. А можно отделаться тошнотой.

Некоторые драконы способны взглядом вытянуть из тебя всю правду, хочешь ты того или нет. И разумеется, в три раза больше глаз — в три раза больше сила.

Иккинг заставил себя смотреть дракону в шесть громадных блестящих глаз, где теперь отражалось небо. Их взгляд словно ввинчивался ему в голову, в самый мозг, и бродил по тамошним запутанным лабиринтам.

Затем возникло сосущее ощущение, словно дракон вытягивал из него мысли.

Неудивительно, что спустя несколько секунд у Иккинга закружилась голова, потом его затошнило. Вам бы тоже пришлось несладко, если бы кто-то бродил у вас в извилинах. Наконец он закрыл глаза и потерял сознание.

Дракон разжал кулак, стискивавший бесчувственные тела Иккинга и Камикадзы. И лапа, которая всего несколько минут назад выдавливала из них жизнь, мягко и бережно положила детей на песчаную траву.

Они пришли в себя.

— Тор, Один и Фрейя с ее миленькими косичками, что это было? — проговорила Камикадза, пытаясь восстановить дыхание, держась за голову и с благоговением таращась на Смертеня.

— Не имею ни малейшего понятия, — пропыхтел Иккинг. — Я понял только, что это как-то связано с Рыбьеногом и его ожерельем из омаровых клешней. Но угроза еще не миновала… — Иккинг чувствовал это. — Смертень пока не решил, как с нами поступить.

Дракон расхаживал вокруг них, словно невидимый тигр. Глубоко в его глотках рокотал звук, который у менее величественного, благородного и дикого существа назывался бы урчанием.

Но урчал он не от радости, Иккинг хорошо знал этот звук. Это было «раздумчивое» урчание. Беззубик тоже так урчал, когда пытался решить, делать что-то или не делать.

Иккинг с Камикадзой сидели абсолютно неподвижно на песчаной траве. У Камикадзы, как ни удивительно, хватило ума помалкивать — она поняла, что их жизнь висит на волоске. Существо кружило и кружило, три головы спорили между собой. Их было не видно, зато слышно; чувствовалось движение воздуха, и шаги громадного дракона отпечатывались повсюду вокруг в траве.

Пятнадцать кругов больших драконьих следов образовалось вокруг них, прежде чем Смертень прекратил кружить и поднес все три головы очень близко к Иккингу. Теперь они были видны и раскачивались, как змеи перед заклинателем.

Средняя голова заговорила:

— **Мы боролись с собой.** — В голосе звучал тот же гулкий оттенок рока.

Иккинг уважительно кивнул.

— **Ибо есть две причины, почему ты здесь,** — продолжал дракон. — **Две Геройские Задачи. Во-первых, ты ищешь своего друга и искренне веришь, что он жив.**

Первая голова то ли рыкнула, то ли хрюкнула одобрительно и выпустила в песчаную траву заряд пламени.

Иккинг с Камикадзой испуганно подпрыгнули.

— **Ты сказал правду,** — продолжала средняя голова. — **Но Ярогнев тоже говорил правду. Есть и вторая Задача... Ты ищешь Драконий Камень. Это опасно и может иметь ужасные последствия для всей драконьей расы... Ибо Драконий Камень не просто драгоценность. У него есть секрет. И если человек узнает этот секрет, он сможет использовать силу Камня, чтобы убить всех драконов, сколько их есть. Он может уничтожить нас, истребить навсегда. Но ты все равно его ищешь...**

На сей раз третья голова явно рыкнула — скорее ворчание, нежели рык, — и выпущенный ею шар огня пролетел всего в пальце от Иккинга. И то лишь потому, что средняя голова предвидела это и отбросила огненный шар.

— **Мы и сами должны сделать выбор,** — продолжала средняя голова. — **Ибо мы дали два обещания. Одно Ярогневу — убить тебя. Другое кое-кому еще, давным-давно. Невинность, который слева от меня,** — (левая голова поклонилась), — **желает помочь тебе найти твоего друга, который столько значит для**

нас. С другой стороны, Гордость, — (правая голова поклонилась и заворчала), — **предпочел бы тебя убить. Мы проголосовали.** — Средняя голова помолчала и медленно продолжила: — **То обещание, что было дано первым, важнее. Мы поможем тебе.**

Иккинг испустил вздох облегчения. Похоже, их жизнь действительно висела на волоске, но все обошлось.

— **Спасибо.** — Он склонил голову. — **Но знаешь, Камень ведь ищу не только я. И те, другие, точно используют его, чтобы уничтожить драконов.**

— **Ах,** — печально отозвалась средняя голова, — **но они никогда не найдут его без твоей помощи.**

Смертень опустился перед ними на колени, приглашая залезть к нему на спину.

— **Давай,** — ласково произнесла средняя голова. — **Отведи меня к этому своему другу.**

У Иккинга желудок превратился в медузу. Неужели все это происходит на самом деле? Ну и безумный же поворот событий! Дракон, который только что пытался их убить, теперь стремится им помочь.

На миг Иккинг испугался, что это ловушка. Возможно, Смертень хочет отнести их к Ярогневу. Но он и так мог бы это сделать, не спрашивая разрешения и не вступая в приятную беседу.

— Что ты делаешь? — разинула рот Камикадза, когда Иккинг полез на сияющую спину Смертеня, сияющую и небывалую, как сон. — Этот дракон пытался нас убить!

— Он передумал, — отозвался Иккинг. — Ты идешь?

Никто не способен передумать быстрее Камикадзы.

— Еще бы! — воскликнула девочка, засовывая за пояс оба меча и аварийный боевой топор.

Она вскарабкалась следом за Иккингом и уселась у него за спиной, улыбаясь во все свое обезьянье личико. Устроившись, она довольно принюхалась и погладила блестящую спину ящера:

— А я говорила! Обожаю крадких драконов!

— О-о-о, и я-а! — пропищала Буримуха, становясь страстно-розовой и игриво вертясь вокруг трех голов.

— Это не крадкий дракон. Это смертень. **Кстати,** — обратился Иккинг к средней голове Смертеня, — **если твои братья Невинность и Гордость, то как зовут тебя?**

— **Терпение,** — ответила средняя голова. — **Потому что без него никак.**

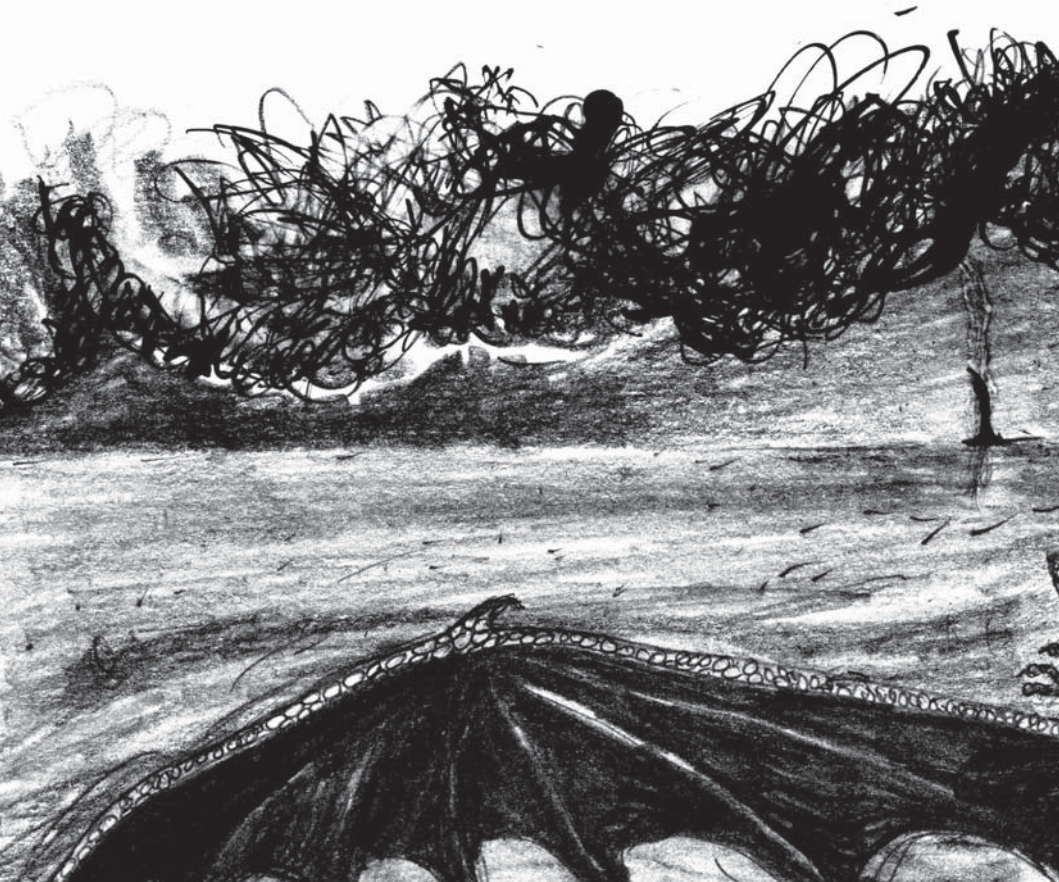
И Смертень взлетел.

18. В ПОИСКАХ РЫБЬЕНОГА

И вдруг, сам не зная почему, Иккинг вспомнил сказку Эггингарды.

— **Лети на восток,** — сказал он дракону, — **к Проклятым Землям... Мы ищем скалу, похожую на ведьмин палец.**

Смертень полетел на восток. Иккинг не хотел, чтобы скала, похожая на ведьмин палец,



в самом деле существовала, но он все равно высматривал ее, ведь ничего другого не оставалось. С востока нанесло один из коварных морских туманов, и дракону пришлось идти над красными песками на бреющем. Летели они долго. Так далеко на буере уж точно никому не забраться, правда?

Глядя вниз через сияющее плечо Смертеня, Иккинг увидел то, что так страшился увидеть.

Корявая зазубренная скала, точь-в-точь ведьмин палец, указывала прямо в небо… и чуть поодаль от нее темнело на песке пятнышко буера.

— **Вниз, Смертень! Вниз!** — в ужасе крикнул Иккинг.

Они стали снижаться, и на подлете Иккинг разглядел, что буер перевернут. Он лежал на боку.

Иккинг отчаянно обшаривал взглядом горизонт слева, справа, глаза уже заволакивало слезами, в горле встал ком. Нигде ни малейших признаков знакомого долговязого и нескладного силуэта.

Конечно, его тут и не могло быть. На Иккинга обрушилась правда, правда, которую он, наверное, в глубине души давно знал.

Сказка, рассказанная ему Эггингардой две ночи назад, сказка про Чудище и мальчика-раба… Это была не сказка, а быль.

Эггингарда видела все своими глазами…

Она была там. Она была с Рыбьеногом, когда Чудище напало, когда эта ужасная тварь утащила Рыбьенога в песок.

Это объясняло, почему малышка так боялась Чудища, но не страшилась ничего больше. А сказку она ему рассказала, чтобы снять камень с души.

Это все объясняло.

19. ЧУДИЩЕ И МАЛЬЧИК-РАБ

Смертень невесомо приземлился на песок.

Иккинг слез с его спины и подбежал к беспорядочно сваленным вещам.

Может, это не Рыбьенога…

Может, это какого-нибудь другого бедняги. Это мог быть КТО УГОДНО, в конце концов. В Проклятых Землях каждый день кто-нибудь пропадал.

Но, добравшись до буера, Иккинг заметил какой-то предмет, полузанесенный песком. Дрожащей рукой он извлек находку.

Смятые, разбитые остатки.

Когда-то это был драгоценный Рыбьеногов рюкзак. Он сделал рюкзак из садка для омаров, в котором его нашли младенцем. Там хранилось все скудное имущество Рыбьенога. Словно для того, чтобы у Иккинга не осталось сомнений, когда он поднял рюкзак, оттуда выпала раздавленная бутылочка зелья от астмы, состряпанного Старым Сморчком, и зелье вытекло, пятная песок, словно кровь.

Иккинг попытался восстановить смятые, раздавленные остатки садка-рюкзака, придать им исходную форму.

Вот и все. Выходит, Рыбьеног мертв.

Больше от этого не спрятаться.

Сказка про Чудище Янтарных Рабовладений в конце концов оказалась правдой.

Это быль, и это случилось с Рыбьеногом.

Сзади подползли гигантские блестящие головы Смертеня.

Бедный зверь выглядел раздавленным. Он надеялся вопреки всему, и теперь надежда снова рассыпалась.

Три головы обнюхали садок для омаров.

— **Как его звали?** — спросил Терпение.

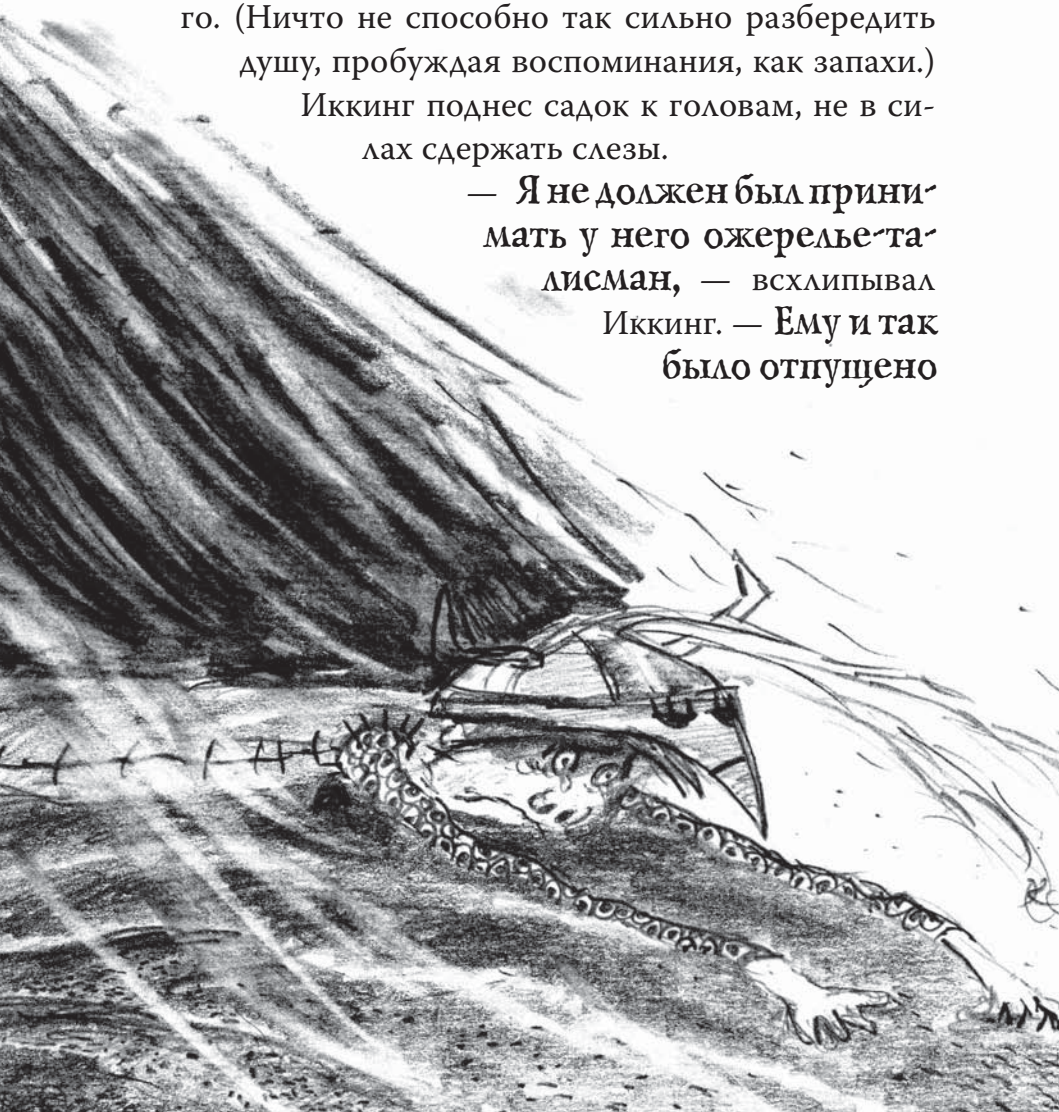
— **Рыбьеног,** — ответил Иккинг сквозь слезы.

— **Рыбьеног,** — нараспев повторили головы, раскачиваясь, словно змеи в трансе. — **Рыбьеног... Рыбьеног... Рыбьеног...** — выпевали они, исполняя печальный танец вокруг садка для омаров.

Странное дело: похоже, они узнали садок и теперь впитывали его запах, словно аромат прошлого. (Ничто не способно так сильно разбередить душу, пробуждая воспоминания, как запахи.)

Иккинг поднес садок к головам, не в силах сдержать слезы.

— **Я не должен был принимать у него ожерелье-талисман,** — всхлипывал Иккинг. — **Ему и так было отпущено**



не слишком много удачи, а он взял и поделился ею со мной. Почему я не отказался?..

— Может, он не умер, — сказала левая голова, Невинность, с надеждой глядя по сторонам. — Вокруг множество островов. Может, он ушел. Наверное, выбрался на один из этих островов. Может, он еще там...

— О, ты обольщаешься! — фыркнул Гордость. — Всегда уповаешь на лучшее. Он погиб, это очевидно.

Его слова доконали Иккинга. Он рухнул на песок, заливаясь слезами.

Смертень тоже плакал.

Плакали даже Камикадза с Буримухой, а они не плакали никогда.

Иккинг чувствовал мокрый песок под собой, красный от астматического зелья, и на его огнеупорном костюме из драконьей кожи отпечаталось красное пятно.

Он плакал и плакал, пока не выплакал всего себя. Осталась лишь пустая оболочка, заляпанная спереди красным.

Пошел легкий дождик. Иккинг чувствовал, как песок под ним становится чуть мокрее, словно поднимается прилив.

ВЕРНИСЬ.

Голос раздавался словно у него в голове.

Вернись и найди Камень.

Стань Королем.

Сделай это ради Рыбьенога и таких, как он.

Иккинг с вызовом утер глаза рукавом. Вскинул на спину сломанные остатки Рыбьеногова садка для омаров и, шатаясь, как слепой, поковылял к Смертеню.

Камикадза без единого слова присоединилась к нему.

Но тут они резко остановились, потому что Смертень снова спорил с самим собой.

— **Если этот Рыбьеног мертв,** — шипел Гордость, — **мы отныне свободны от обещания насчет омаровых клешней.**

— **Но возможно, Рыбьеног жив!** — возражал Невинность. (Ни Гордость, ни Терпение ему, похоже, не верили.) — **И этот мальчик — друг Рыбьенога.**

Терпение все колебался.

— **Мальчишка ищет Камень,** — прошипел Гордость. — **А Камень ни за что не должен попасть в человеческие руки...**

— **Если мы убьем его, то, по крайней мере, сдержим обещание, данное Ярогневу, и Камень будет в безопасности. Ибо человеческая раса не способна мудро распорядиться таким могуществом. Люди умеют лишь разрушать...** — рассудил Терпение, и Гордость понял, что победил.

Три головы сузили глаза и повернулись к Иккингу.

— Ой, — произнес Иккинг.

Три головы угрожающе пригнулись.

— Ой-ой-ой-ой-ой.

Смертень пополз вперед.

И с воплем рухнул на песок.

20. О БОГИ...

О боги, о боги, о боги, о боги...

Нет, этого недостаточно.

О боги, о боги, о боги, о боги, О БОГИ...

Вы, наверное, думаете, что худшее уже позади, да? Что Иккинг уже получил все, что мог вынести? Но, О БОГИ...

Не следует забывать о деталях, мелочах, разбросанных у нас на пути щедрой рукой судьбы. Воины Дикозапада всегда ставили драконьи капканы парами: вдруг какой-нибудь дракон прилетит помочь своему соплеменнику — тогда и он тоже попадется в ловушку.

КЛАЦ! Второй капкан захлопнулся, поймав Смертеня в свои жестокие челюсти.

Смертень запрокинул головы и испустил поистине ужасный вой. Рев попавшего в ловушку дракона звучит жутко, ведь драконы — вольные воздушные создания, для них невыносимо быть в плену. И слышать этот вой запредельного отчаяния не менее невыносимо.

А Смертень вопил в три глотки и к тому же беспорядочно пулял громадными молниями на все стороны света, так что Иккинг с Камикадзой поспешно спрятались за буером. Вряд ли деревяшка

спасла бы их от прямого попадания, но когда вокруг такая пальба, хочется хоть какого-то укрытия.

Дракон выл и бился, но не мог высвободить лапу.

Иккинг высунул голову над краем буера и крикнул:

— **Я могу вытащить твою лапу из капкана, если ты меня подпустишь!**

И тут же пригнулся, пропуская молнию. Она пропела у него над самой макушкой, оставив запах горелых волос.

На миг стало тихо, потом послышался спор драконьих голов.

Наконец Терпение окликнул:

— **Ладно, подходи...**

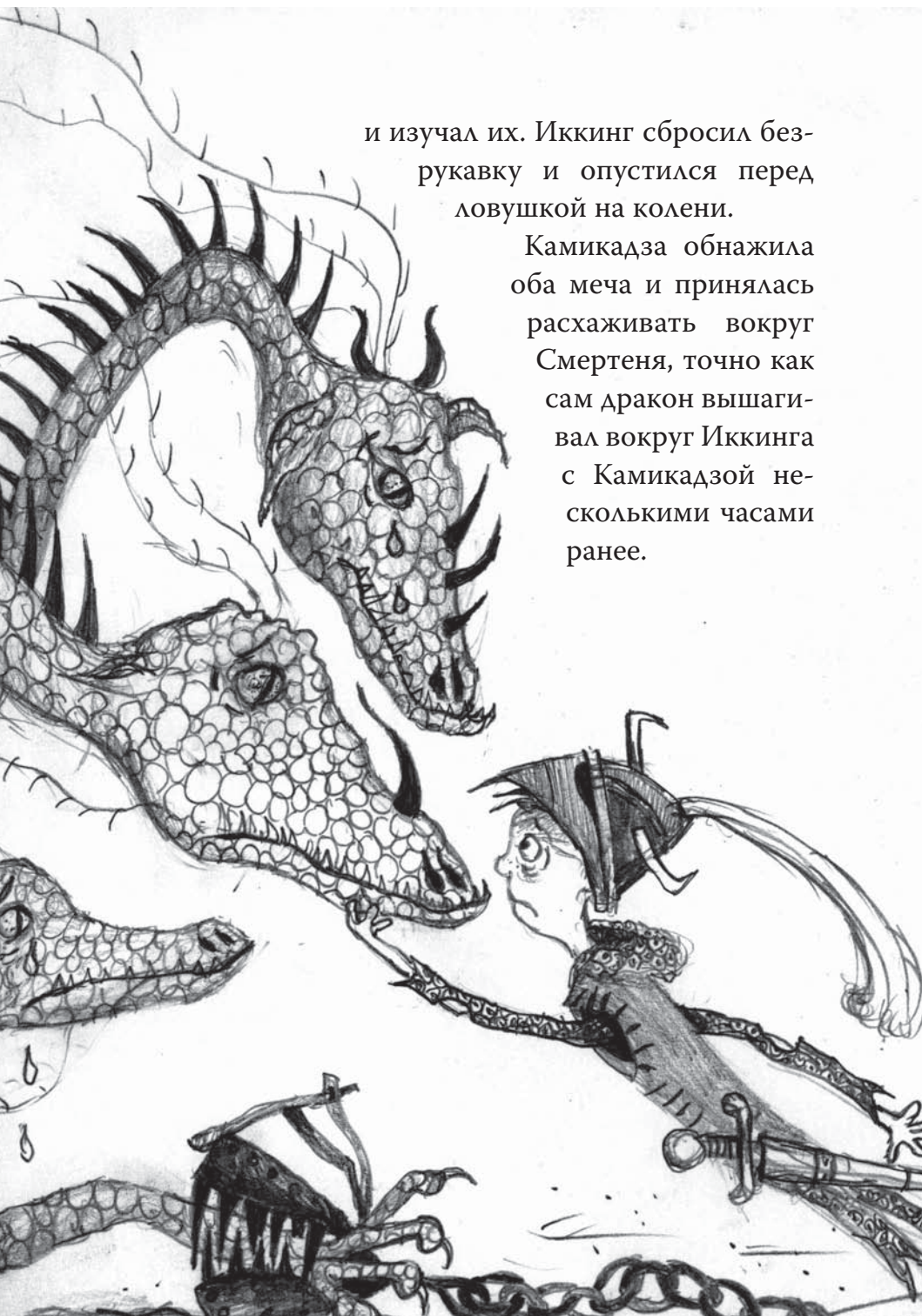
Иккинг опасливо шагнул вперед. Смертень лежал на боку. Он дрожал. При виде капкана Иккинг нервно сглотнул.

Капкан был громадный и один из самых сложных, какие ему доводилось видеть. Сложнейший и злодейски хитроумный механизм. Он был гораздо сложнее, чем необходимо для выполнения его ужасной задачи. Словно изобретатель хвастался своим хитроумным коварством.

Иккинг ласково погладил лоснящийся драконий бок.

— **Я с ним справлюсь...** — сказал он, — **справлюсь...**

Хвала Тору, опыта в этом деле у него хватало: он весь последний год снимал драконьи капканы



и изучал их. Иккинг сбросил безрукавку и опустился перед ловушкой на колени.

Камикадза обнажила оба меча и принялась расхаживать вокруг Смертеня, точно как сам дракон вышагивал вокруг Иккинга с Камикадзой несколькими часами ранее.

21. ИСТОРИЯ ИЗ ПРОШЛОГО

Смертень лежал очень тихо.

Но одна голова поднялась и заговорила с Иккингом, пока тот работал над драконьим капканом быстрее, чем когда-либо в жизни.

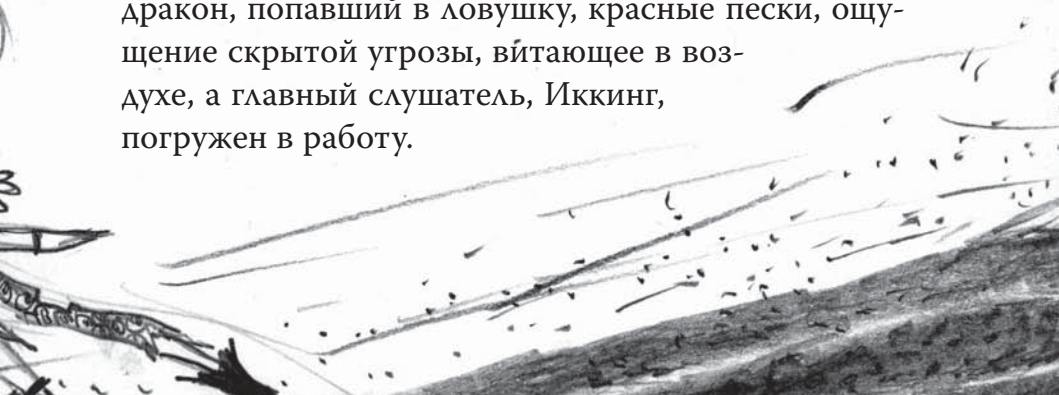
— **Пока мы ждем,** — сказал Невинность, — **позволь мне рассказать тебе историю талисмана, который ты носишь на шее. Тогда, возможно, ты сможешь рассказать ее Рыбьеногу, если снова его отыщешь.**

— **Он не сможет отыскать его,** — мрачно влез Гордость. — **Рыбьеног мертв.**

— **Дай ему рассказать,** — с тоской перебил Терпение. — **Расскажи... Расскажи, Невинность. Расскажи еще один последний раз... Я хочу вспомнить.**

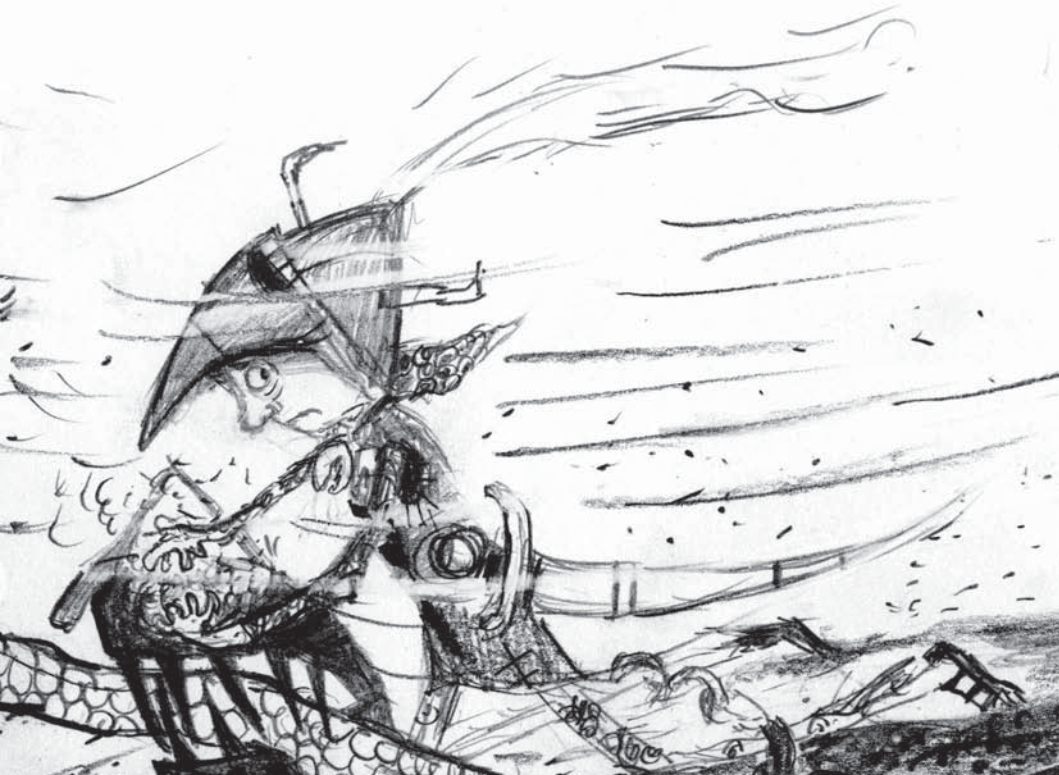
И Невинность заговорил.

Ни одна история еще не звучала при таких странных обстоятельствах: красивый трехглавый дракон, попавший в ловушку, красные пески, ощущение скрытой угрозы, витающее в воздухе, а главный слушатель, Иккинг, погружен в работу.



Но на деле история помогла им всем. Слушая ее, Иккинг немного успокоился. Чтобы разомкнуть капкан, нужна твердая рука, и теперь руки у него перестали трястись.

Уютное, рокочущее эхо голоса Невинности действовало умиротворяюще, словно целебное зелье. Казалось, Невинность рассказывает историю в тиши и покое, у очага в викингской хижине, а не посреди красных песков, где рыщет Чудище Янтарных Рабовладений, где отовсюду веет угрозой и смертью.



История талисмана
из омаровых клешней

— Не так уж давно у нас был человек, — начал Невинность. — Наш собственный человек. Наша хозяйка была веселая юная девушка. Наполовину из Душегубов, наполовину из Берсерков.

— Хотя про Берсерков по ней ни за что было не догадаться, — перебил Гордость, внезапно проникаясь духом рассказа. — Она была такая добрая и ласковая...

— Звали ее Фурия, — продолжал Невинность, — но имя ей совсем не подходило. Никто не назвал бы ее прирожденной Душегубкой. Она была дочерью Грюма Душегуба, вождя племени, и такая жизнь сильно утомляла ее. Поэтому она часто сбегала из отцовской деревни верхом на мне, и мы отправлялись сюда исследовать острова.

Это было наше тайное убежище.

Мы уже были взрослым ездовым драконом, когда встретили ее, но с ней мы снова почувствовали себя молодыми. Даже Гордость. Фурия ничуть не походила на прочих Душегубов, которые били своих ездовых драконов и держали их в плену. Она была другой. Мы с ней были словно одно суще-

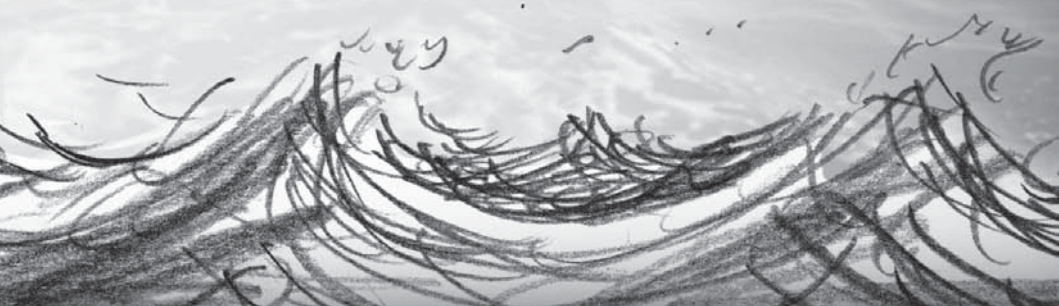
ство, наши крылья были ее крылья, наше сердце — ее сердце.

Все шло прекрасно, пока она росла... но в те времена мы еще ничего не знали о том, что у людей есть один изъян — они могут ВЛЮБИТЬСЯ.

Фурия полюбила бедного странствующего рыболова, а не наследника вождя, как хотелось бы ее отцу. Грюм хотел выдать ее за сына какого-нибудь вождя и чтобы у него был позолоченный топор, а не за бедного рыбака, пусть даже красивого и доброго. Дальше было хуже: она вышла за своего рыбака наперекор отцовской воле, и вождь Душегубов разгневался. А потом случилось самое ужасное: однажды лодка ее мужа попала в бурю и пошла на дно. Морю ведь нет дела до людских страданий.

— Что у вас, людей, в мозгах за перекос насчет любви? — проворчал Гордость. — Не знаю, кто вас придумал, но мог бы думать получше.

— Моя хозяйка очень-очень горевала. Лучше вообще никогда не любить, чем так проливать слезы, как она. Ее удерживало на



этом свете лишь одно — она носила ребенка своего мужа. Она лежала, свернувшись калачиком, на подоконнике отцовского дома, положив голову мне на бок, и рассказывала, каким будет это вымечтанное дитя...

Он будет высокий и красивый, как ее муж. Он будет поэтом, как она сама. Он будет Героем (само собой разумеется), но не грубым мужланом, как ее отец, — он будет храбр и бесстрашен и в то же время добр к животным. Ох, каких только достоинств она не намечтала этому ребенку!

Но мечты и реальность редко совпадают, и, к великому несчастью, когда ребенок родился, он оказался тем, что вы, люди, называете «недомерок».

У вас же на этот счет есть поговорка, как там?

— С нами сила, прочих — в море? — побелевшими губами произнес Иккинг, возясь с замками драконьего капкана. — Без слабых на шее племя сильнее? У каждого племени она звучит по-своему, но что-то такое есть у всех...

— Верно, — кивнул Невинность. — Никогда не пойму людей.

Грюм Душегуб был сам не свой от ярости. Он сказал: это знак, что ее замужество прогневало судьбу.

Он велел дочери положить младенца в садок для омаров и пустить в море, согласно традиции. Мол, богам решать, жить ему или умереть. Скорее всего, умереть, конечно. Очень-очень редко недомерки доживали до зрелых лет.

Будь Фурия сильнее, она бы не подчинилась отцу. Но горе и роды ослабили ее. Она сделала вид, что послушалась. Но втайне попросила меня проследить за садком для омаров, когда ее отец уже не сможет разглядеть его с берега своими зоркими глазами. Мне следовало подобрать младенца и отнести его в эти края, на островок Последний Приют.

«Я отыщу вас, как только наберусь сил и окрепну. Ты обещаешь мне, Тень? — спросила моя хозяйка. — Обещай, что сбережешь мое дитя, пока я не отыщу его!»

Мы не умели говорить на языке людей. Но мы кивнули и низко склонились перед ней. «Клянемся нашей ярко-зеленой кровью и сверкающими когтями, мы сбережем твое дитя», — прошептали мы по-драконьи. Более торжественного обещания дракон дать не может.

Фурия, невзирая на слабость, улыбнулась и погладила нас по головам.

«Я полностью доверяю тебе», — сказала она.

Позже в тот день она стояла на берегу, у края воды, бедная Фурия, опираясь на руку своего сурового отца — она была так слаба, что едва держалась на ногах. Повсюду вокруг выстроились молчаливые и торжественные Душегубы.

Она сняла с шеи талисман, сделанный из простых клешней омара. Надела его младенцу на шею, вот как у тебя висит. Этот талисман отец ребенка подарил ей на свадьбу. Он ведь не мог себе позволить ни янтаря, ни золота.

Младенец с обожанием посмотрел на мать и застенчиво улыбнулся. Он попытался поднести ручку ко рту хрупкими, неровны-

ми движениями, и потребовалось несколько попыток, прежде чем у него получилось. Тогда он принялся задумчиво сосать палец.

Она погладила его по щеке и снова поцеловала, глядя на него во все глаза, как в последний раз.

— Помни, — шепнула она.

Мы слушали очень внимательно, ведь то, что матери говорят детям при расставании... ну, это стоит послушать.

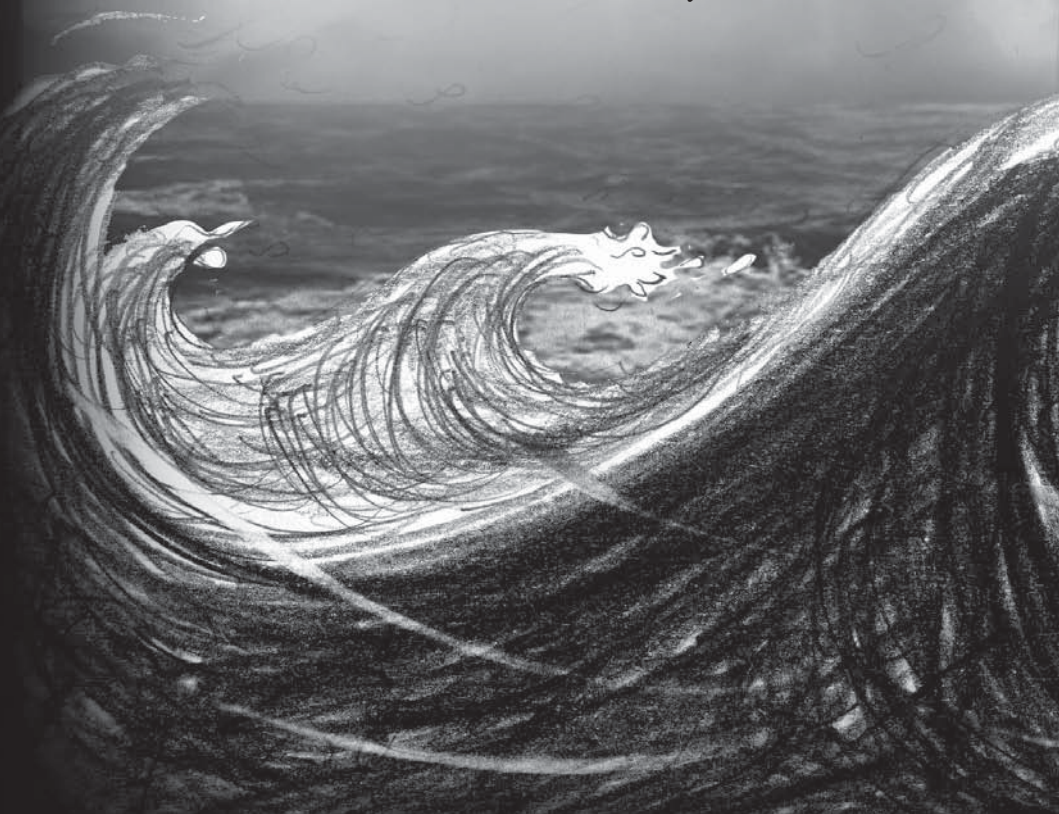
«Держись за этот талисман и помни, как я тебя люблю и что однажды мы встретимся, хотя судьба нас разлучает. Но это ненадолго, только временно. Я приду и разыщу тебя на славном островке Последний Приют, и мы будем вместе навсегда».

Она сомкнула кулачок младенца на талисмане. Дрожащими руками она плотно запеленала малыша и положила в садок для омаров. Старательно подоткнула одеяло, чтобы он не замерз. И столкнула садок в воду.

Душегубы запалили факелы для пущей торжественности, ведь это было нечто вроде похорон, хотя младенец был еще жив. И, как велит традиция, они выпустили горя-

щие стрелы, которые канули в воду по обе стороны маленького детского суденышка, не причинив младенцу вреда. А садок, мягко покачиваясь на волнах, плыл в открытое море. Ребенок вынул палец изо рта и радостно загукал, протягивая ручки к красивым горящим стрелам, дождем падавшим вокруг.

Он не знал, что его как бы хоронят, и выжидательно смотрел вокруг — на красивое синее небо над головой, на яркий и интересный мир, ожидавший его, на плавные дуги чаячьего полета высоко наверху, пока нежное-нежное покачивание подушек волн под



ним не заставило его глазки... медленно... закрыться и не убаюкало его.

Племя Душегубов гордо, печально и торжественно стояло на берегу. Фурия отчаянно рыдала, а маленький садок для омаров уплывал все дальше и дальше в море по мягким волнам. Неверными шагами она двинулась вверх по берегу в деревню Душегубов, опираясь на руку гордого несгибаемого отца. Племя шло следом.

Мы все это время сидели рядом, громадным невидимым изваянием, никем не замеченные.

Теперь настал наш час. Мы взлетели над головами уходящей толпы, невидимые для ее глаз. Хотя некоторые люди подняли головы, когда ветер от наших крыльев взъерошил им волосы на затылках.

Фурия посмотрела вверх. Мы видели ее глаза, и она улыбнулась сквозь слезы. Затем выпрямилась — хотя и с трудом, так она была слаба, — вскинула руку в викингском приветствии, крикнув: «Помни! Мы встретимся снова!»

Грюм тоже удивленно поднял голову, но он-то видел только облака, слышал только ветер и вопли чаек. Мы пролетели над их головами, направляясь к пятнышку, ребенку далеко в море — крохотной точке на горизонте.

Мы и сейчас видим это море.

— Я вижу, — проговорил Терпение, оглядываясь в прошлое. — Я помню все, как вчера.

— И я, — добавил Гордость.

— Оно было гладкое, как зеркало, — продолжал Невинность, — и ребенок тихо спал в своем садке-лодочке, уплывая на восток.

Все ближе и ближе подлетали мы на своих бесшумных призрачных крыльях, держась высоко над заливом. Зрение у драконов такое же острое, как и слух. А у смертеней они острее, чем у прочих. Мы были еще далеко, но уже видели, что ни единой капли воды не попало на одеяльце, в которое он был завернут.

Он спал так мирно, доверчиво стиснув в кулачке омаровую клешню.

День был летний. Но даже летом погода в архипелаге переменчива. И когда мы покинули укрытие залива, откуда ни возьмись коварный ветер архипелага принес южный шторм и густой морской туман. Такой плотный, что мы словно ослепли. За пару взмахов крыла мы потеряли младенца из виду...

Потеряли из виду всё...

Даже НАШЕ драконье зрение бессильно перед туманом. И мы не слышали спящего младенца.

При этом воспоминании Терпение с Гордостью застонали.

— Мы запаниковали — ребенок же! Младенец! Мы закричали в тревоге, надеясь разбудить его, чтобы хоть плач его услышать. Но младенец не просыпался. Мы отчаянно бросались то вправо, то влево, но без толку. Мы не могли отличить запад от востока и север от юга. С час мы метались, настолько потерянные, охваченные паникой и перепуганные, что время от времени ныряли в ледяное море... А когда туман поднялся, когда туман поднялся...

...младенец исчез.

Повисла жуткая тишина.

— Две недели мы искали ребенка, — прошептал Невинность. — Мы обшарили каждый грот, каждую бухточку, все возможные берега, куда ветер мог вынести его. И затем в один ужасный день мы обнаружили бело-синее одеяльце, плывущее по волнам в заливе далеко-далеко на востоке. Мы приняли это за знак, что дитя бедной Фурии кануло на дно, как и его отец до него.

— Что сталось с матерью? — спросил Иккинг.

Три головы вздохнули с бесконечной печалью.

— Мы прокрались обратно навестить ее. Мы не хотели туда идти. Стоило ей взглянуть на нас, она бы догадалась об ужасной новости. Однако оказалось, что недуг одолел ее. Она умерла. Но по крайней мере, умерла,

уверенная, что ее сын в безопасности с нами на Последнем Приюте, и это было ее последним утешением.

— Фурия умерла?

— Горе наше было безмерно, — сказал Гордость. — Словно солнце погасло.

— И что случилось с вами потом? — спросил Иккинг.

— Мы не могли вернуться на Последний Приют, — ответил Терпение. — Мы же были так виноваты. Она полностью доверяла нам, а мы нарушили обещание. Мы улетели в Душегубские горы, где прошло наше детство, и попытались забыть ее. Мы старались забыть все и снова вести жизнь дикого дракона. Четырнадцать лет — долгий срок... Мы начали забывать и тут услышали зов АлаЯрости и присоединились к Драконьему восстанию. ЭТО помогло забыть все начисто. Только увидев талисман из омаровых клешней снова, у тебя на шее, мы вспомнили...

Не совсем
конец
истории

22. ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ

Дракон закончил повествование. Над красными песками стояла тишина.

— **Что ж, я расскажу тебе, что сталось с младенцем, когда ты потерял его из виду,** — проговорил Иккинг. — **Его вынесло на наш Длинный пляж, и племя выстроило ему хатку для жилья. Дракон из породы ушастых няней присматривал за ним, а когда ребенок подрос, он стал моим лучшим другом Рыбьеногом.**

— **Видите?** — сказал Невинность. — **Я всегда говорил, что он мог уцелеть, а вы двое мне не верили.**

Три головы вздохнули.

— **Должен сказать,** — признал Гордость, — **я и не мечтал, что у этой истории может быть счастливый конец.**

— **Надежда есть всегда,** — возразил Невинность.

Три головы Смертеня лежали на песке, глядя далеко в прошлое.

И тут Иккингу показалось, что песок у него под ногами стал чуть мокрее, чем был только что. Он взглянул на горизонт. Прилив наступал…

Терпение наклонил голову и подтолкнул Иккинга под подбородок, чтобы тот посмотрел на него. Он положил лапу Иккингу на щеку и взглянул прямо мальчику в глаза. Они были так близко, что можно было различить смутный контур радужки, черные прорези зрачков. Добрые глаза.

— **Сдается мне, теперь вам следует нас покинуть,** — буднично произнес Терпение. — **Чудище близко, и прилив уже надвигается, так что это ваш последний шанс вернуться обратно на буере. Чудище не станет есть дракона. Мы для него слишком жесткие.**

«Какие же драконы странные, — подумал Иккинг. — Этому Смертеню достаточно одного удара сердца, чтобы перейти от жажды крови к самоотречению».

— **Оставь нас,** — сказал Терпение.

— **Оставь нассс,** — повторили Невинность и Высокомерие.

— **Мы не утонем,** — заверил его Терпение. — **У нас жабры.**

Иккинг опустил голову, освобождаясь от гипноза, и продолжил возиться с капканом.

— **Ты врешь. Ты же не моредраконус,** — коротко отозвался он. Поверьте, Иккинг разбирался в драконах. — **Ты воздушный дракон. Ты сможешь продержаться под водой, но недолго.**

Но спустя минуту он окликнул Камикадзу, которая ходила вокруг них дозором с самым свирепым бой-бабьим лицом и двумя мечами наголо.

— Камикадза, — произнес он как можно небрежнее, — может, тебе стоит взять буер и сгонять за помощью?

— За идиотку меня держишь? — огрызнулась девчонка, оскорбленная в лучших чувствах. — Мне не пять лет! Я никуда без тебя не уйду.

Иккинг продолжал трудиться, хотя он уже дрожал на холодном ветру, пальцы немели, заляпанный красным огнеупорный костюм выглядел жалко.

Иккинг работал и работал.

Прошло десять минут. Песок определенно стал еще мокрее, море на горизонте поблескивало все ближе.

Пятнадцать минут прошло.

Но он уже был так близко, он чувствовал это, так близко…

И о радость!

Детали замков разошлись в его руках, и капкан распахнулся.

Какое чудо, когда это происходит.

— Еле успел, — выдохнул Иккинг.

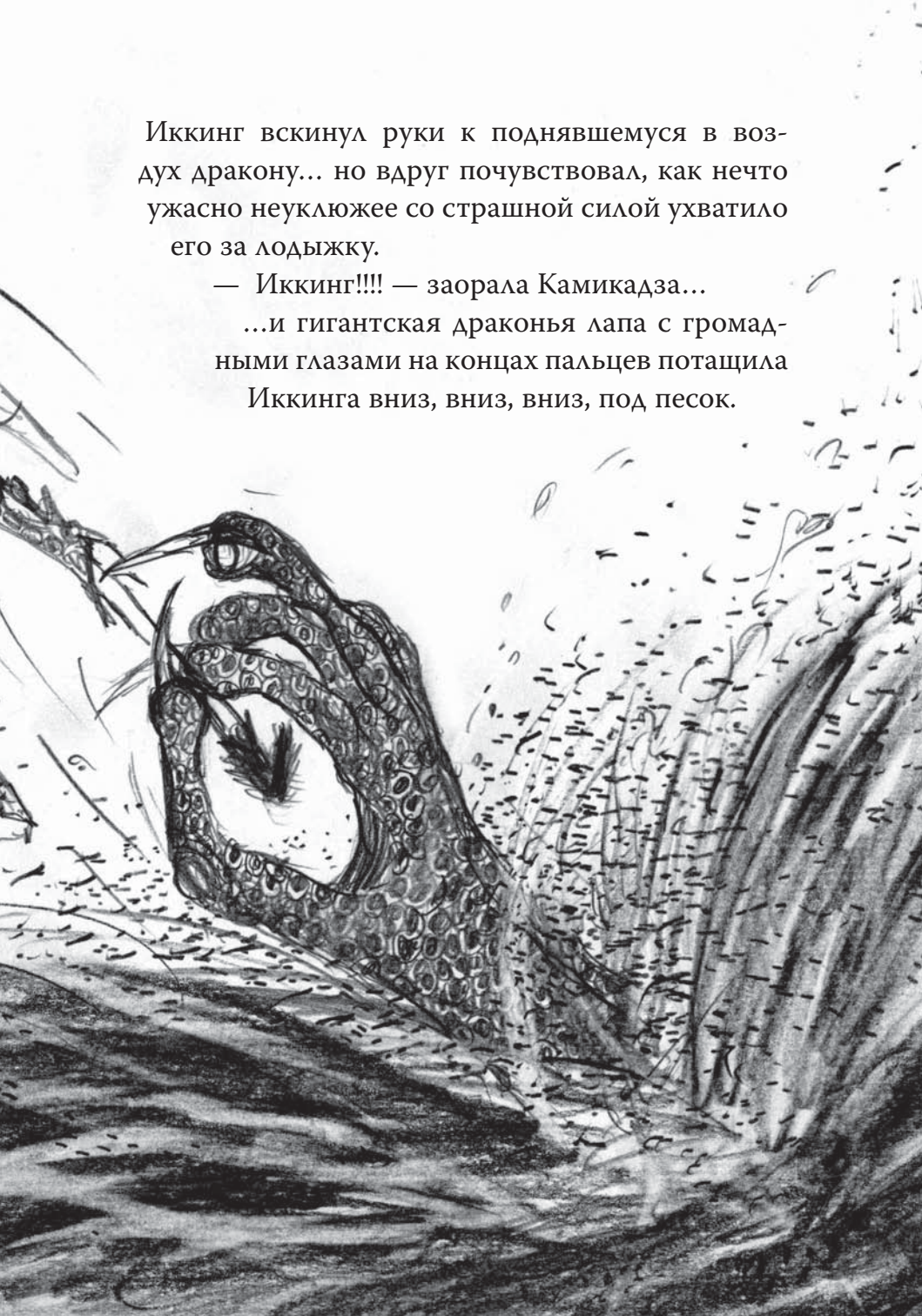
Смертень испустил тройной победный рев, взмахнул могучими крыльями и завис в воздухе.

Он протянул лапу подобрать Иккинга с песка.

Иккинг вскинул руки к поднявшемуся в воздух дракону… но вдруг почувствовал, как нечто ужасно неуклюжее со страшной силой ухватило его за лодыжку.

— Иккинг!!!! — заорала Камикадза…

…и гигантская драконья лапа с громадными глазами на концах пальцев потащила Иккинга вниз, вниз, вниз, под песок.



23. НЕКОТОРЫЕ ДРАКОНЫ — И ПРАВДА ЧУДОВИЩА

Конечно, когда кто-то хватает вас за ногу и тащит в песок, первое дело — завизжать. Ты бы, читатель, наверняка не удержался. И я тебя понимаю.

Но Иккинг за свою недолгую жизнь успел пройти через множество жутких переделок. И он не заорал, поскольку знал, что на это нет времени. Вместо этого он поглубже вдохнул и зажал нос пальцами, а неведомая тварь потащила его вниз сквозь песок.

Вниз, вниз, вниз!

И когда Иккинг уже думал, что сейчас потеряет сознание, тварь пробила какую-то стену, и мальчик, едва не переломав кости, грянулся обо что-то твердое. Пальцы, державшие его, разжались, и он непроизвольно набрал полную грудь…

…не песка, но воздуха — тухлого, затхлого, сырого воздуха, от которого перехватывало горло. Пока он кашлял и отплевывался, из ушей и из волос у него сыпался песок.

Приоткрыв саднящие от песчинок глаза, он смутно разглядел сквозь слезы, что из дыры еще сыплется песок. Но лапоглазое Чудище поливало дыру непрерывным потоком сначала горячего,

а потом холодного пламени. От этого песок превращался в стекловидную массу, запечатывая отверстие.

Они оказались в своеобразной пещере, и Чудище водило головой туда-сюда, укрепляя стеклянные стены.

Пламя погасло.

У Иккинга в голове зазвучал дрожащий голосок Одинклыка: **«Ну же, Иккинг, ты ведь знаешь, драконы не чудовища...»** Но дело в том, что как люди бывают злые, так и некоторые драконы правда чудовища.

Нельзя судить о книжке по обложке, однако Иккинг не сомневался ни секунды: с Чудищем не договоришься, уж больно оно жуткое и примитивное (как бы твердо Одинклык ни верил в то, что драконы могут за многие поколения развить в себе совесть и прочие столь же сложные душевные качества).

Это Чудище вряд ли разовьет в себе совесть в течение ближайших тридцати секунд, и участливого слушателя из него тоже не получится.

Понимаете, существует множество видов драконов.

Некоторые, мордраконусы вроде Одинклыка, походят на людей до такой степени, что могут свободно пользоваться их языком. Они способны размышлять, думать.

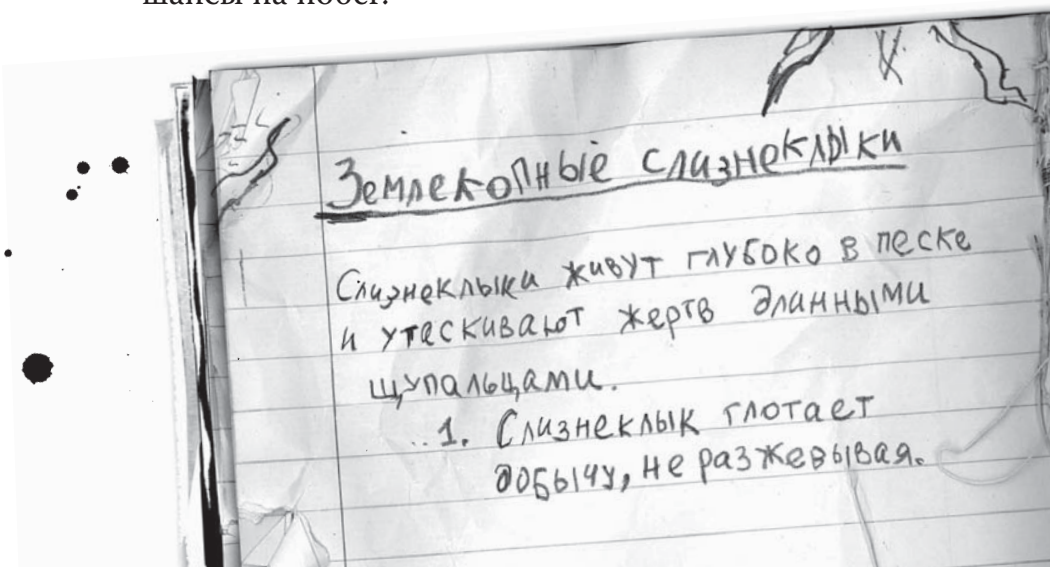
Другие, из тех, с кем сталкивался Иккинг, вроде темнодыхов и зверских удушителей, не способны к сложным мыслительным процессам. Эти драконы проводят бóльшую часть жизни под землей или в глубинах океана. Длительное одиночество в темноте не способствует восприятию тонких жизненных материй.

За год жизни в изгнании Иккинг неплохо научился мгновенно оценивать смертельно опасную обстановку вроде нынешней.

Договориться с этим драконом нельзя. Поэтому придется драться. Он думал быстро — очень быстро, — одновременно изучая противника.

Пять метров хорошо вооруженного мускулистого дракона. Десять глаз. Громадные когти. Интересная змеистость формы наводила на мысль о родстве с другим обитателем песков — слизнеклыком.

Быстро бросив взгляд в сторону, Иккинг оценил шансы на побег.



Пещера была голая, и выход из нее имелся только один. И Чудище, с его мускулистыми лапами, явно доберется до него первым.

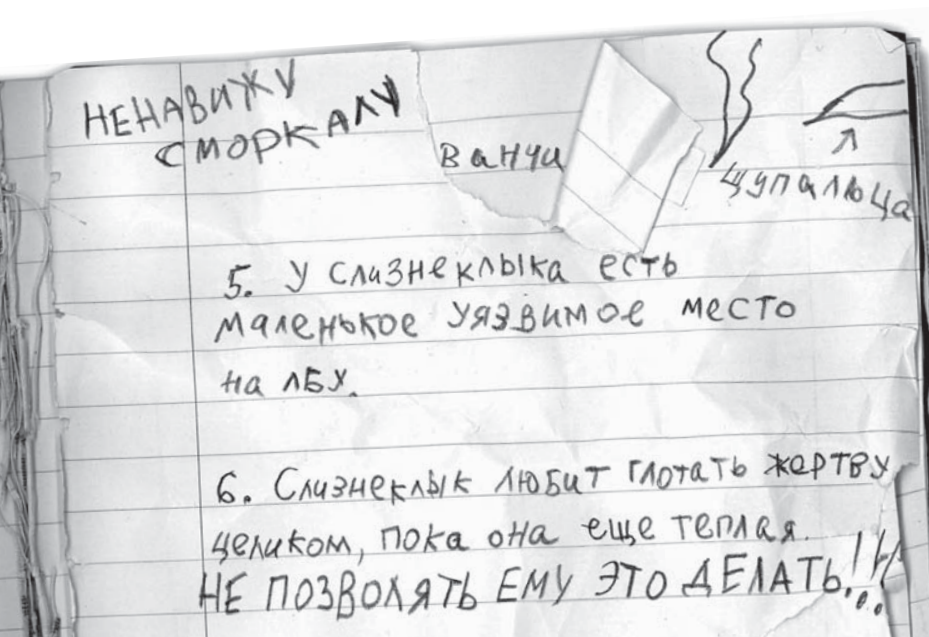
То еще положеньице.

Оставалось только надеяться, что эта тварь — действительно примитивный родич слизнеклыка, и использовать все знания о слизнеклыке, чтобы ее победить.

Иккинг отчаянно стал вспоминать все, что знал о слизнеклыках. Что о них известно? Что он писал про них в своих записных книжках?

У Чудища имелось мягкое место прямо посреди лба. Добраться до этого уязвимого пятнышка, учитывая, что Чудище тяжело вооружено когтями и зубами, можно было только одним способом.

Если удастся заставить тварь поверить, что жертва умерла, Чудище захочет тут же проглотить



добычу. И вот пока оно будет глотать, появится шанс ударить по единственному слабому месту.

Придется потерпеть. Придется позволить гадине заглотить себя хотя бы до колен. Так ей труднее будет отбиваться, когда Иккинг протянет руку и вонзит меч в слабое место.

Хвала Тору, меч был при нем. Или, скорее, хвала Камикадзе. Как все-таки хорошо, что она спряталась в его буере и прихватила лишний меч, а то Иккинг не сумел бы выполнить этот совершенно отчаянный и смехотворный план.

Но план все равно был очень рискованный, потому что зависел от одного обстоятельства. Хорошо, если тварь начнет глотать Иккинга с правильного конца, то есть с ног. А если она начнет с головы, ему вряд ли удастся что-то предпринять.

Шансы были пятьдесят на пятьдесят. Подобное соотношение, как правило, не считается хорошим, если на карту поставлена жизнь, но порой ничего не остается, кроме как положиться на переменчивую Судьбу, бросить монетку.

Иккингу не составило труда притвориться мертвым. Честно говоря, он и так был считай что мертвый.

Он заставил себя обмякнуть, хотя каждый нерв в теле требовал бежать. Заставил все мышцы расслабиться, безвольно запрокинул голову… Глаза он

закрыл, оставив лишь крохотную, незаметнейшую щелочку, чтобы подглядывать.

Ох, как трудно лежать неподвижно, чувствуя, как что-то мерзкое обшаривает тебя. Иккингу страшно хотелось вскочить, стряхнуть облепивший все тело песок и эту отвратную драконью лапу, которую он видел сквозь щелочки между век. Лишь ценой огромных усилий воли ему удалось не шевельнуться.

При виде двух чудовищных лап — пять пальцев, на конце каждого над когтем по злобному драконьему глазу — он чуть не разрыдался от ужаса. Морда у дракона была слепая, с двумя призрачными впадинами там, где полагалось находиться глазам. Но десять драконьих глаз моргали на концах драконьих пальцев.

МЫРГ-МЫРГ.

Глаза были пустые, как у акулы.

Тварь ощупывала Иккинга. Длинный хвост обвился вокруг туловища и принялся выдавливать из него жизнь.

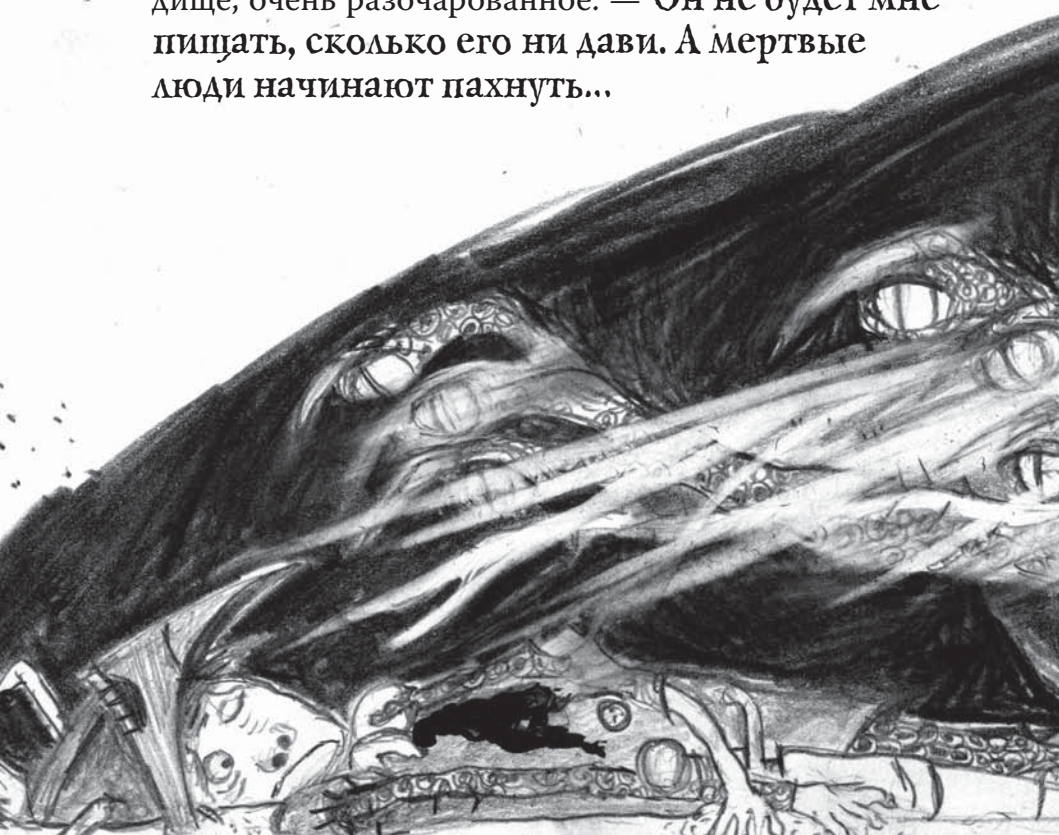
«Может, я все-таки умер…» — в полузабытьи подумал Иккинг. Дух его словно на миг покинул тело, чтобы посмотреть сверху, как жуткое Чудище душит его в зеркальном лабиринте. Оно давило, давило…

Все двадцать глаз уставились на грудную клетку жертвы.

Важно помнить, что, когда Иккинг валялся на песке там, наверху, он испачкал костюм противоастматическим зельем Старого Сморчка из разбитой бутылки. А зелье это было глубокого красного оттенка, в точности как человеческая кровь.

Поэтому, покрытый с ног до головы, а особенно спереди, кроваво-красными брызгами и пятнами, он и впрямь мог сойти за обмякший труп. Чудище мягко отряхнуло его от песка — даже чудища знают, что люди не могут потерять столько крови и остаться в живых.

— **Он мертв...** — задумчиво сказало себе Чудище, очень разочарованное. — **Он не будет мне пищать, сколько его ни дави. А мертвые люди начинают пахнуть...**

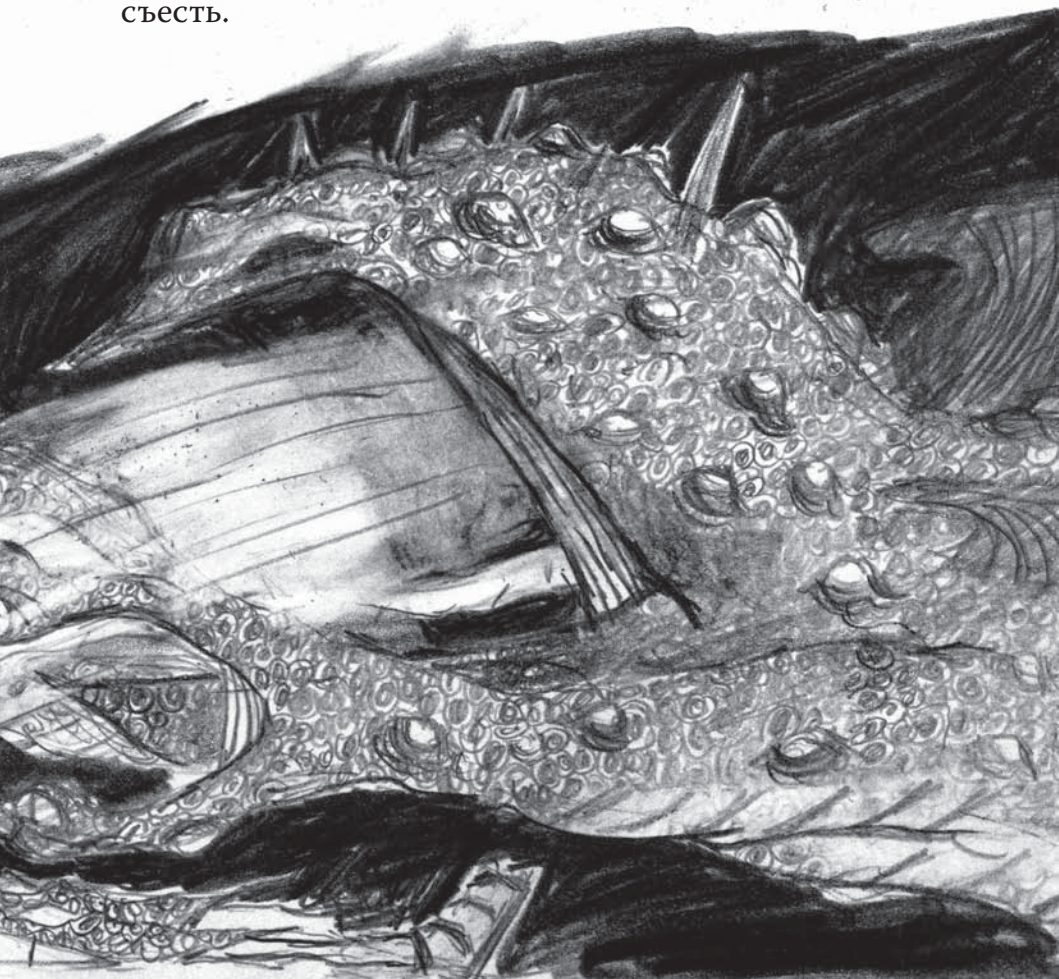


Как многие подземные жители, слизнеклыки предпочитают содержать нору в чистоте, а дохлятина и вправду попахивает. Под землей, где не очень-то легко проветрить, это особенно неприятно.

— **Придется СЪЕСТЬ его прямо здесь и сейчас,** — решило Чудище.

Итак, первая часть плана удалась, уже хорошо.

Хотя, казалось бы, странно называть это удачей: Чудище приняло Иккинга за покойника и решило съесть.



Чудище любило питаться обстоятельно и со вкусом, поэтому для начала оно окатило Иккинга с головы до ног морской водой, чтобы смыть песок («А то хрустит!»), перевернув его несколько раз. А затем принялось обмазывать его какой-то жирной пакостью, чтобы легче в глотку пролез.

«Ага, — подумал Иккинг с бесконечным облегчением. — Я был прав, оно вроде слизнеклыка. Хочет проглотить меня целиком». Гора с плеч — не придется иметь дело с зубами.

И тут Чудище подняло Иккинга за ногу и обдало землю под ним огнем и морской водой. Так оно обеспечивало себе славную чистую стеклянную поверхность для еды — слизнеклыки очень привередливы в таких вещах. Затем Чудище старательно уложило добычу, вытянув мальчику руки вдоль боков.

Возникла пауза, во время которой Иккингу нестерпимо хотелось открыть глаза, и ужасный, ужасный миг, когда он чувствовал, как Чудище обнюхивает ему уши…

«Оно собирается начать не с того конца!» — подумал Иккинг, отчаянно пытаясь придумать новый план. Как убить дракона, глотающего твою голову?

Он уже совсем собрался сделать какую-нибудь глупость, вскочить на ноги, как вдруг почувствовал, что ему вроде бы обнюхивают большой палец на правой ноге.

Чудище передумало — если ему было чем думать.

Но почему оно передумало?

Я вам скажу.

Потому что Иккинг был в шлеме. Оно не хотело начинать с того конца, на котором имелась острая твердая колючая штука.

«То-то Одинклык и Беззубик порадовались бы, — подумал Иккинг. — Они всегда твердили мне не забывать про шлем…»

Раздалось пощелкивание.

Иккинг не устоял и чуточку приоткрыл левый глаз.

Он повидал в жизни много странных и жутких зрелищ, но это было одно из самых странных и ужасающих.

Глядя вдоль собственного тела, смазанного неведомым светящимся веществом, словно обернутого в жидкий саван, он видел голову Чудища, нацелившегося заглотить его. Оно широко-широко распахнуло пасть, чтобы Иккинг поместился целиком.

И начало заглатывать.

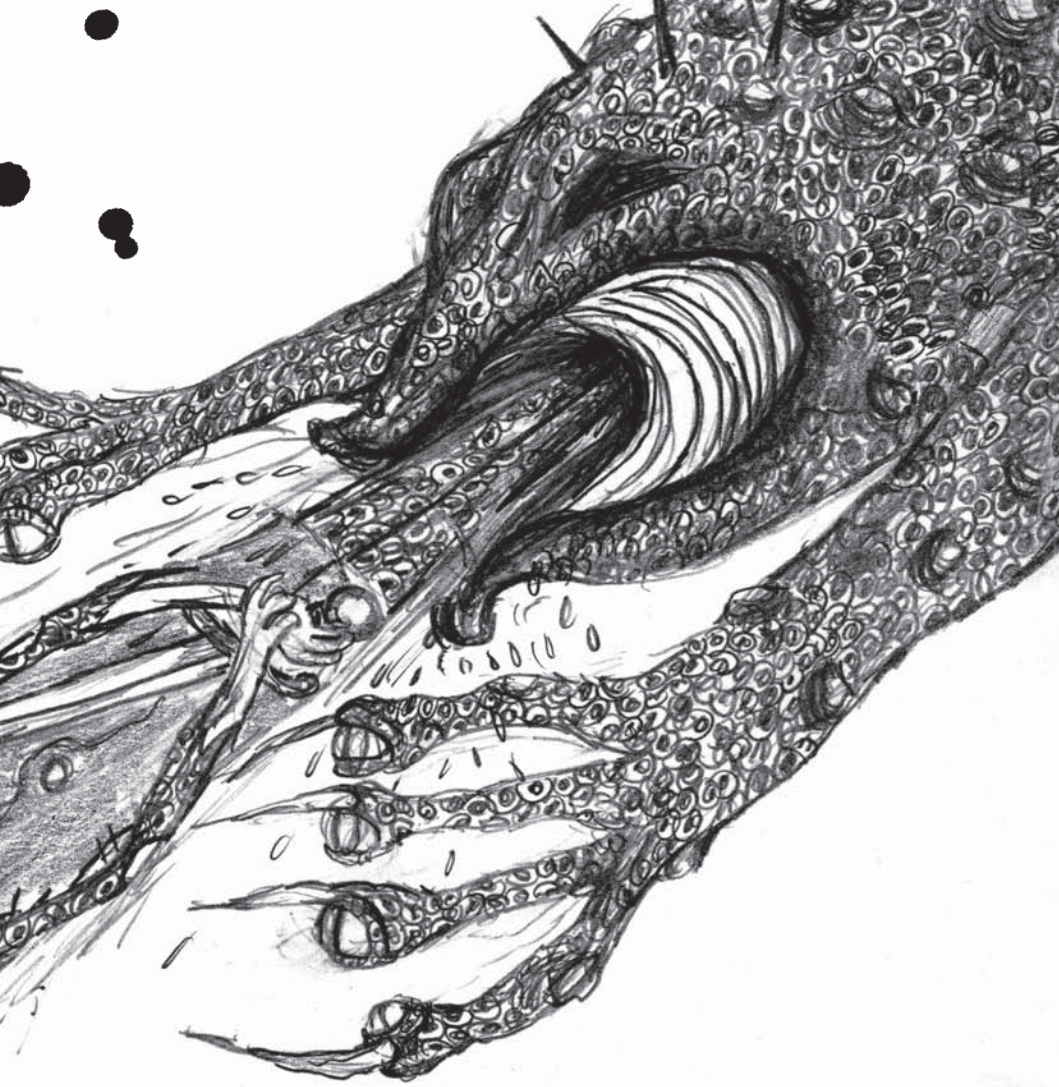
Трудно описать ощущение, когда тебя проглатывает дракон. Это ни на что не похоже. Помимо всего прочего, дракон при этом издает отвратительные звуки, нечто вроде булькающей отрыжки. Чувствуешь, как глотательные мышцы давят на ко-

жу, как глотка смыкается вокруг ступней, потом на икрах... Это одновременно омерзительно мокро и немного больно.

Иккингу стоило очень большого труда не передернуться и не замахать руками.

Пасть продвигалась ВВЕРХ, и ноги у Иккинга начало жечь как огнем — их коснулись пищеварительные соки дракона. Очень-очень медленно пасть твари добралась до икр, мучительно всасывая его конечности буквально по сантиметру.

Терпеть это было невозможно, но Иккинг понимал, что необходимо продержаться еще немного. Надо, чтобы дракон добрался хотя бы до коленей.



Он украдкой глянул вниз. Тварь растопырила лапы и уперлась ими в пол. Значит, глаза не увидят, если он резко сядет. Но надо точне-е-е-ехонько выждать нужный момент…

Пока пасть добралась до колен, он чуть не помер.

У Иккинга было жуткое ощущение, что пальцы на ногах у него растворяются. Правую ступню он больше не чувствовал. Но ошибиться с ударом никак нельзя…

Когда отвратная пасть чудовища перебралась через колени, Иккинг ме-е-едленно, осторо-о-ожно выпростал левую руку и сомкнул пальцы на рукояти меча, одолженного ему Камикадзой.

Чудище напряглось, видимо почувствовав легкое движение жертвы…

Оно подняло лапы. Все десять глаз уставились на Иккинга. Показалось ему, или они что-то увидели? Неужели глаза испуганно распахнулись? Или нет?.. И тут когти изготовились к удару, глаза над ними выпучились от ярости, позеленели, потом почернели, наливаясь кровью…

У Иккинга была одна секунда, один шанс.

Он быстрым кошачьим движением сел и, вытянув руку с мечом, вонзил клинок точно в середину лба Чудища.

На один ужасный миг Иккинг испугался, что промахнулся. Тварь вскинула лапы. Иккинг отчаянно дергал меч, пытаясь вытащить его, чтобы ударить еще раз…

Когда слабое место лопнуло, раздалось негромкое «ЧПОК!!!» и…

БУАААААААХХХХХХ!!!!!!!

Иккинг вылетел из пасти, как пробка. Умирая, Чудище выпустило гигантский фонтан песка и морской воды. Юный викинг пронесся на этой волне по скользкому стеклянному полу и приземлился вверх тормашками в дальнем конце пещеры, где его еще раз окатило морской водой.

Иккинг сразу понял, что тварь мертва, хотя она еще вся извивалась и подергивалась. И он не стал проверять, так отчаянно ему хотелось смыть с себя пищеварительные соки Чудища. Он катался и катался в морской воде, маниакально оттирая все, особенно ступни, которые по-прежнему горели огнем…

Вскоре жжение утихло и сделалось почти терпимым. Тварь уже лежала совершенно неподвижно. Бедные пятки Иккинга выглядели ужасно даже в слабом свете светляков. Мизинец левой ноги уже никогда не будет прежним. Он съежился, превратившись в чахлого розового червячка. Иккинг не чувствовал его и не мог им пошевелить.

Зато, по крайней мере, голова его в чахлого розового червячка не превратилась. Вот это была бы настоящая беда. А без мизинца жить можно.

Однако, оглядывая подземную камеру, Иккинг сообразил, что до спасения еще далеко.

Он находился в стеклянной пещере, под толщей песка, а на поверхности, скорее всего, уже начался прилив, так что он вдобавок и под толщей воды. И как отсюда выбираться?

И тут, озираясь в этой необычной стеклянной пещере, осматривая разбегающиеся из нее туннели, он почувствовал зуд в затылке, словно какая-то мысль встала на место.

Он сунул руку за пазуху огнеупорного костюма и вынул истрепанные остатки карты. Вид у карты был так себе, поскольку, как и Иккингу, ей пришлось побывать во множестве переделок. Карта была обгорелая, порванная отравленными когтями, залитая морской водой и драконьими пищеварительными соками.

ЗЕРКАЛЬНЫЙ ЛАБИРИНТ.

Ох, ради Тора.

Красная селедка вверху Чернобородовой карты теперь не только подмигивала, но и хохотала.

Камень здесь.

И как Иккинг раньше не догадался!

24. КРАСНАЯ СЕЛЕДКА ПОДМИГИВАЕТ

Знаете, как это бывает…

Ищешь, ищешь, обшариваешь весь архипелаг сверху донизу, вдоль и поперек, а находишь Сокровище случайно, когда занят совсем другим.

Изо всех сил вглядываясь в карту, Иккинг понял, что черточки и штрихи означают дорогу через лабиринт. Хромая и оскальзываясь на мокром стекле, он миновал устье пещеры и углубился в путаницу туннелей, следуя карте, пока она не вывела его через логово Чудища в большой стеклянный зал. И тут Иккинг вскрикнул от удивления.

Это был он, Зеркальный Лабиринт, тайная сокровищница твари! Как могло такое примитивное существо создать нечто столь прекрасное? Может, Одинклык и прав. Наверное, даже Чудища не чужды поэзии, ибо стекло в этом зале было вылито

причудливо и так отполировано, что поверхность его сверкала, как зеркало. Потолок был заткан стеклянной паутиной, а посреди зала высились колонны зеркального стекла, прекрасные, как в римском храме.

Подойдя ближе, можно было различить заключенные в стекло драгоценности Чудища. Должно быть, когда-то они принадлежали его жертвам, несчастным викингам-собирателям. За долгие века сокровищ набралось немало.

Видимо, Чудище пожирало и римлян, поскольку в некоторых колоннах, словно мухи в янтаре, застыли роскошные серебряные римские чаши. К слову о янтаре, его в стеклянных колоннах было видимо-невидимо — медового, золотого, огненного. В некоторых каплях золотой смолы застряли мелкие существа.

Но Иккинг бежал по лабиринту, не останавливаясь, ведомый штрихами на Чернобородовой карте и собственным чутьем. От зала голова шла кру́гом, как от взгляда трехглавого Смертеня. Одни колонны были прозрачные, другие зеркальные, и поди тут разбери, что настоящее, а что — отражение.

Он ехал и скользил по зеркальному лабиринту, ища, высматривая, ибо теперь знал, что ищет. И сердце у него ожило надеждой…

Он нашел его.

Чудо из чудес.

Вода, обращенная в камень.

Стеклянная колонна, сияющая, чистая, как капля родниковой воды, стояла поодаль от других. И в самой ее середине, словно подвешенное в пустоте чуть выше уровня глаз, застыло темно-красное сердце, темно-красное Сокровище… Драконий Камень.

Самая страшная угроза для драконов и единственная надежда для людей.

Камень висел на цепочке, помещенный в стекло таким образом, будто покоился на груди у призрачной фигуры. И пока Иккинг топтался вокруг колонны, прижавшись носом к стеклу, его воображение дорисовало бородатого гиганта, Чернобородa Оголтелого.

Обойдя колонну с другой стороны, он различил на золотом замке цепочки нацарапанные инициалы: Ч. О.

Иккинг нащупал на поясе меч. Взял его, хорошенько прицелился где-то на полметра ниже Камня и размахнулся изо всех сил, как будто рубил деревья в Хулиганском лесу.

Первым ударом он отколол от колонны большой кусок стекла.

Вторым — еще больше.

А на третьем взмахе Иккинг пригнулся, потому что вся колонна с мощным музыкальным гулом рассыпалась по полу. Мелкие осколки, звеня, посы-

пались на него дождем, а по гигантской подземной зеркальной пещере пошло гулять эхо, словно перезвон колоколов.

Прежде чем протянуть руку и взять Камень, Иккинг заколебался.

Что, если он возьмет Камень, а тот потом попадет в дурные руки?

Но если он не возьмет Камень — ничто не сможет остановить Ярогнева!

Иккинг схватился за голову.

«Ну почему именно мне приходится находить Утраченные Сокровища! — в отчаянии подумал он. — Почему именно я должен каждый раз делать выбор?»

Большинству из нас повезло — мы не короли и не герои и нам не приходится делать выбор, который выпадает на их долю.

Иккинг принял решение: надо взять Камень.

Оторвав кусок от рубахи, он обмотал руку и выудил Сокровище из кучи осколков. Иккинг поднял Камень повыше, и из золотистых янтарных глубин засиял ослепительный свет. Мальчик старательно обтер пальцем кулон от стеклянной пыли, надел цепочку на шею и убрал Камень за пазуху, с глаз долой.

И зачем-то сказал:

— Спасибо тебе, Чернобород Оголтелый.

Хотя вокруг, разумеется, никого не было.

То есть он так думал.

Из янтарных глубин
сиял ослепительный
свет
Драконий
камень

А спустя мгновение у Иккинга волосы на затылке зашевелились.

— Ик-кинг… — донесся слабый, призрачный, затухающий голос. — Ик-кинг…

Ох, Торовы громы!

Что это было?

Это же не голос Ярогнева? Иккинг вспомнил, как Ярогнев гнал его по лабиринту пещер под фехтовальной школой «Гром и молния».

Нет, не оно…

Но голос был такой странный, такой гулкий, что Иккинг на одно безумное мгновение вообразил, будто это призрак Чернобородa Оголтелого явился покарать недостойного потомка за то, что тот взял его Сокровище.

— Ик-кинг… Ик-кинг… Ответь мне… Ик-кинг…

И тогда Иккинг пустился бегом обратно по пещере, проверяя колонну за колонной.

— Ик-кинг… Ик-кинг…

Голос был слабый, отчаянный.

И вот в одной из туманных колонн Иккинг различил контуры человеческой фигуры.

Мальчишки вроде него самого.

Или это Зеркальный Лабиринт шутит с ним шутки?

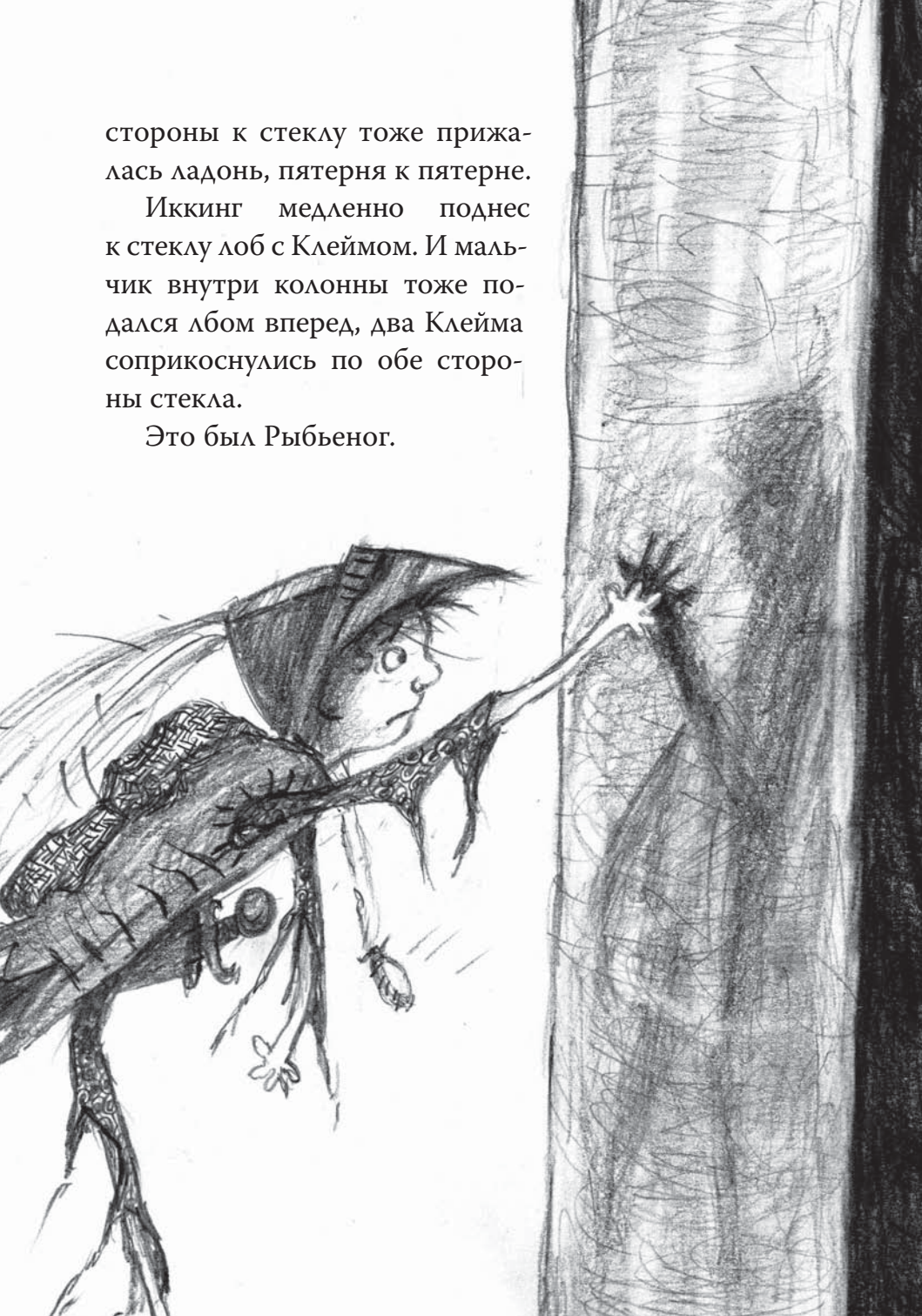
Иккинг прижал к стеклу ладонь.

И словно мальчик был его собственным отражением, с другой

стороны к стеклу тоже прижалась ладонь, пятерня к пятерне.

Иккинг медленно поднес к стеклу лоб с Клеймом. И мальчик внутри колонны тоже подался лбом вперед, два Клейма соприкоснулись по обе стороны стекла.

Это был Рыбьеног.



25. ВРОДЕ ЖИВ

Сквозь дымчатое стекло колонны на Иккинга глядело измученное лицо друга.

— Рыбьеног! — вскричал Иккинг. — Я думал, ты умер!

— Нет, — отозвался Рыбьеног. — Я не умер. Хотя… Нет, вроде жив. — Голос у него был очень-очень слабый. — Хотя, должен признать, чувствую я себя не очень-то живым. Так или иначе, в архипелаге я иногда ощущал себя и получше, иногда даже целыми неделями.

Иккинг рассмеялся с дрожью в голосе:

— Нет, ты не умер, Рыбьеног. Ты в логове Чудища Янтарных Рабовладений. Чудище предпочитает свежее мясо, вот оно и решило сохранить тебя живьем.

— А-а, — протянул Рыбьеног. — То-то мне казалось, будто здесь что-то не так…

— Прижмись к другой стороне колонны, — велел Иккинг и принялся осторожно прорубаться мечом сквозь ближнюю стеклянную стенку.

Ему совсем не хотелось, чтобы Рыбьеног поранился, когда она разобьется.

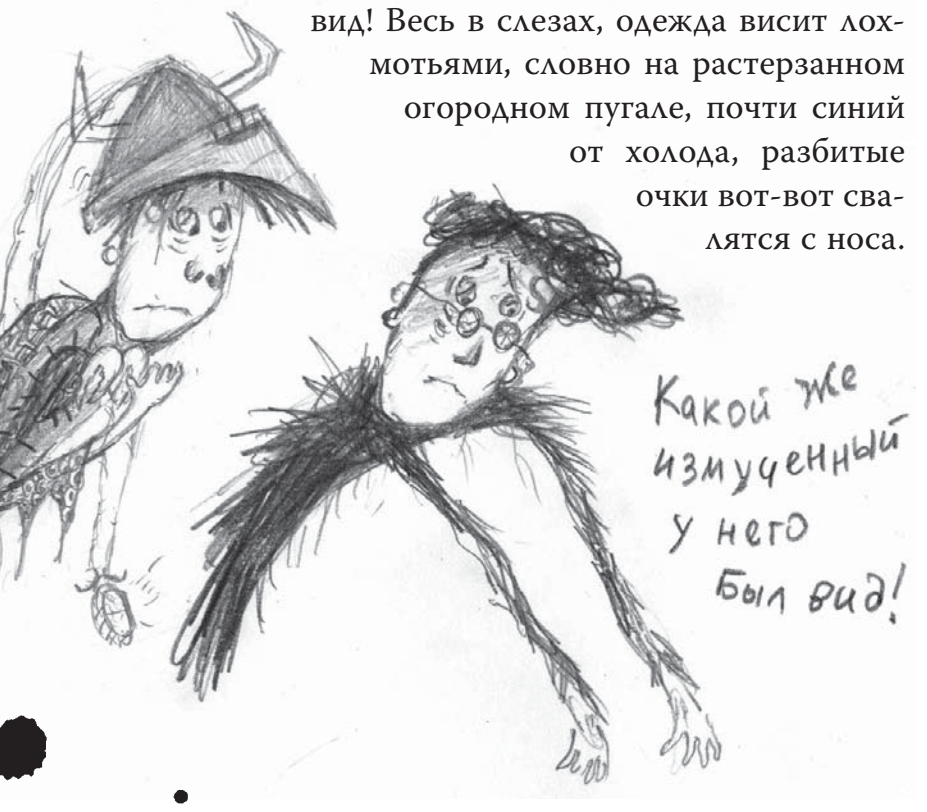
Торовы именины, ну и холодно же там было!

Иккинг дрожал, даже работая мечом. Сквозь сандалии просачивалась влага, а холод подземных стеклянных туннелей проникал в самое сердце.

— Прикрой голову руками, Рыбьеног, — прошептал Иккинг.

Он сам не знал, почему шепчет, Чудище-то сдохло, но тут, в холодной темноте, было ЖУТКО.

Звяк! Звяк! Еще два взмаха клинком, и стеклянная тюрьма Рыбьенога распалась. Перед Иккингом, слегка пригнувшись и закрывая голову руками, стоял его друг. Вот он медленно опустил руки. Словно Иккинг оживил ледяную статую. Какой же потрепанный и замученный у него был вид! Весь в слезах, одежда висит лохмотьями, словно на растерзанном огородном пугале, почти синий от холода, разбитые очки вот-вот свалятся с носа.



Иккинг казался точным его отражением.

Они оба больше не были викингами. Они утратили племя, утратили драконов — утратили всё. Голодные, тощие, как палки, с рабским Клеймом на лбу, щуплые и малорослые, два мальчика стояли покачиваясь и глядели друг на друга.

Рыбьеног был холодный как лед, и Иккинг принялся растирать его посиневшие ладони, чтобы хоть немного восстановить кровообращение.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Рыбьеног, стуча зубами.

— Тебя ищу…

— Но кому какое дело до меня? — возразил Рыбьеног слабо и тоскливо. — У тебя есть своя великая Геройская Задача… Свое предназначение. Как же Драконий Камень?

— Мне до тебя очень даже большое дело! — твердо сказал Иккинг, изо всех сил стараясь вернуть друга к жизни, растирая ему плечи, грудь, все, что угодно, лишь бы согреть. — Кстати, твой талисман из омаровых клешней спас мне жизнь.

— Правда? — От изумления Рыбьеног открыл глаза. — МОЙ талисман спас ТЕБЕ жизнь?

И Иккинг рассказал Рыбьеногу историю его матери, Фурии, и крадкого дракона, и садка для омаров, пропавшего в тумане четырнадцать лет назад.

Кто сказал, что истории не способны вернуть к жизни?

Этот рассказ взял и оживил Рыбьенога: из серого он сделался бледно-розовым, а сердце забилось ровно, пусть и по-прежнему слабо.

— Так все-таки мама меня любила! — удивленно воскликнул Рыбьеног. — Она желала мне только добра. Она хотела встретиться со мной снова на Последнем Приюте!

— И она обязательно нашла бы тебя, — сказал Иккинг, — если б выжила. А ее Смертень, который поклялся заботиться о тебе, теперь твой.

Рыбьеногу всю жизнь доставалось только самое худшее.

Его охотничий дракон оказался вегетарианцем — настоящий позор для викинга, — а верховой дракон был размером с шетландского пони. Среди учеников он был последним абсолютно по всем предметам, вдобавок страдал экземой, астмой, рахитом и близорукостью. Так что новость о том, что где-то существует трехглавый, опасный-преопасный, до невозможности крутой дракон-смертень, который поклялся о нем заботиться и положить за него жизнь, осчастливила Рыбьенога до головокружения.

А чтобы еще больше подбодрить друга, Иккинг извлек из-за пазухи… Драконий Камень.

Он сиял во тьме стеклянной пещеры, словно теплая золотая звезда.

— О-о… — выдохнул Рыбьеног. Он протянул руку и коснулся янтаря. — Драконий Камень, — прошептал он и взглянул на Иккинга… и улыбнулся, вдохновенно, впервые за долгое время. — Иккинг, это означает, что ты правда Король.

Иккинг смущенно улыбнулся в ответ:

— Ну, во всяком случае, это означает, что я здорово умею находить Утраченные Королевские Сокровища. Но не забывай, ты оказался здесь первым.

Рыбьеног несколько мгновений гладил Драконий Камень. Потом медленно поднялся на ноги.

— Верно. — Он решительно поправил разбитые очки. — А теперь надо выбираться отсюда. Просто не терпится показаться всем верхом на трехглавом Смертене. Уж прости, слишком велико искушение.

Иккинг улыбнулся и вынул побитую, рваную, обгорелую и промокшую, разваливающуюся карту, чтобы поискать выход.

Два мальчика побрели по туннелям в поисках места, услужливо помечен-

ного Чернобородом как выход. А туннели, похоже, вели все выше и выше. Появился странный свет, и это было не свечение электролипов, или электрочервей, или светляков, освещавшее пещеру внизу. И вдруг свет обступил их со всех сторон. А за стеклом внезапно показались растения, колышущиеся, словно…

Водоросли.

Стеклянный туннель вынырнул из песка, и они оказались на дне океана. Мимо проплывали огромные косяки рыб, то появляясь, то исчезая в зарослях. Полупрозрачная медуза плавно проколыхалась мимо, по дну шныряли крабы.

— Ух ты! — Рыбьеног прижался носом к стеклу.

Теперь туннель резко уходил вверх. Было очень скользко и не за что ухватиться. Иккингу пришлось проковыривать крохотные выемки в стекле, чтобы упереться.

Оказалось, они едва успели. Один изгиб туннеля еще оставался над поверхностью воды. Как только его накрыло бы приливом, они уже не могли бы разбить туннель — внутрь хлынул бы океан и они утонули бы.

Но вот он, чудный изгиб, окруженный лишь чистым воздухом.

Иккинг разбил туннель рукоятью меча, и они осторожно, чтобы не порезаться об осколки, выбрались в океан.

Вода была холодная.

Посреди бескрайних просторов океана возле разбитого туннеля покачивались на волнах две головы и озирались. Море, море, море — насколько хватает глаз… Прилив достиг высшей точки.

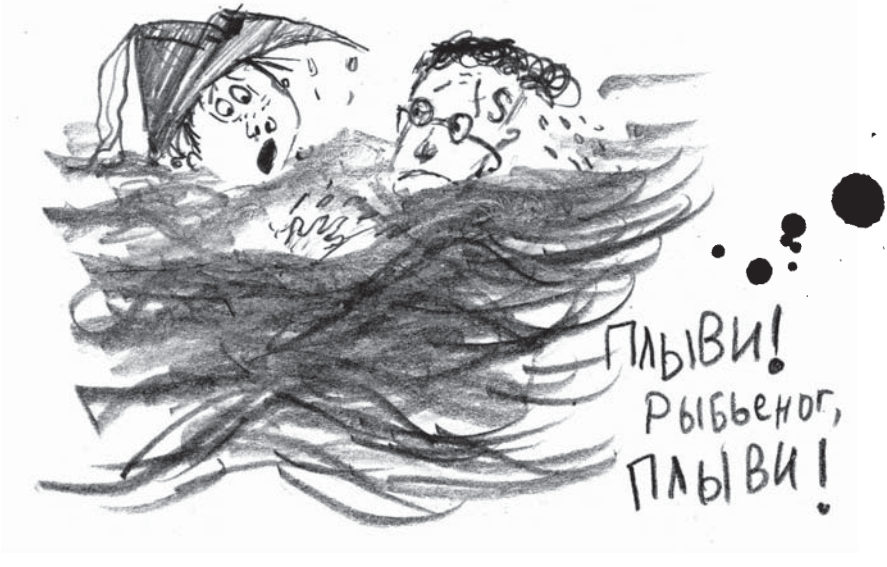
Они убрели даже дальше, чем думал Иккинг, на милю, если не больше, в открытый океан. На западе Иккинг разглядел крохотный расплывчатый серый контур. Где-то там находился остров Зыбь, земля.

— Мне ни за что туда не дотянуть… — пропыхтел Рыбьеног.

Он уже снова начал синеть.

— Дотянешь, — заверил его Иккинг, стуча зубами. — Плыви! — И сам поплыл к серому мазку на очень далеком горизонте. — Плыви! Плыви! Плыви! Ты должен добраться…

Но бескрайнее гулкое море было такое большое, а они были такие маленькие, а земная твердь была так далеко, так далеко…



26. ПРИЗРАК ПРОШЛОГО

Порой человеческих сил недостаточно.

Как бы мы ни старались, какой бы могучей ни была наша геройская воля (только мы, люди, наделены геройским даром верить, что невозможное возможно), порой наши смехотворно хилые человеческие руки оказываются слишком слабы. Порой мир просто слишком велик для нас, ураган слишком силен, море слишком огромно, и даже самые храбрые сердца, самая несгибаемая воля не способны одолеть их.

Так было бы и с Рыбьеногом и Иккингом — они утонули бы в тот день в море возле Янтарных Рабовладений. И что тогда было бы толку от их чудесного спасения? Иккинг пошел бы на дно, и Драконий Камень утонул бы вместе с ним, и эта история имела бы совершенно другой конец.

Если бы не одно «но».

Это «но» летело на невидимых крыльях над морем Янтарных Рабовладений и высматривало, высматривало…

Призрак прошлого.

Призрак, который надеялся загладить вину. Призрак, который не собирался сдаваться во веки веков, потому что дал клятву матери Рыбьенога.

Смертень не сдавался.

— **Надежда есть всегда,** — шептал Невинность. — **Помните, в прошлый раз, когда это случилось, мы уже смирились с поражением, а Рыбьеног уцелел. Надо учиться на своих ошибках. На сей раз мы не отступимся...**

Но даже у Камикадзы, летевшей верхом на Смертене, с каждой минутой таяла ее безграничная вера в лучшее.

Разве не видела она своими собственными глазами, как Иккинга утащило в песок ужасное лапоглазое чудовище?

Взвыв от ужаса, Смертень принялся рыть песок на этом месте громадными драконьими лапами, и Камикадза кинулась помогать ему, как могла, своими жалкими человеческими руками. Вместе они копали, копали, копали там, где последний раз видели Иккинга.

Но иногда мир оказывается слишком велик даже для драконьих лап. Смертень был воздушный дракон, а не мореДраконус и не землерой — он не был приспособлен для копания. Он не мог последовать за Иккингом в толщу песка, как ни старался. Но они с Камикадзой упорно продолжали рыть, пока не накатил прилив и не поглотил жалкие плоды их усилий, их бессмысленную яму, и мир вокруг не превратился в водные просторы.

Час за часом обшаривали они эти просторы.

Не знаю, какой урок можно из этого извлечь, кроме одного: они не оставляли попыток, хотя надежды у них не было и быть не могло. Ведь Иккинг просто не мог выжить, похороненный глубоко под толщей песка и воды.

— А вдруг он вывернулся из когтей Чудища в последний момент, — говорила Камикадза Смертеню. — Поверьте, ребята, я видела, как Иккинг выбирался из множества таких переделок, когда казалось, он обречен…

И все же поверить, что Иккинг выжил в этой переделке, было еще труднее, чем в то, что он выжил в предыдущей.

Тем не менее они продолжали поиски, и это хорошо. Как мы знаем, вопреки всему Иккинг выжил, и они с Рыбьеногом теперь нуждались в помощи.

Смертень словно вернулся назад во времени. Четырнадцати лет как не бывало. Это был точь-в-точь тот же самый день, когда он пообещал своему человеку, Фурии: **«Клянусь своей ярко-зеленой кровью и блестящими когтями, я сберегу твоего ребенка»**. Небо было таким же чистым, лишь с легким намеком на облака на краю мира.

— **Мы обещаем... мы обещаем...** — шептал Терпение по-драконьи. — **Мы обещаем, Фурия, что сбережем твоего ребенка...**

— **Мы обещщщаем... Мы обещщщаем...** — шепотом вторили ему Гордость и Невинность.

Паря над синим океанским простором, над бескрайними волнами, они высматривали садок для омаров. Шесть глаз Смертеня, самых острых глаз в мире, глаз, способных разглядеть нанодракона с расстояния в полмили, безостановочно обшаривали океан. Все его чувства были напряжены.

И тут с нарастающей паникой они заметили, как наползают облака. Внезапно начал собираться туман… Но ведь история не повторится настолько точно, правда? Ведь это же день, когда судьба дает второй шанс, разве нет?

Дракон снизился еще больше, отчаянно высматривая садок для омаров. И нашел его.

Далеко внизу что-то мелькнуло. Розовое пятнышко человеческой жизни, крохотное биение на бесконечной синей поверхности.

Смертень спикировал вниз, сердце в его невидимой груди пело от восторга. И когда он подлетел ближе, Камикадза испустила радостный вопль.

Мятый и переломанный садок для омаров крепился к спине плывущего мальчика, мальчика с ожерельем из омаровых клешней на шее. Этот мальчик поддерживал другого мальчика, в разбитых очках, и даже с высоты дракон увидел в лице этого второго замызганное воспоминание о человеке, которого любил.

Дитя Фурии!

— **Мы встретимся снова, Фурия! Мы встретимся снова!** — победно пропыхтели три головы Смертеня, выпуская молнии и снижаясь еще больше.

— Нас атакуют! — прошептал Рыбьеног, прикрывая глаза рукой и глядя вверх.

Смертень от перевозбуждения весьма неуклюже плюхнулся на воду рядом с ними.

Иккинг и Рыбьеног и так были чуть живы, а тут еще замаскированный дракон свалился почти что им на головы, и потрясение едва не доконало их. Но пока мальчики кашляли и отплевывались, дракон вынул их из воды и пристроил себе на спину, все еще кашляющих и отплевывающихся… но живых.

— Просто не верится! — ликовала Камикадза. Глаза ее блестели от радости. — В смысле, я верю, потому что ты столько раз проделывал это раньше, но на сей раз правда… просто… не… верится…

Иккинг улыбнулся, потому что и сам в это не верил, учитывая все обстоятельства. Тяжело дыша, он вынул из-за пазухи Драконий Камень.

Ну разумеется, в это Камикадзе оказалось поверить еще труднее, чем во все остальное. Она просила его то убрать драгоценность, то вынуть ее снова, то дать подержать и все вертела и вертела Камень, приговаривая: «ПРОСТО НЕ ВЕРИТСЯ… ПРОСТО НЕ ВЕРИТСЯ… Как ты это сделал?»

— И как ты намерен с ним поступить?

Иккинг вздохнул.

— Точно не знаю, — признался он. — Нужно придумать какой-то способ использовать его, чтобы остановить эту войну.

— Рыбьеног, — окликнул друга Иккинг, пока дракон поднимался в небо, — это дракон твоей матери, Смертень. Левую голову зовут Невинность, правую — Гордость, а среднюю — Терпение, потому что без него никак.

Рыбьеног распростерся у Смертеня на спине, цепляясь изо всех сил. Одежда его уже исходила паром — спина у дракона была теплая, как печка. Он чувствовал, как все тело возвращается к жизни.

— Здравствуй… — прошептал Рыбьеног. — Извини, что лежу… Притомился немного.

Что-то в этом драконе вызывало у него чувство защищенности, и Рыбьеног, несмотря на то что дрожал от слабости, попытался сесть. Ветер отбросил назад его мокрые волосы, обнажив яркое Клеймо на лбу.

— Значит… ты мамин дракон?

— **Был!** — пропел Смертень. — **Но теперь я твой. Твой навсегда. Я обещал, что никогда тебя не покину. Я к твоим услугам... Я буду верно служить тебе, отныне и до самой смерти.**

Иккинг перевел.

Ничего себе…

Рыбьеног выпрямился. Глаза его сияли. Жизнь наконец-то повернулась к нему лицом. Он, Рыбьеног, самый презираемый в племени Хулиганов, раб, сирота и недомерок, стал теперь гордым обладателем крутейшего дракона из всех, каких ему доводилось видеть.

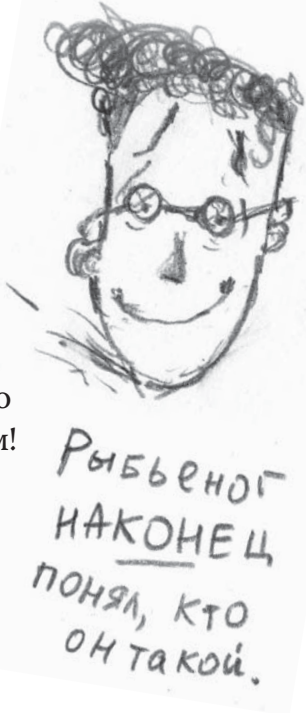
— А моя мама… она была дочерью вождя? — спросил Рыбьеног.

— **Самым лучшим и самым преданным человеком, кого я знал,** — ответил Терпение.

— Она еще и поэтом была, — добавил Иккинг. — И наполовину Берсерком. Так что не зря ты подозревал в себе Берсеркские корни.

Сердце оборванного, голодного, замерзшего Рыбьенога пело. Его мама была поэтом! Вот, значит, откуда у него талант скальда. А отец его был Героем! Ну, это несколько туманно, но…

…наконец он понял, кто он такой.



Маленькая передышка...

Если хочешь, чтобы история закончилась здесь,
милости просим.
В каком-то смысле так будет лучше.
Ведь разве можно представить конец счастливее:
трое друзей парят в облаках, и Драконий Камень
надежно спрятан у Иккинга за пазухой?
День был долгий-долгий, и на этом правда
стоило бы закончить.
Но...
...это не все.
Так что если ты правда хочешь продолжать до
горького конца, предлагаю, дорогой читатель,
устроить маленькую передышку.
Выпей большой стакан воды. Перекуси чем-
нибудь существенным, что медленно отдает
энергию, например овсяным батончиком.
Расслабься на минуту.
Вот.
А теперь в путь...

27. ИСТОРИЯ КОНЧАЕТСЯ, КАК И НАЧИНАЛАСЬ...

А началась история с того, что на Иккинга из засады напала его собственная мать, Валгалларама.

И тем же самым она и кончается.

Никто не в состоянии выследить Смертеня.

Никто, кроме… Валгалларамы.

Никто не может его увидеть, настолько прекрасно он замаскирован… но Валгалларама, неукротимая, потрясающая воительница, летала так высоко, у самых макушек истончающихся облаков, что смотрела на беглецов сверху, а не снизу и видела не Смертеня, а три маленькие человеческие фигурки, цепляющиеся за пустоту.

Трое друзей не заметили ее приближения. Чувства Смертеня слегка притупились от восторга, к тому же он не ждал беды. Смертени вообще не привыкли ожидать нападения. Они так опасны, что их атакуют крайне редко.

Возможно, Гордость и уловил серебристый блик, промелькнувший где-то в вышине. Это заставило его напрячься и взглянуть вверх.

Но слишком поздно.

Валгалларама и серебряный призрак, прятавшиеся высоко в кучевом облаке, спикировали вниз серебряной ракетой, словно сверкающая богиня мщения, неотвратимая, безжалостная, вопящая рука Судьбы. Валгалларама протянула железную руку и сдернула сына со спины замаскированного Смертеня с той же небрежной легкостью, с какой сдернула его две недели назад со спины Ветрогона.

Серебряный призрак рванул к Черному Сердцу, неостановимый, неуловимый, ибо в открытом небе серебряный призрак быстрее всех ездовых драконов на свете.

Направляя призрака коленями, Валгалларама одной рукой подняла Иккинга, а другой сняла у него с шеи цепочку с Драконьим Камнем и повесила на шею себе.

У Иккинга, болтавшегося в суровой, непреклонной руке матери, перехватило дыхание, словно его внезапно макнули в ванну с ледяной водой.

Однако, справившись с потрясением, он рассвирепел.

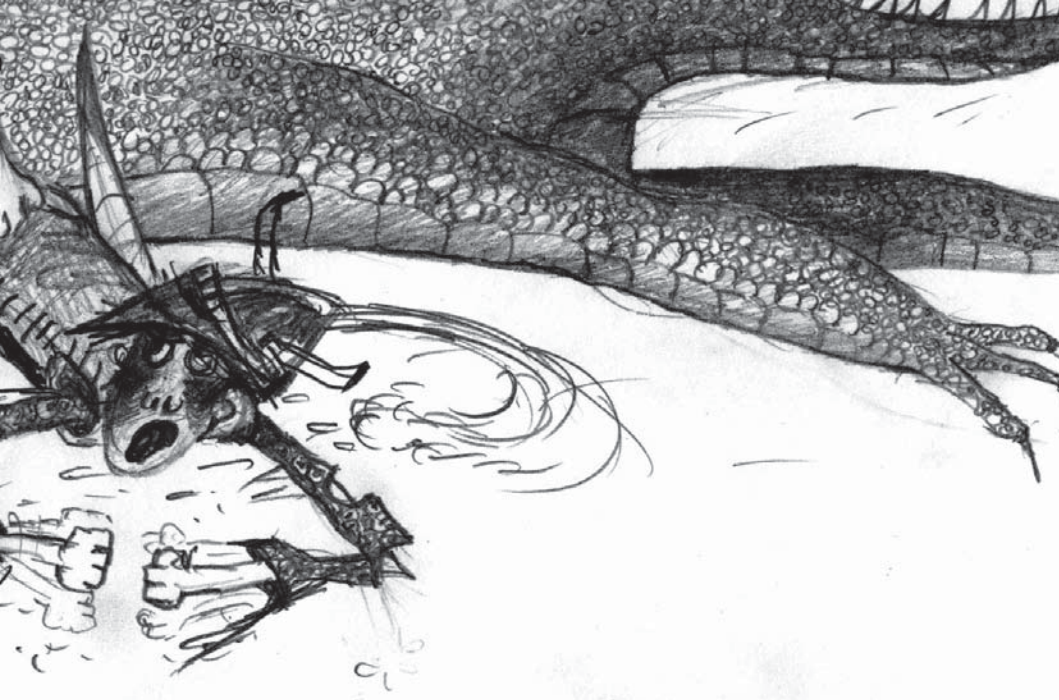
Ох, клянусь шерстяными носочками Локи, ну и рассердился же он!

— Что ты ДЕЛАЕШЬ?! — проревел он в нависшую над ним бесстрастную железную маску, сурово и непреклонно глядящую вниз, на свою цель, Чер-

ное Сердце. — Я больше не ребенок, как ты смеешь так со мной обращаться! Не то чтобы я ждал от тебя ПОМОЩИ, с чего бы? Тебя вечно НЕ БЫЛО ДОМА! Год за годом ты оставляла нас с папой одних, ГОДЫ, И ГОДЫ, И ГОДЫ! Не всегда отвечала на мои письма… Уезжала, даже когда я умолял тебя остаться… Не слушала, когда я говорю…

Побагровев и брыкаясь, Иккинг орал:

— С годами я к этому привык! Мне пришлось привыкнуть! Но чего я от тебя не ожидал, — вопил



он, — чего я никак не ожидал, так это что ты меня по-настоящему ПРЕДАШЬ... Неужели я прошу слишком многого?

И еще много чего он ей наговорил. Когда четырнадцать лет давишь в себе злость, а потом она все-таки прорывается, это надолго.

Но Валгалларама не отвечала. Она продолжала путь, бесстрастная, мрачная, несгибаемая. Они неслись по небу ослепительной серебряной ракетой — бурлящая ярость Иккинга и праведная решимость Валгалларамы.

Ничто не могло ее остановить.

Она несла Иккинга назад, назад, назад, навстречу кошмарам тюрьмы Черное Сердце.

28. НАВСТРЕЧУ КОШМАРАМ... И ЭЛВИНУ С ВЕДЬМОЙ

Ночь пала на Янтарные Рабовладения.

За стенами тюрьмы воздух звенел от драконьих воплей. Дежурные воины на стенах едва их сдерживали.

Двор тюрьмы Черное Сердце ярко освещали факелы. В центре двора на одинаковых тронах восседали Элвин Вероломный и его маменька.

Сотни и сотни воинов Дикозапада и рабов стояли с пылающими факелами в руках. Воздух был пропитан страхом и безнадежностью. Каждая душа в этой тюрьме напряженно прислушивалась к драконьему апокалипсису снаружи.

Элвин созвал солдат, рабов, воинов и вообще всех на Большое Собрание, чтобы провести несколько публичных казней. Надо ж было как-то выплеснуть раздражение из-за утреннего исчезновения Иккинга.

Но приготовления нарушил приятный сюрприз — появление нежданного гостя. Через стены перелетел серебряный призрак. На спине призрака восседала Героиня Валгалларама, а в ее железной руке болтался разъяренный Иккинг.

— Не стрелять! Не стрелять! — закричал Элвин Вероломный, ибо своим зорким единственным глазом заметил пылающий Драконий Камень на шее у Валгалларамы.

Лицо Короля Элвина осветилось внезапной радостью.

— Мама! — ахнул он. — Она добыла Сокровище!

Белая ведьма выпрямилась, волосы взметнулись у нее за спиной, как ореол славы.

— Я знала! — торжествующе рявкнула она. — Я знала, что не просчитаюсь!

Серебряный призрак сделал над двором круг-другой, ярко сияя в лунном свете. Затем приземлился на задние лапы, а Валгалларама, аккуратно поставив Иккинга на землю перед ведьмой, легко спрыгнула со спины дракона и встала рядом с сыном.

Иккинг шарахнулся от нее и стряхнул ее руку, словно ядовитую змею, по-прежнему слишком сердитый на мать, чтобы бояться.

Призрак прихрамывал из-за стреляной раны в передней лапе.

Толпа молчала, пока люди не заметили Драконий Камень на шее у Валгалларамы.

— Камень! У нее Камень! Мы спасены!

Заполнившая двор толпа принялась скандировать:

— ВАЛ-ГАЛ-ЛА-РА-МА! ВАЛ-ГАЛ-ЛА-РА-МА! У нее Камень!

Валгалларамой восхищались больше, чем любым другим Героем архипелага, больше, чем Неимоверным Крутняком или самим Молниеносом. И она нашла Драконий Камень! Даже рабы приветственно загремели цепями.

Валгалларама подняла руку, сняла железный шлем и бросила его в толпу. Пусть все видят ее лицо. Гордое белое лицо, словно высеченное из гранита. Взгляд разбивался о него, как о суровую скалу.

Воительница застыла молча, сложив руки на груди.

— Предоставь это мне, Элвин, — прошипела ведьма, силясь разглядеть сквозь доспех, сквозь гранитное лицо, где же у Валгалларамы слабое место. — Предоставь это маме… Ситуация несколько щекотливая, тут нужен ведьмин язык…

Ситуация действительно складывалась несколько щекотливая — мать доставила не только Сокровище, но и собственного сына на верную смерть.

— Поздравляю, Валгалларама! — начала ведьма, вскинув белую руку в приветствии. — Должна сознаться, я недооценила тебя. Я не сказала тебе, что Предатель Дикозапада — твой сын, дабы материнские чувства не помешали тебе выполнить свой долг. Мне следовало знать, что великая Героиня, подобная тебе, поставит судьбу Королевства выше личных капризов. Трижды ура Валгалларамe!

Трижды ура
Валгаллараме!

Двор сотрясли приветственные крики.

Валгалларама промолчала.

— Отдай Элвину Камень, который спасет нас всех, Валгалларама, — продолжала ведьма, стараясь, чтобы это прозвучало небрежно, словно вовсе и не приказ.

Но Валгалларама не отдала Элвину Сокровище.

Вместо этого она вынула из колчана одну-единственную стрелу. Стрелу с черным оперением. И принялась задумчиво вертеть ее в пальцах.

Валгалларама молчала, ее Геройское лицо ничего не выражало, а она все крутила и крутила стрелу.

В молчании есть сила, особенно в молчании такой харизматичной личности, как Валгалларама.

Сила молчания в том, что оно заставляет других говорить.

Экселлинор облизнула губы, ее полуслепые глаза следили за движением стрелы.

— Вижу, у тебя стрела того неизвестного воина, который случайно подстрелил твоего серебряного призрака, после того как дракон так любезно доставил нам карту… — заискивающе продолжила ведьма. — Мы так рады, что он не сильно пострадал, правда, Элвин?

Элвин вежливо оскалился:

— Не могу выразить, какое облегчение.

— Это была случайность. Мы обрушили на упомянутого воина свой гнев. На самом деле он

расстался с жизнью. Должна сказать тебе, Валгалларама, что наше обещание тебе по-прежнему в силе, — промурлыкала ведьма. — Элвин обещает, что если ты отдашь ему Драконий Камень, он использует его только как угрозу, а не для уничтожения драконов навеки. Правда, Элвин?

— Слово Вероломного, — улыбнулся Элвин.

— Разве только, — продолжала ведьма сладко и гладко, как по маслу, — если дракон Ярогнев не оставит нам выбора… — Она пожала плечами, намекая на рев восстания снаружи. — Элвин смотрит правде в глаза, и ему хватит силы действовать решительно, если его вынудят. Оглянись вокруг, на архипелаг. Наш совершенный мир сожжен дотла драконьим огнем. Драконы убьют нас всех!

Иккинг не мог больше молчать. Он развернулся к ведьме.

— Это ТЫ до такого довела! — яростно заорал он. — Я видел твои драконьи капканы! Уничтожать драконьи яйца, убивать их тысячами с помощью ваших взрывалок! Неудивительно, что столько драконов присоединилось к восстанию! — Голос Иккинга звенел на весь двор. — И о каком совершенном мире ты говоришь? Люди и драконы умирают в цепях — это, по-твоему, совершенство?

Иккинг указал на серебряного призрака:

— Такие прекрасные создания, как он, должны быть уничтожены навеки? И драконы больше ни-

когда не будут бороздить небеса на легких, переливающихся драгоценными камнями крыльях, не осветят мир великолепием своего огненного дыхания? Мы должны навек попрощаться с волшебством, мечтами и полетами нашего детства? Я говорю — НЕТ! — орал Иккинг, красный как рак, потрясая кулаком. — Драконы должны быть свободны! И люди, включая всех, кого вы согнали сюда, должны быть свободны!

Толпа вокруг перешептывалась, словно недовольное море.

Валгалларама вертела в руке черную стрелу, все быстрее и быстрее, напряженно слушая, склонив голову.

— Так говорит твой сын, Валгалларама, Иккинграб! — глумливо протянула ведьма, побелев больше обычного. — Что сын, что отец, ибо твой муж, Валгалларама, Стоик Обширный, тоже стал рабом.

Ведьма ткнула пальцем в бедного Стоика, уставившегося в землю.

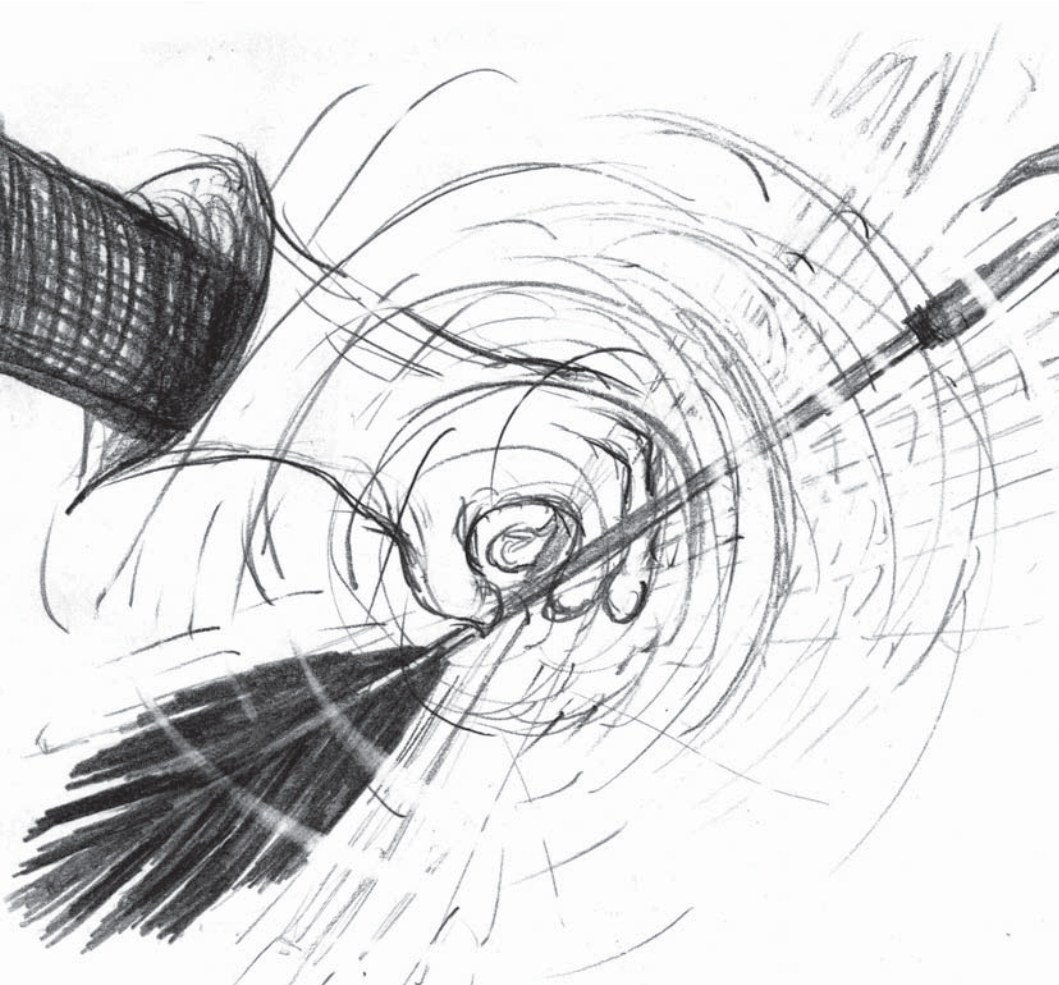
Но Валгалларама по-прежнему молчала.

«Почему она не заговорит?» — думала ведьма. С каждой минутой в ней росло отчаяние, но она посылала слова, словно отравленные стрелы, не теряя надежды отыскать слабину в доспехе Валгалларамы.

— Мне горько за тебя, Валгалларама, — скорбно продолжала ведьма. — Ты такая Великая Герои-

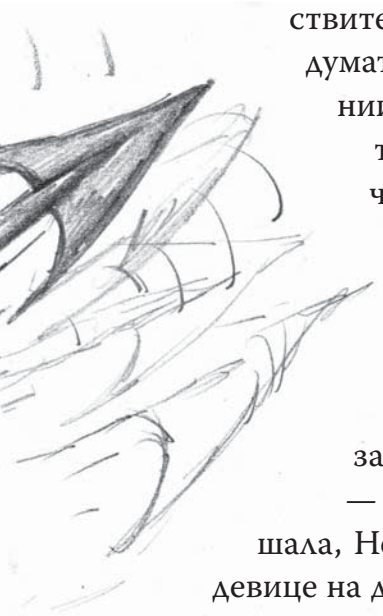
ня, а твоя семья так тебя подвела и навлекла позор на все племя и Королевство. — Вид у ведьмы сделался очень хитрый. — Но я же читала твою судьбу, когда ты была маленькой, Валгалларама. Ты не должна была выйти замуж за Стоика, правда же? Стоик Обширный никогда тебя не стоил… — ворковала ведьма самым сладким голосом.

Лицо Валгалларамы не дрогнуло. Никак нельзя было угадать, о чем она думает. Стрела все верте-



лась и вертелась, все быстрее и быстрее, словно волчок в игре, и никто не знал, где он в итоге остановится.

— Если бы в твою судьбу не вмешались непредвиденные обстоятельства, ты бы вышла за Неимоверного Крутняка, мужчину тебе под стать. И тогда ничего из этого не случилось бы: ни второсортного мужа, ни неудачного сына-недомерка, ни архипелага в огне, — вздохнула ведьма. — Это действительно трагедия. Мне невыносимо думать о твоем девичьем разочаровании. Ждать и ждать Героя, который так и не пришел… — Ведьма сочувственно покачала головой. — Девичьи слезы особенно трогательны. Мое ведьмино сердце просто кровью обливается при мысли об этом.



Экселлинор помолчала, потом заговорила снова:

— Но время-то идет, правда? Я слышала, Неимоверный наконец женился, на девице на двадцать лет моложе.

Валгалларама не шелохнулась.

Ведьма зло ухмыльнулась:

— Как жаль, что судьба избрала такой кривой путь. Но теперь у тебя есть шанс взять ее в свои руки и расставить все по местам, Валгалларама.

Смотри, Судьба отметила моего сына Элвина как нашего спасителя, дав ему уже восемь Сокровищ! — И ведьма завершила свою речь финальным трескучим росчерком: — Ты женщина разумная и принципиальная. Ты принесла нам карту, потому что знала, что это правильно. И ты могла бы помочь нам остановить эту войну, что раздирает наш совершенный мир на части. Мы хотим снова собрать мир воедино, чтоб он стал как новенький. И кто знает? Может, без некоторых вещей он станет даже более совершенным. Заверши свой Геройский Поход, Валгалларама. Выполни свое предназначение и отдай Элвину Камень!

«Ради Тора, уж ТЕПЕРЬ-ТО эта железная гора должна заговорить? — думала ведьма. — Она что, оглохла? Эта подвешенность меня убивает».

Валгалларама подняла могучую руку. Наконец она шагнула вперед. И заговорила.

И в этом опять-таки сила молчания. Когда молчаливый начинает говорить, люди обычно прислушиваются. Толпа подалась вперед, чтобы не пропустить ни слова из того, что она скажет.

— Ведьма сказала свое слово, теперь я скажу свое, — начала Валгалларама. — Я на изрядный срок выпала из истории архипелага. Теперь я готова объяснить свое отсутствие, и объясню я его не тебе, ведьма, и не тебе, Элвин, и даже не вам, племена архипелага.

Она поклонилась молчаливо смотревшим на нее толпам викингов и всех остальных, включая нас, читателей, слушателей, невидимых свидетелей этой истории.

— Я объясню это моему сыну Иккингу, — сказала Валгалларама.

Она повернулась к Иккингу, который по-прежнему стоял, стиснув кулаки, распираемый яростью, и взглянула прямо на него:

— Я провела бóльшую часть жизни в Геройских Походах. Когда я была маленькая, мой отец, прорицатель Старый Сморчок, тайно поведал мне, что над архипелагом нависнет смертельная угроза и лишь тот, кто сумеет ее отвести, станет новым Королем Дикозапада. Он передал мне пророчество об Утраченных Королевских Сокровищах, хранившееся в секрете среди мудрых, чтобы Сокровища не нашел недостойный. Я была храбрая, я была умная, я знала, что достойна. Отец растил меня Героиней и готовил меня в Короли. И хотя отцовские мечты пошли прахом, как мечты многих родителей, втайне я посвятила жизнь поискам Сокровищ. Вот зачем я отправлялась в Геройские Походы. И возможно, — вздохнула Валгалларама, — если быть до конца откровенной, а сейчас настало для этого время, еще и из-за тяги к странствиям, живущей в моей душе. Я слишком викинг, чтобы подолгу сидеть дома. Мой муж, Стоик, понимал, как важны

для меня эти Походы, хотя я никогда не рассказывала ему о целях моих поисков. И вот это я зову Истинной Любовью. Ни девам, ни ведьмам ее не понять. И все же я не могу и близко описать, сколь многим я пожертвовала в погоне за Сокровищами. Не думай, будто это потому, что у меня душа воина и я не умею говорить о любви. Не думай, будто мне было легко покидать дом. Не думай, будто я оставляла семью, потому что не любила. Год за годом я странствовала вдали от дома, вдали от тех, кого люблю, от сына и мужа. Я повергала чудовищ и побеждала воинов, улетая так далеко на север, юг, запад и восток, что пересекла, казалось, весь мир. Ночевала на деревьях, в пещерах, в ледяных хижинах-иглу, забредала одна в такие края, что едва не забыла родной язык…

Кулаки у Иккинга медленно разжались, совсем чуть-чуть, ибо это напомнило ему его собственное одиночество в последний год.

— Но когда стремишься совершить подвиг ради будущего всего архипелага, — продолжала Валгалларама, — порой приходится приносить ужасные жертвы. И моя жертва была поистине горька, ибо, как я ни искала, куда бы ни забиралась, мне не попалось ни единого Сокровища. Ни одного. Поэтому, когда ведьма сказала мне, что у ее сына Элвина восемь Утраченных Королевских Сокровищ, у меня захватило дух. Я была поражена. Каким же

великим Героем должен быть этот Элвин, если ему повезло там, где вся моя сила и ум потерпели поражение! Я неохотно поддержала Короля, указанного судьбой, и согласилась добыть ему карту, дабы он мог отыскать Драконий Камень.

— Да, ты была совершенно права, — торопливо вставила ведьма. — Мой Элвин — особенный.

— Но ты забыла рассказать мне, ведьма, и я уверена, это была неумышленная оплошность, — насмешливо протянула Валгалларама, — что это мой сын, ИККИНГ, нашел Сокровища. Я была слишком занята, высматривая их в самых дальних уголках земли, и не замечала, что творится у меня дома. Пока я разыскивала Сокровища, напрягая до предела свою силу и разум, они сами собирались к Иккингу, тихо, без усилий, а он этого даже не понимал.

— Может, Иккинг и нашел Сокровища, — прошипела ведьма, — но в итоге, заметь, почти все они оказались у моего сына Элвина!

Валгалларама пропустила слова старухи мимо ушей:

— И когда моя голова перестала болеть после того, как Иккинг обрушил мне на голову дерево, я стала задавать себе кое-какие вопросы.

— Иккинг уронил тебе на голову дерево? — перебил Элвин, на миг оживившись. — Могу я заметить, что это очень на него похоже? Очень похоже.

— Дерево придало моим мыслям новый поворот, — продолжала Валгалларама, — а когда мой Призрак вернулся с черной стрелой в лапе, удивление заставило меня задуматься еще больше. И вот какие мысли пришли мне на ум: «Почему Сокровища нашли путь к Иккингу, а не ко мне? Не потому ли, что в бесконечном Походе по спасению архипелага я забывала задавать вопросы, которые делают Короля Королем? И может быть, важнее всех Походов было задать эти вопросы?»

Тут Валгалларама снова вздохнула:

— Мне пришлось посмотреть в лицо правде, обрушившейся на меня, как ствол того дерева. Судьба не выбрала меня Королем, потому что я хоть и умна, но не наделена отзывчивостью, которая и заставляет задавать такие вопросы… Видите ли, в племени Хулиганов никогда не было рабов. Но мы стояли в сторонке и позволяли другим племенам порабощать людей. Мы закрывали глаза на ужас таких мест, как это, великая тюрьма Черное Сердце. Мы притворялись, будто их нет. И только мой сын Иккинг не притворялся. Это ли не Король? И потом, ведь есть еще Вопрос драконов. Мой сын сформулировал его весьма точно, тебе не кажется, ведьма? — гордо заметила Валгалларама. — Должны ли мы попрощаться навсегда с волшебством, мечтами и полетами нашего детства?

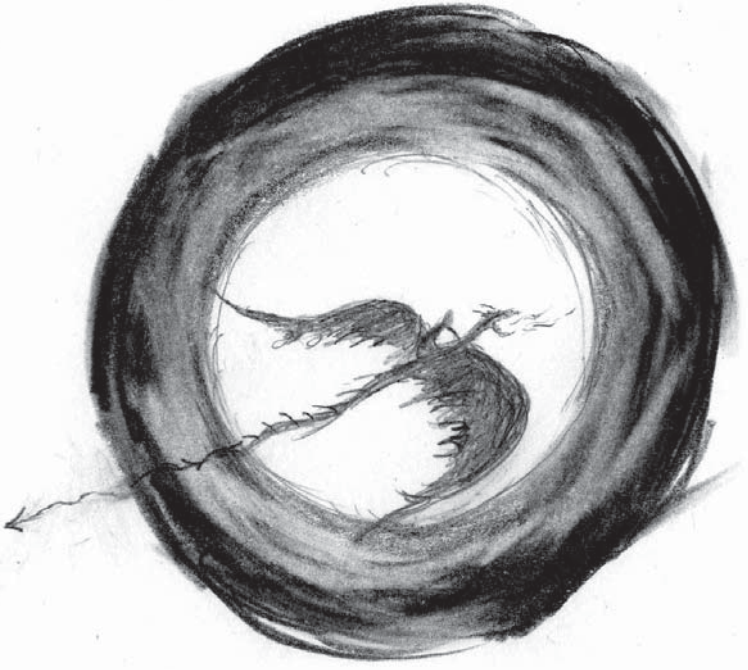
— Детский Вопрос, такой только ребенок и может задать. Потому что уже поздно, — прошипела ведьма, улыбка ее походила на смертный оскал. — Эта война, к сожалению, зашла слишком далеко, чтобы спасти драконов от истребления. Нынче, видишь ли, вопрос стоит просто: или мы — или они…

— Может, и впрямь слишком поздно, — мрачно признала Валгалларама, голос ее был ровен и холоден как сталь, глаза как пули. — Но по крайней мере, мой сын попытался спасти великолепие драконов, которых я люблю. Некоторые драконы — настоящие чудовища, — признала Валгалларама. — Но ведь и люди бывают чудовищны. — Она остановилась и со значением посмотрела на Элвина Вероломного и ведьму. — Верхом на Серебряном Призраке я летала так высоко, что казалось, кончики его крыльев задевали саму луну… Будут ли драконы вроде моего Серебряного Призрака уничтожены только потому, что среди драконов встречаются чудовища? Окажемся ли мы навек привязаны к земле, потому что драконов больше не будет?

Серебряный Призрак медленно расправил свои яркие крылья во всю ширь, и восходящая луна осветила все его изящные серебряные чешуйки, так что они засверкали звездами.

Толпа мечтательно затаила дыхание, припоминая, каково лететь в бурном небе архипелага верхом на драконе.

— И коль скоро речь зашла о Серебряном Призраке, — небрежным тоном продолжила Валгалларама, сузив суровые глаза и все вращая, вращая, вращая в пальцах стрелу, — думается, стоит поднять еще один вопрос, который не давал мне покоя. Эта стрела, которую я вынула у моего Призра-



Верхом на Серебряном Призраке я летала так высоко, что казалось, кончики его крыльев задевали саму луну...

ка из лапы, выпущенная, как утверждает ведьма, неизвестным воином, оперена вороньими перьями и пропитана ядом гадючки отравной. Полагаю, ты держишь воронов в качестве домашних питомцев, ведьма, а яд гадючки — твой любимый?

«Да, теперь я вспоминаю, как читала ее судьбу, — против воли удивившись, подумала ведьма. — Даже в семь лет она была неуправляема и до неприличия умна, хитрая маленькая дрянь… Вот, должно быть, откуда этот мерзкий сопляк Иккинг унаследовал свои мозги, потому что уж точно не от папочки-идиота…»

— Из воронов получаются дивные питомцы, — признала ведьма. — Но я уже не так часто прибегаю к яду гадючки — как оказалось, он не всегда помогает…

— Ты солгала, ведьма, верно? — продолжала давить Валгалларама. — Эта стрела принадлежит твоему сыну Элвину, и это он стрелял в моего Призрака.

Молчание.

Запас вранья у ведьмы иссяк.

Валгалларама снова повернулась к толпе:

— Правда в том, что вы можете выбрать из присутствующих здесь Королей, народы архипелага, — сказала Валгалларама. — Не позволяйте никому говорить вам, будто у вас нет выбора. Можете выбрать сына лживой ведьмы, Элвина, человека

с золотым носом, окровавленным крюком и пустым сердцем. — Она указала на Элвина, восхитительно мускулистого, с императорской осанкой и настоль-

ко обвешанного Утраченными Сокровищами, что это выглядело почти смешно. — И в глубине души вы знаете, что предлагает вам этот Элвин. Или можете выбрать моего сына, Иккинга. Он не недомерок — он особенный и несет вам надежду на новый и лучший мир.

Она повернулась к Иккингу.

Ярость Иккинга уже полностью испарилась, и он ощутил громадный покой, словно с него сняли великое бремя.

— Я люблю тебя, Иккинг, хотя мои уста — уста воина и им не даются ласковые слова, которые, я слышала, говорят другие матери, — с трудом проговорила Валгалларама. — Я не могу изменить себя или пожалеть о том, что я та, кто я есть, странствующая воительница. Но клянусь Торовым громом, я могу сражаться за тебя со всей моей воинской отвагой, а это единственное, в чем я и впрямь не знаю равных.

Черная стрела теперь вертелась в пальцах Валгалларамы так быстро, что сливалась в мутное пятно.

— Ведьма говорила от имени Элвина, а я говорила от имени Иккинга. Теперь мы все должны сделать выбор, народы архипелага, — сказала Валгалларама. — И вот мой.

Валгалларама выбрала очень решительно.

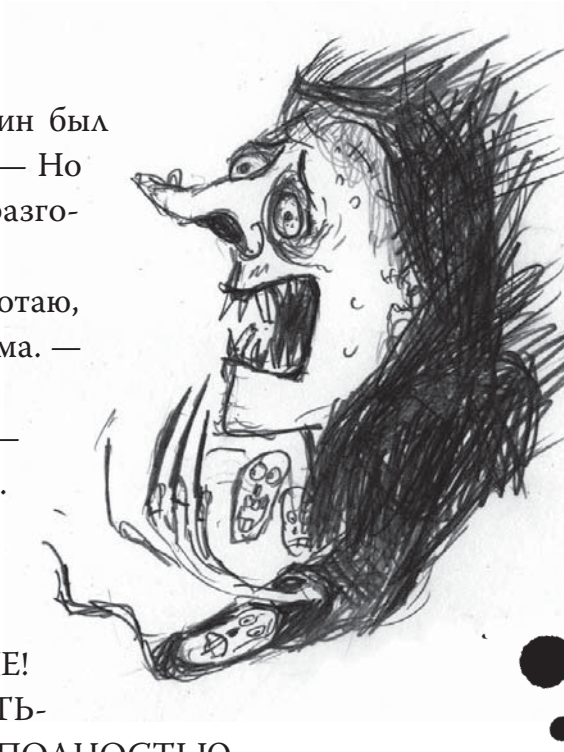
Так быстро, что взгляду не уловить, ибо у настоящих Героев пальцы движутся со скоростью мысли, Валгалларама наложила вертящуюся стрелу с черными перьями на тетиву и выстрелила Элвину прямо в сердце. Она сняла с шеи Драконий Камень и повесила на шею сыну, Иккингу Кровожадному Карасику III.

Двор взревел.

Экселлинор завизжала.

Элвин пошатнулся, но стрела не пробила три толстых металлических нагрудника, которые он носил под королевским одеянием. (Элвину хватало ума понимать, что он нажил некоторое количество врагов.)

— Я жив, мама, — заверил он ведьму, с некоторым трудом выдергивая стре-



лу из нагрудников. Элвин был лиловый от бешенства. — Но надо уже прекратить разговоры и всех убить.

— Я над этим работаю, Элвин, — рявкнула ведьма. — Положение щекотливое.

— КОРОЛЬ ЖИВ! — заверещала Экселлинор. Теперь она шпарила как по писаному. — Не переживайте, С КОРОЛЕМ ВСЕ В ПОРЯДКЕ! НИКОМУ НЕ ДВИГАТЬСЯ! БЕЗ ПАНИКИ. МЫ ПОЛНОСТЬЮ КОНТРОЛИРУЕМ СИТУАЦИЮ!

Она раскинула руки, словно крылья гигантского нетопыря, пытаясь вернуть себе власть над толпой. Голос ее сочился кислотой.

— Мы закроем глаза на твою попытку убить моего сына, Валгалларама, — прошипела ведьма. — Мы удивлены, но мы прощаем тебя, потому что такие вот мы великодушные тираны!

— Говорите за себя, маменька, — процедил Элвин. — Лично я намерен ее убить, а потом переехать своей колесницей, а потом скормить по кусочкам моей любимой змее…

— Я РАБОТАЮ НАД ЭТИМ, ЭЛВИН! — прохрипела ведьма. — Но позволь сказать тебе, этот бунт ничего не меняет, Валгалларама, ничего! Твой сын, Иккинг, Король? — Экселлинор испустила пронзительный, исполненный презрения смешок. — Как смеешь ты оскорблять достоинство этих людей подобным предложением! Или нами теперь должны править рабы? Твой сын Иккинг — раб, — припечатала ведьма. — И ты никак не можешь это изменить, Валгалларама. Пусть ты Великая Героиня, ты не можешь заставить колесо времени крутиться назад. Никто из нас этого не может. Клеймо раба — это печать, которую не снять никому!

И снова Валгалларама промолчала.

Она чуть отступила от ведьмы к Проглоту, который держал большую корзину, полную оружия и снаряжения.

Валгалларама выхватила из корзины что-то длинное и тонкое.

Длинное и тонкое, с металлическим изгибом на конце. Она подняла добычу повыше, чтобы все ясно видели, что это такое. Изогнутый символ отливал темно-красным.

Викинги разинув рот смотрели, как Героиня Валгалларама взяла раскаленный прут в руки и прижала к собственному лбу.

Великая Воительница даже не поморщилась. И на ее белом лбу четко и ясно отпечаталось пылающее Клеймо.

Невозможно! Немыслимо!

Валгалларама сама поставила себе Клеймо!

Она перевернула вверх тормашками законы архипелага!

29. НЕОЖИДАННЫЙ ПОВОРОТ

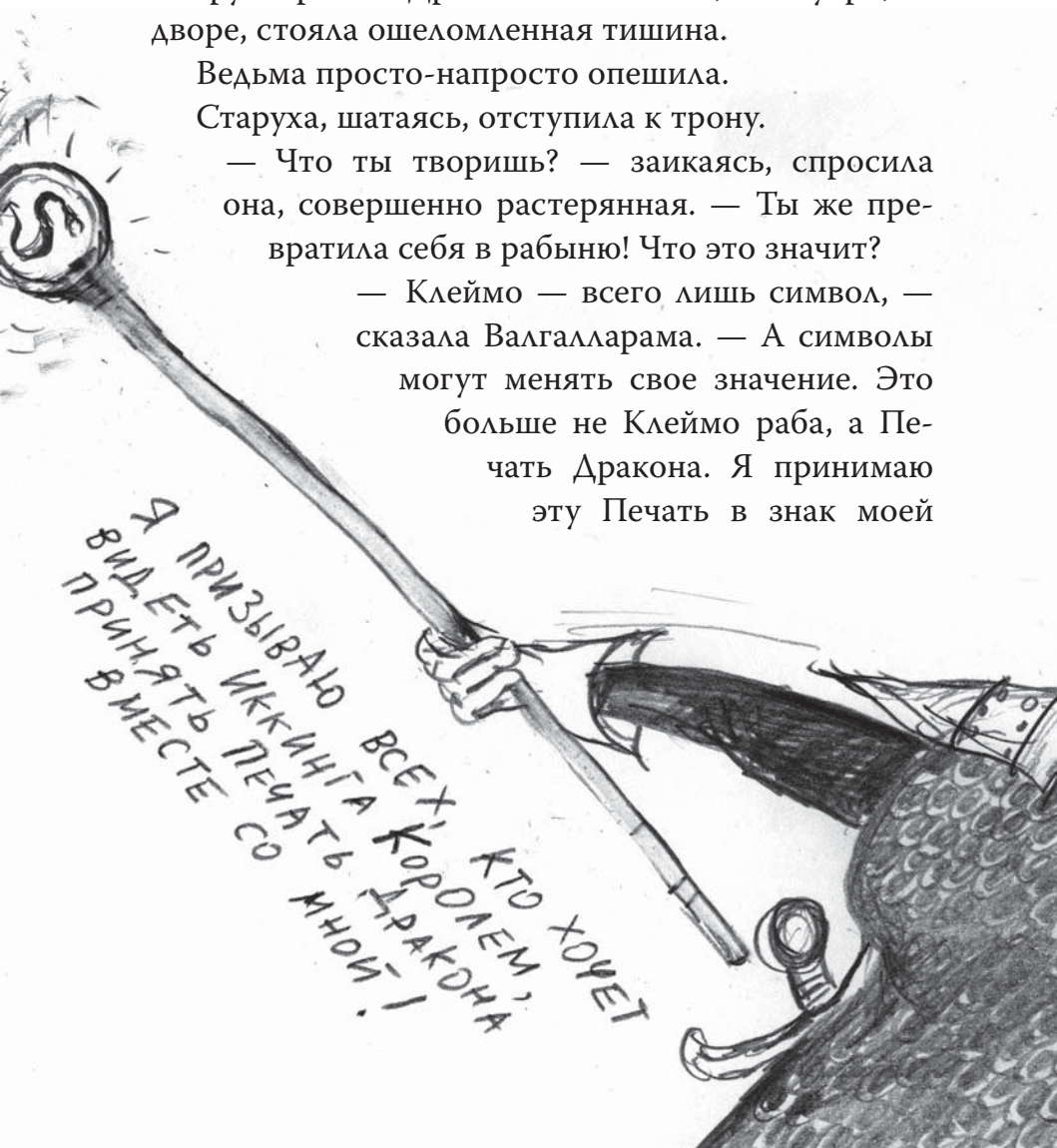
Снаружи ревело Драконье восстание, но внутри, во дворе, стояла ошеломленная тишина.

Ведьма просто-напросто опешила.

Старуха, шатаясь, отступила к трону.

— Что ты творишь? — заикаясь, спросила она, совершенно растерянная. — Ты же превратила себя в рабыню! Что это значит?

— Клеймо — всего лишь символ, — сказала Валгалларама. — А символы могут менять свое значение. Это больше не Клеймо раба, а Печать Дракона. Я принимаю эту Печать в знак моей



любви и моей веры в мужа и сына. И Я ПРИЗЫВАЮ ВСЕХ, КТО ГОТОВ ВИДЕТЬ ИККИНГА КОРОЛЕМ, ПРИНЯТЬ ПЕЧАТЬ ДРАКОНА ВМЕСТЕ СО МНОЙ!

— Так-то вы контролируете ситуацию, маменька? — злобно прошипел Элвин. — Это, по-вашему, контроль?

— Нелепость какая-то... — проблеяла ведьма. — Смех и грех... Клеймо раба есть Клеймо раба. Так было сотни лет. Что еще за Печать Дракона? Нельзя просто так взять и поменять смысл.

НЕТ ТАКОЙ ШТУКИ, КАК ДРАКОНЬЯ ПЕЧАТЬ! Валгалларама ее просто выдумала!

Иккинг не мог до конца поверить в происходящее.

Он обводил взглядом лица викингов. Некоторые таращились на Серебряного Призрака. Другие глядели в землю. Невозможно было понять, что у них в голове.

Валгалларама отчаянно рисковала. Просить людей добровольно принять Клеймо, которое считалась знаком самого страшного позора, сколько они себя помнили, поставить на кон свою честь викинга — значит просить слишком многого. И ради чего — ради заботы о судьбе таких ничтожеств, как рабы и драконы? Кто пойдет на такое, тем более ради Иккинга?

— Видишь? — злорадно прохрипела ведьма, самообладание вернулось к ней, когда она поняла, что никто не вызвался. — Никто не хочет твою так называемую Печать Дракона или твоего заморыша-сыночка в вожди, Валгалларама…

«Что ж, хороший довод, почему Валгалларама следовало оставить Драконий Камень себе и самой вызваться в Короли, то есть в Королевы, — подумал Иккинг. — Она из тех, за кем идут в бой, за кого люди готовы жизнь положить».

Сам-то Иккинг никогда не смог бы никого даже в команду по бейболу зазвать, не говоря уже о том, чтобы люди рисковали ради него жизнью и честью…

— Я приму Печать Дракона! — раздался звонкий голос из задних рядов.

Вперед решительно ломанулся двухметровый Бандюг Остолоп.

Бандюг, здоровенный мускулистый детина лет шестнадцати, был наследником Могадона Остолопа. Весь архипелаг восхищался им как истинным образцом юного Героя-викинга. Многие вожди мечтали, чтобы их сыновья походили на Бандюга.

Тут загремел его отец, Могадон:

— Бандюг! Я приказываю тебе как отец и вождь! Не смей принимать это Клеймо!

Но Бандюг все равно шагал вперед. Толпа расступилась и пропустила его.

— Прости, отец, — торжественно возвысил голос Бандюг и поклонился отцу со всем сыновним почтением. — Но Иккинг прав. Будь драконы свободны, они не стали бы с нами воевать. Настало время нового мира, лучшего.

Бандюг остановился перед Валгалларамой, очень четко, по-солдатски, опустился на одно колено и снял шлем, словно при посвящении в воины.

Валгалларама поставила ему на лоб Печать Дракона.

— Иккинга в Короли! — вскричал Бандюг, вскакивая на ноги и вскидывая в воздух кулак.

— Ха, всего один человек! — насмешливо отозвалась ведьма. — Недалеко ты уедешь с одним после…

— Иккинга в Короли! — взревела целая когорта юных Остолопов, явно друзей Бандюга.

И вдруг по всему двору юные воины племен принялись пробиваться вперед, чтобы принять Печать. А тем временем на свободном пятачке приземлился невидимый Смертень с Камикадзой и Рыбьеногом на спине. Чтобы получить Печать Дракона в первых рядах, Камикадзе пришлось проталкиваться вперед и пригрозить нескольким Драчунам. Потому что молодежь даже самых злобных, по общему мнению, племен, таких как Драчуны и Гостедавы, теперь громко требовала Печати.

Как так могло случиться?

Ну, за тот год, что Иккинг прожил Изгнанником, произошла странная вещь. Из самого неказистого, тощего, мелкого викингского подростка всех времен Иккинг превратился в романтического бунтаря. Множество юных викингов втайне следили за его успехами, когда он снимал драконьи капканы и в очередной раз в последний миг с блеском ускользал от воинов Дикозапада.

Они шепотом, по секрету, пересказывали друг другу истории о приключениях Иккинга. И вдруг оказалось, что они пересказывают их не в доказательство того, какой он чудик и псих ненормальный, — из историй выходило, что он умный, выдающийся, смелый и необычный…

«Слыхали, как он открыл Страну-Которой-Нет?» — шептались они.

«Слыхали, как он победил Мордраконуса? А Удушителя? Как он перехитрил римлян в Форте Жестокусе? Как остановил экстерминаторов на острове Магманьяков? Как в очередной раз ускользнул от ведьмы на острове Нигде? И что это он отыскал ВСЕ ДО ЕДИНОГО Утраченные Сокровища Чернобородa Оголтелого, а Элвин просто украл их у него?»

И если подумать, оставалось только удивляться, как это никто не заметил, что среди них уже есть Герой. Не хватало разве что большой жирной стрелки с надписью: «ВОТ ВЕЛИЧАЙШИЙ ГЕРОЙ, КАКОГО ТОЛЬКО ЗНАЛИ В АРХИПЕЛАГЕ ЗА СТОЛЕТИЯ». Очевиднее просто некуда.

Но людям порой требуется некоторое время, чтобы изменить свое мнение.

Даже нелепый день рождения Иккинга, двадцать девятое февраля в високосный год, которого он всю жизнь стыдился, вдруг прибавил ему популярности.

«Я слышал, ему всего три года, — шептались люди с приглушенным уважением. — Совершить все это, будучи всего ТРЕХ ЛЕТ ОТ РОДУ... Да это ж полубогом надо быть!»

Вот так и рождаются легенды.

Помните, давным-давно, когда приключения Иккинга только начинались, вас предупреждали, что это история о том, кто выбрал Нелегкий Путь, чтобы Стать Героем. Теперь вы, наверное, начинаете понимать, насколько Нелегок этот Путь на самом деле.

Иккинг в одиночку противостоял Элвину Вероломному и силам всех племен. В одиночку отстаивал то, во что верил, то, что считал правильным, даже когда все думали, что он не прав.

А такое викинги на самом деле уважают больше всего.

И каким-то образом, попутно, Иккинг с его замаскированным огнеупорным костюмом из шкуры дракона, его изобретательным снаряжением, обшарпанным ездовым драконом Ветрогоном, заступничеством за слабых и обездоленных, странным мелким беззубым охотничьим драконом, его

на-самом-деле-весьма-крутой татуировкой (ведь если вдуматься, татуировка в виде дракона на лбу выглядит довольно круто)… Каким-то образом благодаря всему этому Иккинг стал…

Героем.

И не просто как Герои былых времен.

Он стал тем, за кем люди идут в бой и готовы рисковать жизнью.

Королем.

И не только среди молодежи.

Даже Могадон Остолоп обнаружил, что смотрит на Иккинга словно другими глазами.

И вышло так, что порядок вещей р-раз — и в мгновение ока переменился. Почему?

Да потому, что он давно менялся, просто викинги этого не замечали. Тюрьма Черное Сердце тяготила их совесть, и не занимавшиеся работорговлей племена очень старались о ней не вспоминать.

Большинство викингов любили драконов, они выросли с ними, и даже во время войны думать о мире без драконов им было тоскливо и страшно.

К тому же ведьма и Элвин поработили множество их друзей и родственников, и подавляющая часть воинов в том дворе смутно беспокоились, что могут стать следующими.

Поэтому люди, сами того не сознавая, уже начали думать по-другому, а когда дело доходит до критической точки, для переворота достаточно и пяти минут.

— БУ-У-У-УННННТ! — заорал Элвин Вероломный. — ВЕРНЫЕ ВОИНЫ ДИКОЗАПАДА, АРЕСТУЙТЕ ЭТИХ ПРЕДАТЕЛЕЙ, ПОХОРОНИТЕ ИХ В САМОМ ГЛУБОКОМ И ТЕМНОМ ПОДЗЕМЕЛЬЕ, КАКОЕ НАЙДЕТЕ, И ВЫБРОСЬТЕ КЛЮЧ!

И тогда в тюрьме Черное Сердце воцарился полный хаос. В один судьбоносный миг каждый пытался решить, на чьей он стороне, и одновременно сообразить, на чьей стороне все остальные, что не так-то просто в подобной неразберихе.

Все рабы были, разумеется, на стороне Иккинга, и некоторые стражники тут же принялись освобождать их от цепей. Большинство племен вроде Бой-баб, Миролюбов и Хулиганов уже были по горло сыты правлением Вероломного.

Но у ведьмы и Элвина еще оставалось множество сторонников среди Душегубов и Страхолюдов, Драчунов и Берсерков. Боюсь, среди них было много жестоких и бессердечных людей.

А поскольку не было времени четко пометить всех, кто хотел, Печатью Дракона, чтобы все знали, кто где, битва, которая разразилась тогда, сопровождалась множеством недоразумений.

Ночной воздух звенел от лязга мечей и криков: «Что ты делаешь?! Я на вашей стороне!» и «Ой, извини, я просто решил, раз ты из Душегубов, что ты за ведьму...» или «Ах так?! Позволь сказать тебе,

что некоторые из нас, Душегубов, тоже разумные люди, не хуже прочих…» И так далее.

Пуская стрелы с жутковатой методичностью, Валгалларама пробилась к Стоику и — Й-ЙЯХХ! — одним взмахом боевого топора перерубила его цепи.

Иккинг оказался достаточно близко, чтобы услышать, как мать сказала:

— Ты не был моей первой любовью, Стоик Обширный. Но ты — моя последняя любовь…

Усталые глаза Стоика вспыхнули. И тут Валгалларама улыбнулась, как, должно быть, улыбалась

в те времена, когда была неуправляемой маленькой девочкой.

— Добро пожаловать в воинство Печати Дракона, вождь. — И вручила Стоику свой запасной меч, Немезиду.

Стоик выпятил грудь. Годы слетели с него. Разрази его Тор, он же еще не старик! Да, чуть старше, чем хотелось бы, но лучшие годы у него еще впереди, и танец битвы щекочет ему пятки…

— Валгалларама, милая, — сказал Стоик, — это чудесные слова! И ты была великолепна — как и всегда!

Валгалларама выхватила Беспромаха, и они любовно и торжественно со звоном скрестили мечи, словно чокнулись бокалами на празднике.

Взревев, как бешеный бык, Стоик бросился в бой и принялся крушить воинов Элвина. Может, колени у него и поскрипывали, но в остальном казалось, будто он всегда был в строю.

— СТРАЖИ ДИКОЗАПАДА! ПРИДИТЕ И СРАЖАЙТЕСЬ ЗА СВОЕГО КОРОЛЯ! — вскричал Элвин.

— Нет! — заорала ведьма. — Драконье восстание! Не забывай о Драконьем восстании!

Но стражники на стенах покинули свои посты по приказу Элвина, и натиск Мятежных драконов сделался громче и яростнее. Еще немного, и они прорвутся и захлестнут тюрьму…

Дракон Ушастый Нянь

~ ХАРАКТЕРИСТИКИ ~

ФАКТОР УСТРАШЕНИЯ:.....3
АТАКА:.....6
СКОРОСТЬ:.....4
РАЗМЕР:.....5
НЕПОСЛУШНОСТЬ:.....1

Из этих драконов получаются отменные сторожевые псы и няньки для детей. Один из таких драконов присматривал за Рыбьеногом в младенчестве.

30. БИТВА ПРИ ЧЕРНОМ СЕРДЦЕ

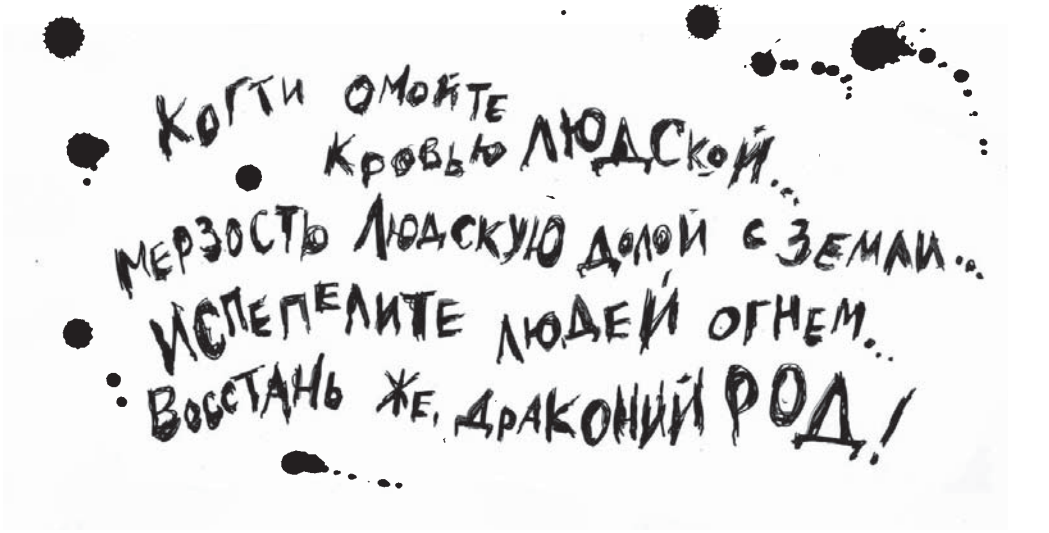
Неудивительно, что залив назывался заливом Драконьих Скелетов. Это поле былых и недавних битв было неописуемо зловещим. Ветер завывал среди остовов мертвых драконов голосами мириад привидений.

Опять начался прилив, и живые драконы стали просыпаться.

Красные пески морского дна словно рождали драконов. Крылатые ящеры роями вырывались из алых песков и вылетали из воды. И среди них не было тех видов, которые Иккинг любил.

Раздвоенные языки оплетали белые драконьи кости, чешуйчатые тела извивались меж мертвых ребер, хлопали, стряхивая воду, кожистые крылья. Пескорезы, огнегрызы, темнодыхи и вертокруты присоединялись к водяным соплеменникам, налетали из Забытого леса и Открытого океана. Самые зловещие виды драконов, чудовища, те, кто больше всего ненавидел людей.

Они распевали гимн АлаЯрости и точили когти о кости своих мертвых собратьев. Они видели крошечных, как муравьи, людей, их ужасные орудия,



изрыгающие огонь и мечущие копья со стен, и знали, что их час настал.

Посреди жуткого кладбища драконьих надежд, мечтаний и жизней засел Ярогнев. Трудно описать красоту Ярогнева. Годы плена миновали, и шкура его, пусть и покрытая шрамами, вернула себе прежнее великолепие. Он сделался невиданно глубокого синего цвета. Темнее, чем синее небо, ярче сапфиров.

— **Люди дерутся между собой,** — прошептал Ярогнев, и глаза его торжествующе вспыхнули.

В самом прямом смысле вспыхнули. Глаза матерого моредраконуса могут загораться и дымиться. Крохотные сгустки ярко-красного пламени, пронзающие, как луч лазера, вырываются из зрачков.

— **В АТА-А-А-А-АКУ-У-У-У!!!!** — проревел Ярогнев своему первому помощнику, громадному моредраконусу по имени Громовик. — **В АТАКУ!**

Вот так и началась битва при Черном Сердце.

Впервые за тысячи лет Мятежные драконы перелетели через оставшиеся без охраны стены и ворвались в тюрьму. Сражавшиеся друг с другом

люди оказались в полной растерянности. Они не могли добраться до своих взрывалок. Их орудия разрушения теперь взрывали могучие крылатые змеи, атакующие сверху.

Валгалларама, отбиваясь одновременно от воинов Дикозапада и драконов, убила четверых пескорезов, которые спикировали на нее, целясь острыми, как меч, крыльями прямо ей в горло, и прокричала:

— ВОИНЫ ДРАКОНЬЕЙ ПЕЧАТИ! ОТСТУПАЙТЕ ИЗ ТЮРЬМЫ И ПРОБИВАЙТЕСЬ К КОРАБЛЯМ! НАШИМ ОПЛОТОМ СТАНУТ БОЙ-БАБЬИ ОСТРОВА НА ЗАПАДЕ!

Элвин и его сторонники тоже бежали к кораблям. Ведьма уводила их в земли Страхолюдов на востоке.

Каждому приходилось делать выбор: на запад с Иккингом и Печатью Дракона или на восток с Элвином и ведьмой.

Одинклык с Беззубиком, разумеется, выбирать не могли. Они отправлялись с Элвином, хотели они того или нет, ибо по-прежнему болтались в сачках для янтаря у него на плече.

— **Мы идем не-не-не т-туда!** — пищал Беззубик. — **Нам надо с Ик-иккингом! Это катастрофа! Беззубик — самое важное Утраченное Сокровище, Иккингу без него ни-ни-никак!**

Мятый Косматый Библиотекарь, похоже, решил, что они с Иккингом квиты, и теперь, когда ведьмины посулы оказались пустышкой, пора сводить новые счеты. Поэтому он отправился на запад, к Бой-бабьим островам.

В гуще битвы Плевака Крикливый миновал Сморкалу, в глубокой задумчивости поглядывавшего то на запад, то на восток.

Сморкала не мог решить, куда идти.

Он уже знал, что такое Элвин и ведьма, и ненавидел их почти так же сильно, как боялся. Но признать Иккинга Королем? Этого презренного мелкого недомерка, приходившегося ему двоюродным братом? Самолюбие Сморкалы корчилось при одной мысли об этом. Иккинг однажды спас Сморкале жизнь, однако это только еще больше раздражало.

— Сморкала! — окликнул Плевака. — Ты еще можешь сразиться на правильной стороне. Ты — один из лучших воинов, кого мне довелось учить. Помнишь Черную Звезду, которую ты получил за доблесть в Битве на борту «Тринадцати Счастливчиков» против Элвина и его людей? Ты был бы огромным подспорьем для Воинов Печати Дракона. Идем с нами!

Сморкала не ответил, и Плевака, пожав плечами, оставил его.

Сморкала сунул руку в карман и вынул Черную Звезду, одну из высших наград за доблесть в архипелаге. Он все вертел и вертел ее, пытаясь принять решение. Запад или восток? Запад или восток?

Куда податься Сморкале?

Тут мы его и оставим, застывшего в нерешительности посреди поля боя. В раздумье.

Валгалларама пробилась к Иккингу.

— Пригнись! — крикнула она.

— Что?

— Пригнись! — гаркнула мать снова и выпустила поверх его головы стрелу, сбив пикировавшего пескореза. — Так, Иккинг, — сказала Валгалларама. — С нами тебе будет слишком опасно. Бери Камень и спрячься и от драконов, и от викингов. Смертени умеют прятаться. Доберись до острова Завтра для Коронации, а твой отец, воины Печати

Дракона и я встретим тебя там. Тем временем никто не должен знать, что ты жив.

— Но у меня нет остальных Сокровищ! — запротестовал Иккинг. — Все у Элвина, кроме Камня!

— Камень — самое главное Сокровище, — ответила Валгалларама. — Береги его.

Прежде чем Великая Воительница отвернулась, возвращаясь к битве, Иккинг положил руку на мамино железное плечо. Измученный и потрепанный после долгого и утомительного дня, в потеках соков Чудища и соленой океанской воды, он почему-то не казался уже таким маленьким и невзрачным, как раньше.

Он выглядел… О боги, как же он выглядел?

Это было так давно.

Думаю, он выглядел чуть более…

… взрослым.

— Спасибо тебе, — сказал Иккинг Валгалларраме.

— Тебе не за что меня благодарить, — ответила она. — Я твоя мать. И еще, Иккинг…

— Да, мама?

— Не будь слишком суров к себе, сынок, — сказала Валгалларама, и, может быть, ее улыбка сделалась чуть печальной, — если в итоге все кончится плохо. Я на горьком опыте усвоила, что Герои могут лишь стараться изо всех сил, и все же…

Иккинг взобрался на спину Смертеню.

— Камикадза! Рыбьеног! КО МНЕ! — прокричал он вниз.

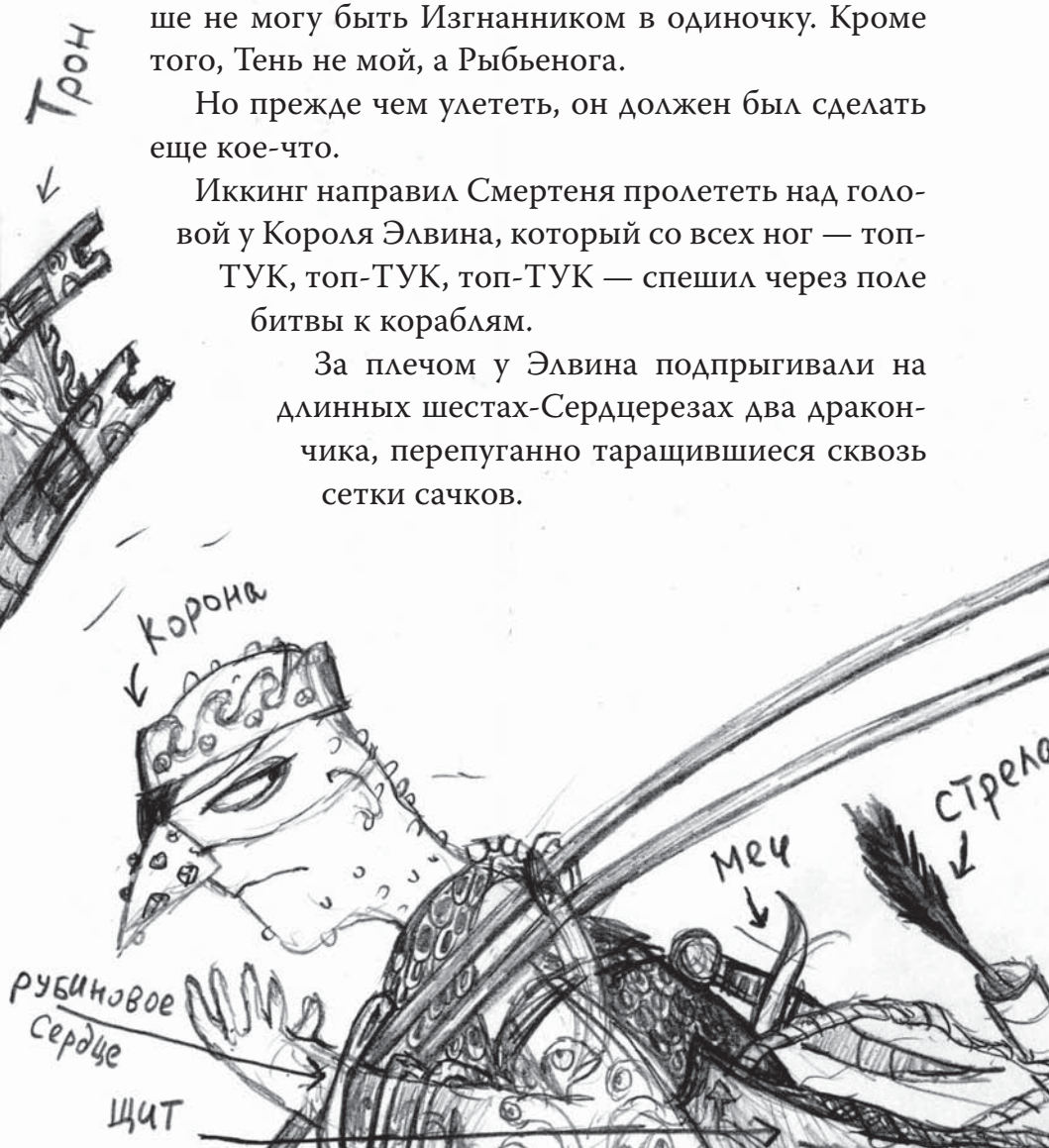
— Мы тоже едем? — спросила Камикадза.

— Конечно едете, — ответил Иккинг. — Я больше не могу быть Изгнанником в одиночку. Кроме того, Тень не мой, а Рыбьенога.

Но прежде чем улететь, он должен был сделать еще кое-что.

Иккинг направил Смертеня пролететь над головой у Короля Элвина, который со всех ног — топ-ТУК, топ-ТУК, топ-ТУК — спешил через поле битвы к кораблям.

За плечом у Элвина подпрыгивали на длинных шестах-Сердцерезах два дракончика, перепуганно таращившиеся сквозь сетки сачков.

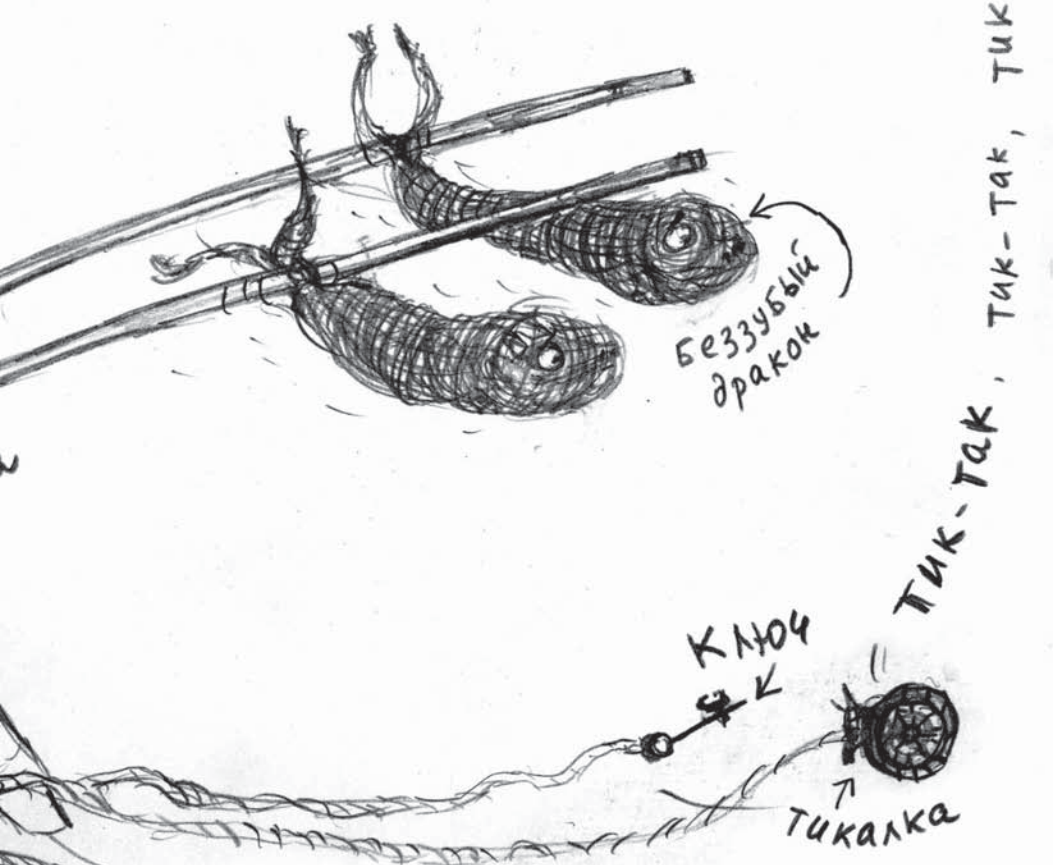


Смертень невидимкой завис прямо над ними.

Иккинг свесился со спины дракона и перерезал сачки. Одинклык и Беззубик радостно рванули вверх. Беззубик аж закукарекал от восторга.

И в этот самый миг Элвин взглянул наверх, машинально взмахнул крюком и зацепил цепочку Драконьего Камня, свисавшую с шеи Иккинга.

— Стреляйте в него! — заорал Элвин своим воинам.

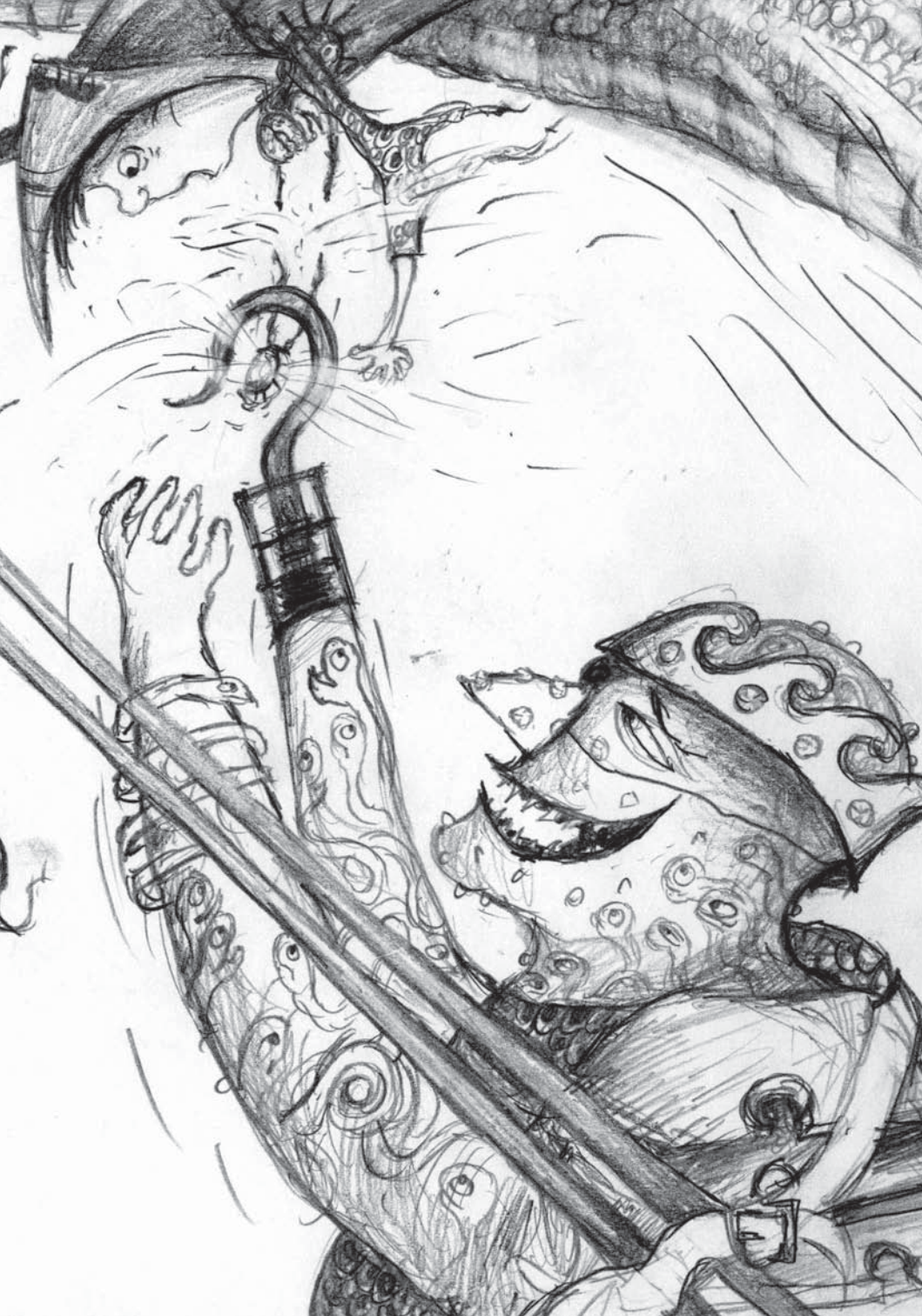


Замаскированный Смертень взмыл под дождем стрел, и цепочка порвалась…

Беззубик, Одинклык и Смертень взмыли над стеной, следом за ними летел шквал стрел… а…

— ЕСТЬ! — взвизгнул Элвин, поймав Камень здоровой рукой.

После всех поисков, всех треволнений, множества слов, что были сказаны об этом Геройском Походе, приходится признать: Камень в итоге оказался в гнусных ручонках Элвина.



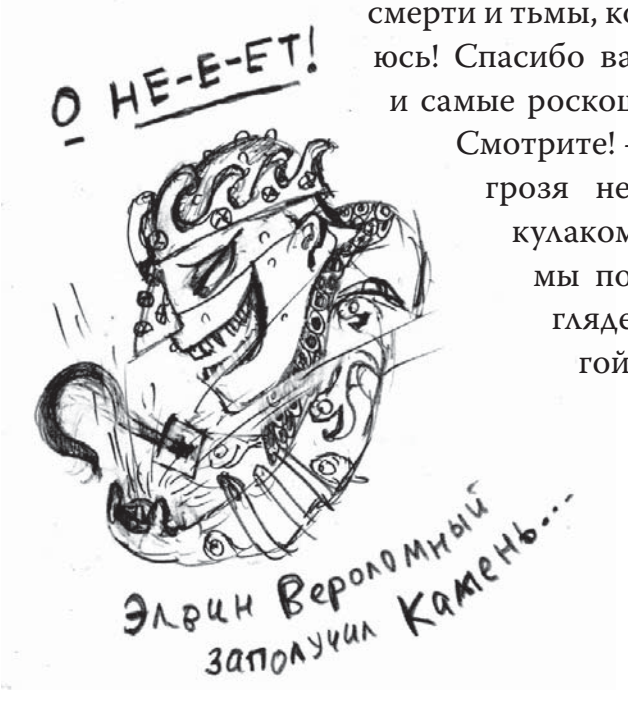
Обидно, а? Всего одно мгновение, одно неверное движение Героя, один прокол сосредоточенности — и все развалилось.

— НЕ-Е-ЕТ! — закричал Иккинг.

Жутко было видеть ведьмину физиономию, когда она разглядела повисшее на крюке у ее дорогого сыночка теплое золотое великолепие Драконьего Камня.

Экселлинор пронзительно вскрикнула и прямо посреди кровавой битвы вскинула свои белые, похожие на крылья нетопыря руки в ликующем победном жесте.

— Я знала, что не могла ошибиться в своих предсказаниях! — верещала ведьма. — Я знала, что не зря я такая гениальная! Спасибо вам, о силы смерти и тьмы, которым я поклоняюсь! Спасибо вам, самые гнусные и самые роскошные случайности! Смотрите! — прохрипела она, грозя небесам костлявым кулаком. — Смотрите, как мы побеждаем! Дай поглядеть, Элвин, дорогой, дай подержать.



Больно было видеть, как хрупкая янтарная красота Камня сияет

внутренним огнем в мерзких крючковатых пальцах злобной ведьмы.

Она целовала его сухими губами… ворковала над ним зловещим шепотом… И вот что она шипела, наконец-то заполучив его в свои руки:

— Берегитесь… Берегитесь, мелкие невинные существа, растущие под солнцем… Берегитесь, восхитительные драконы с гигантскими распахнутыми крыльями… ибо теперь мы можем повергнуть вас, вас, кто считает себя такими могущественными… мы можем сорвать вас с неба и смотреть, как вы съеживаетесь в грязи…

Она ухмыльнулась, и ухмылка эта была поистине пугающей.

— Берегитесь, драконы, — негромко прошептала ведьма, — ибо дни ваши теперь сочтены… Берегитесь… берегитесь… берегитесь…

Она вернула драгоценный Камень своему мерзкому сынку Элвину Вероломному, и он осторожно убрал добычу в бронированный нагрудный карман.

Так что Иккинг, конечно, нашел Драконий Камень, но это Сокровище пробыло у него в руках совсем недолго.

Теперь Камень оказался у Элвина, и Вероломный — топ-ТУК, топ-ТУК, топ-ТУК — торопился с ним на восток. Мать скакала за ним на четвереньках, словно оживший волчий скелет, а тикалка, болтавшаяся у Элвина на поясе, вызванивала новую и запутанную мелодию:

— Ти-и-и-ик-та-ак… ти-и-и-ик… та-а-а-ик… ти-и-и-и-и-ик… та-ии-ик…

А Беззубик, не подозревая о кознях ведьмы и ее ужасного сынка, был просто счастлив. Дракончик не мог нарадоваться тому, что воссоединился с хозяином.

— Кукареку-у! — кричал Беззубик. — Не волнуйся, Иккинг! Б'бе-без па-па-паники, все, Б'бе-беззубик тут! Самое важжжное Сокровище из всех!

Беззубик, Одинклык и Смертень поднялись над бастионами Черного Сердца, когда громадные ворота внизу распахнулись и люди хлынули наружу, спасаясь бегством.

Над головами у них, впервые за тысячу лет, драконы ворвались в Черное Сердце.

Драконье восстание текло по коридорам тюрьмы. Во дворе вертокруты поджигали длинные столы. Под ударами других драконов башни с грохотом рушились внутрь, засыпая подземелья, где предки нынешних победителей веками томились в цепях.

В заливе Драконьих Скелетов, посреди хаоса припал ко дну дракон Ярогнев. Он безжалостно

обшаривал небо над головой лучами своих глаз-прожекторов, не обращая внимания на корабли викингов, которые лавировали под пылающими парусами среди драконьих останков вокруг него, пробивая себе взрывалками путь к отступлению.

— Мальчишка… — шипел Ярогнев. — Где мальчишка по имени Иккинг?

Ярогнев, конечно, правильно догадался. Мальчишка был тут, невидимкой паря над громадной драконьей головой верхом на Смертене.

На один-единственный миг Ярогнев его увидел. Должно быть, вспышка очередной взрывалки застала Смертеня врасплох, и тот от неожиданности на мгновение сделался видимым, и вот он, Иккинг, верхом на нем, прямо в лучах глаз Ярогнева.

Ярогнев увидел Смертеня… он был уверен, что видел его… и испустил вопль бешеного изумления. Дракон, которого он послал убить Иккинга, дракон, который утверждал, что ненавидит людей жгучей ненавистью, переметнулся и теперь помогал мальчишке!

Как это может быть? Он же выбрал этого дракона в первую очередь за его ненависть к людям… Он выбрал этого дракона именно потому, что он так походил на самого Ярогнева…

Но вот он, Иккинг, четко вырисовывающийся на спине Смертеня, рядом с ним Камикадза и Рыбьеног, три мелких охотничьих дракона вьются над

ними, как мухи, а три головы Смертеня — Невинность, Гордость и Терпение — бьют молниями в три разные стороны.

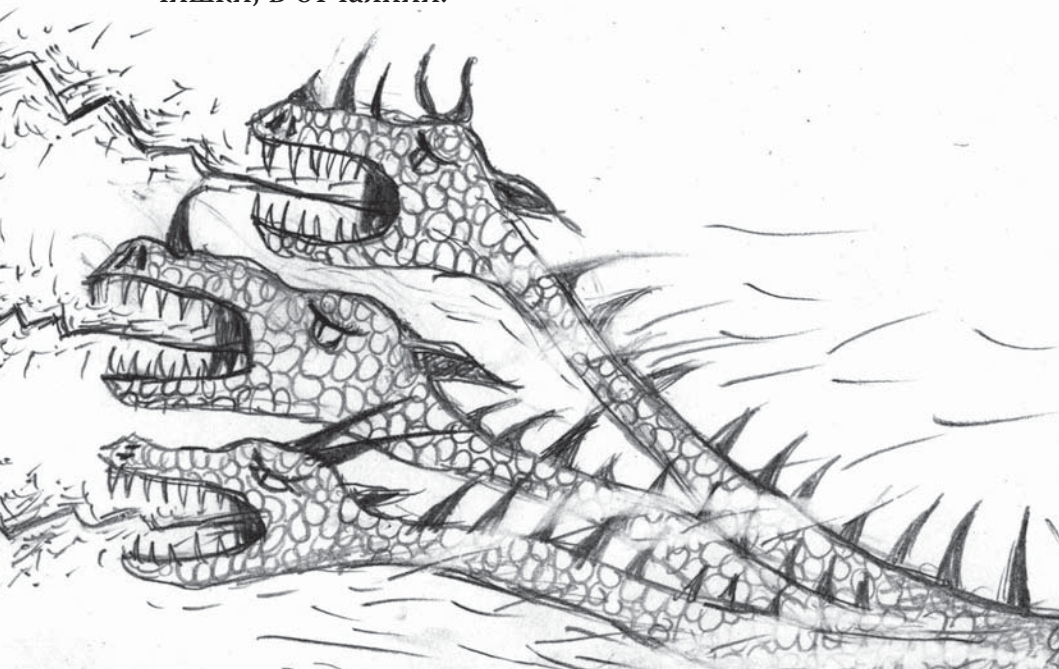
Как мальчишке это удалось?

Что в нем такого?

Ярогнев расправил гигантские синие крылья и рванулся вверх в последней отчаянной попытке перехватить врага.

Только что мальчишка верхом на драконе был тут, а в следующий миг дракон слился с серым грозовым небом. Дракон, мальчишка и их спутники просто исчезли, и Смертень, снова невидимый, понесся по небу.

Громадные челюсти Ярогнева сомкнулись в пустоте. Гигантские когти полоснули воздух. Он рухнул обратно в залив Драконьих Скелетов, без мальчишки, в отчаянии.



Ярогнев взвыл и помчался по заливу, расшвыривая огромные валуны, вырывая с корнем всякую живую растительность, какая попадалась, выдирая прозрачные травы на островках, где не было мальчишки. Его Мятежные драконы, вертокруты и свиреподы, скулили, как шавки, и старались убраться с дороги.

Наконец Ярогнев спалил одним пронзительным потоком белого пламени весь залив, уничтожил его в горниле своей побежденной и разочарованной ярости.

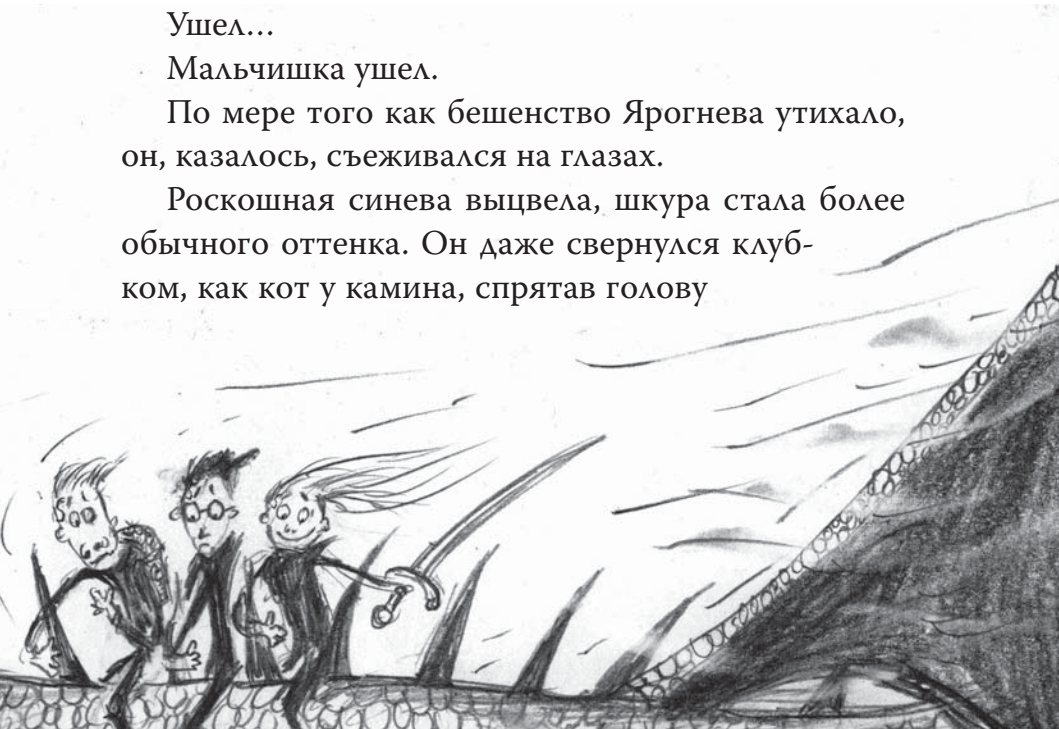
И припал к земле, тяжело дыша, посреди пожара, словно огромный синий кот в центре громадного ночного кладбища костей соплеменников-драконов. Теперь в его пылающих глазах был страх.

Ушел…

Мальчишка ушел.

По мере того как бешенство Ярогнева утихало, он, казалось, съеживался на глазах.

Роскошная синева выцвела, шкура стала более обычного оттенка. Он даже свернулся клубком, как кот у камина, спрятав голову



в драконьих лапах, словно испугался, словно не хотел заглядывать в будущее.

Сердобольный человек мог бы и пожалеть это великое создание, преклонившее свою бедную, испещренную шрамами голову на зажженное им же самим обжигающее пламя, словно на подушку.

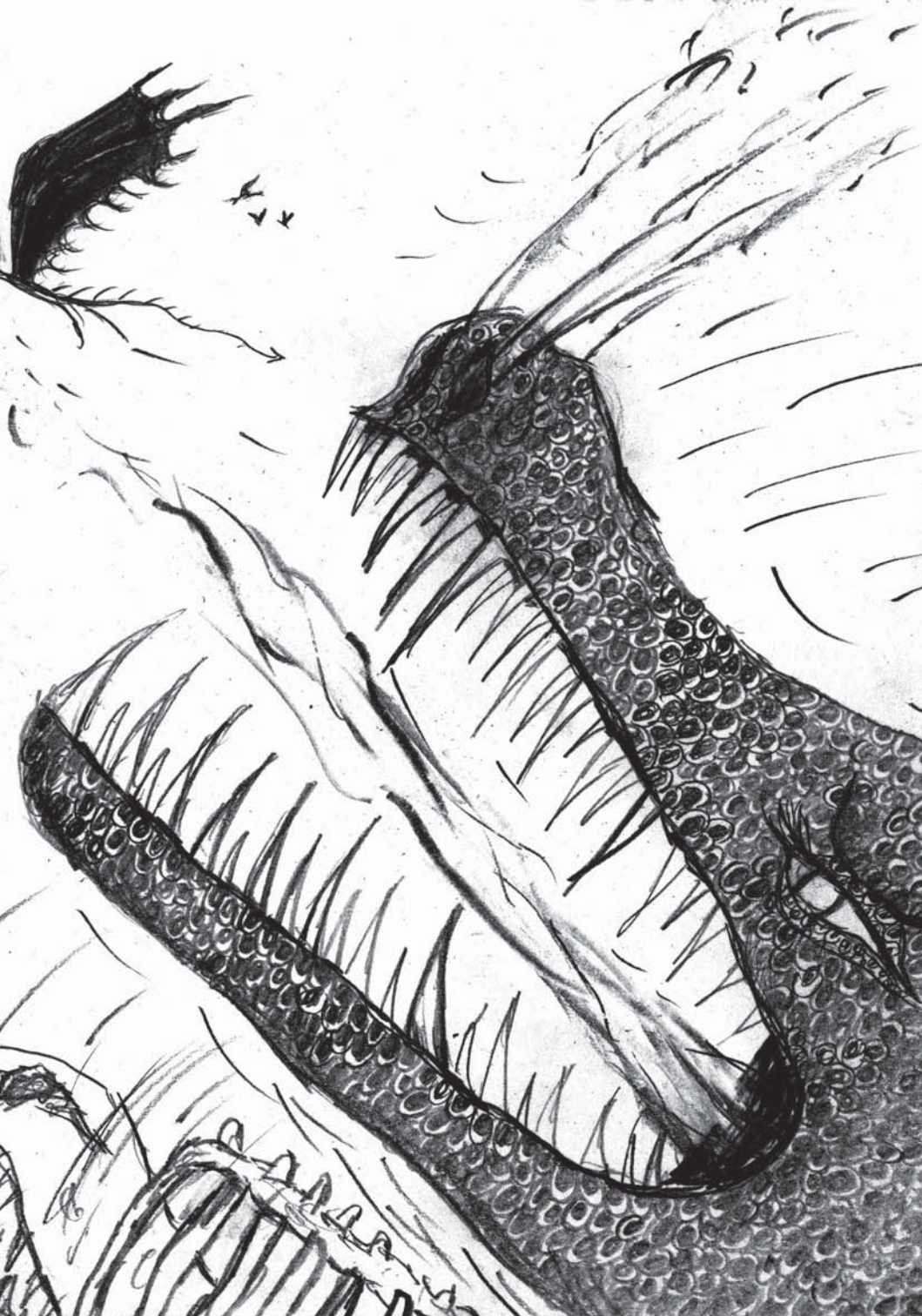
— Еще одна возможность упущена, — шептал дракон себе под нос. — Неужели нам правда предстоит исчезнуть? Не может же быть, чтобы такова была судьба драконов?

Громадный моредраконус Громовик радостно прискакал сообщить предводителю новости:

— Мы победили, Ярогнев! Черное Сердце пало!

Это был миг славы для драконов. Викинги сбежали — едва сумели унести ноги. Викингам вообще повезло, что хоть кто-то из них пробился через раскаленную добела ярость Драконьего восстания в ту ночь.

Только ценой жестоких битв, где пригодилось все их умение обращаться с мечом, копьем и щитом, удалось викингам уйти на своих кораблях, простреливая и прорубая себе путь через бесчислен-



ные когти и зубы, сквозь потоки безжалостного драконьего пламени.

Но даже при этом корабли были залиты кровью и горели, паруса пылали, и многие так и не вернулись.

Воины Печати Дракона направились к Бойбабьим островам, а ведьма и ее армия — в земли Страхолюдов на востоке.

Драконы наконец заполучили Черное Сердце.

Поэтому Громовик удивился, обнаружив Ярогнева в глубоком отчаянии.

— Ярогнев… Что не так? Это же наш триумф!

— Ты не понимаешь, — простонал Ярогнев. — Иккинг удрал.

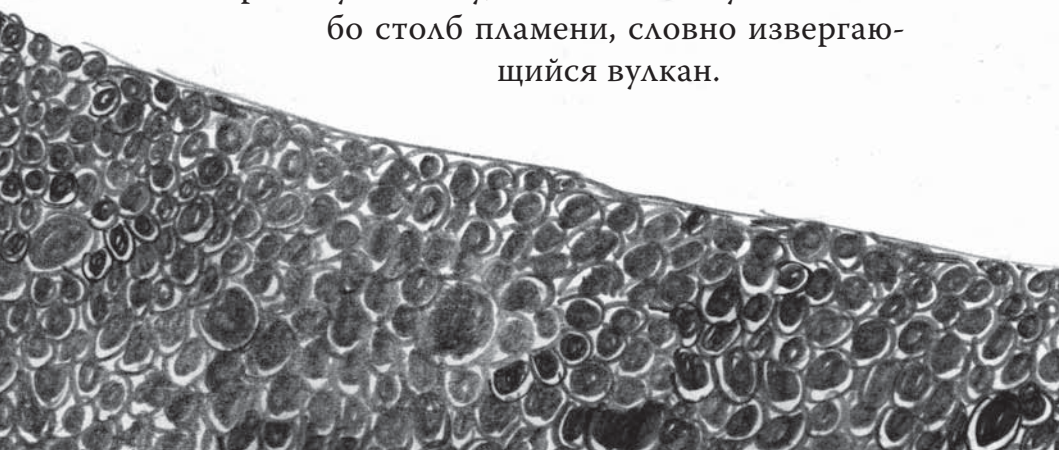
— Но он же всего лишь человеческий мальчишка, — удивился Громовик. — Вряд ли один-единственный человеческий мальчишка, такой малень-

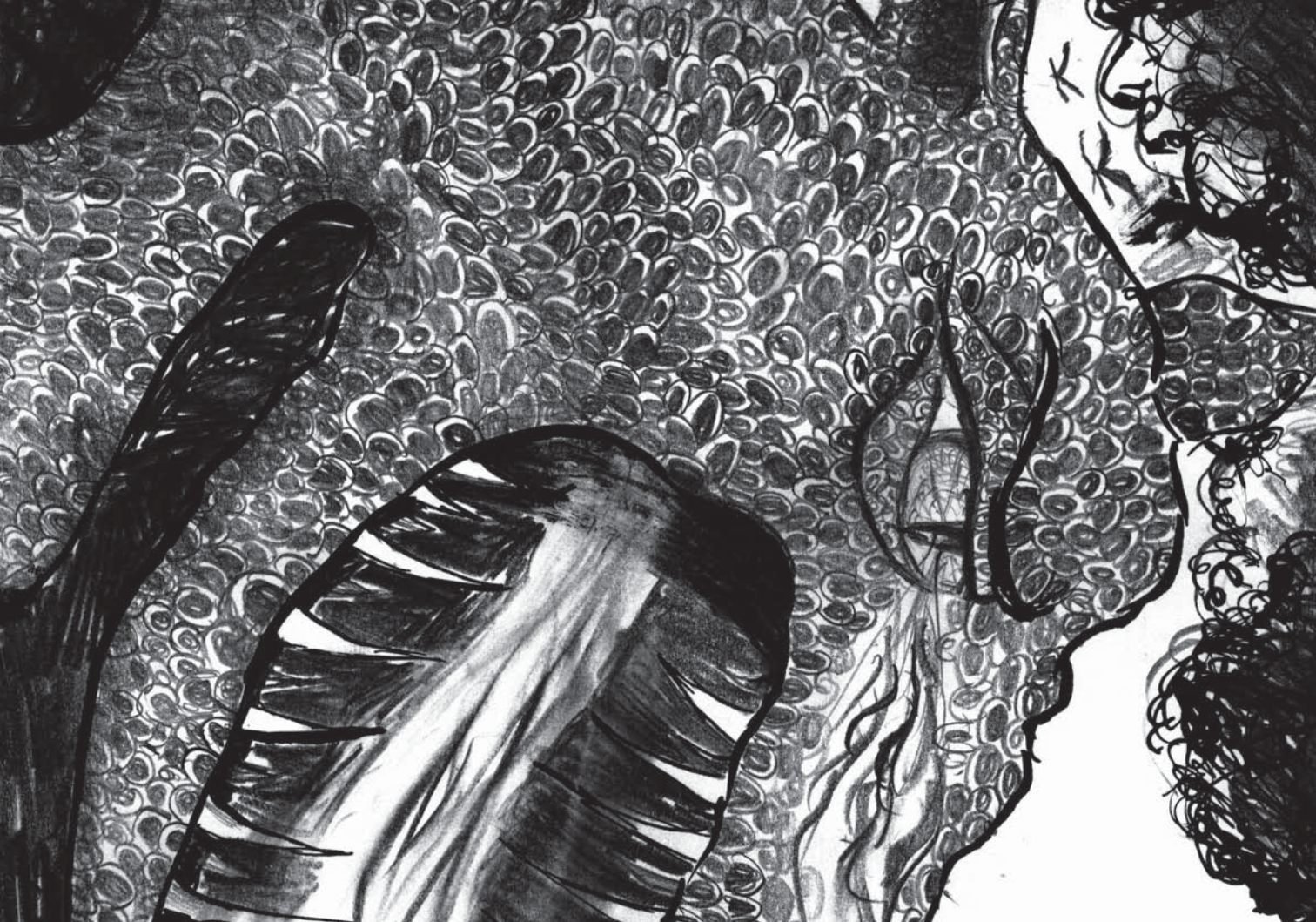
кий, такой розовый, ни когтей, ни огня… вряд ли один-единственный человеческий мальчишка может значить так много, правда же?

— Это не обычный мальчишка, — отозвался Ярогнев.

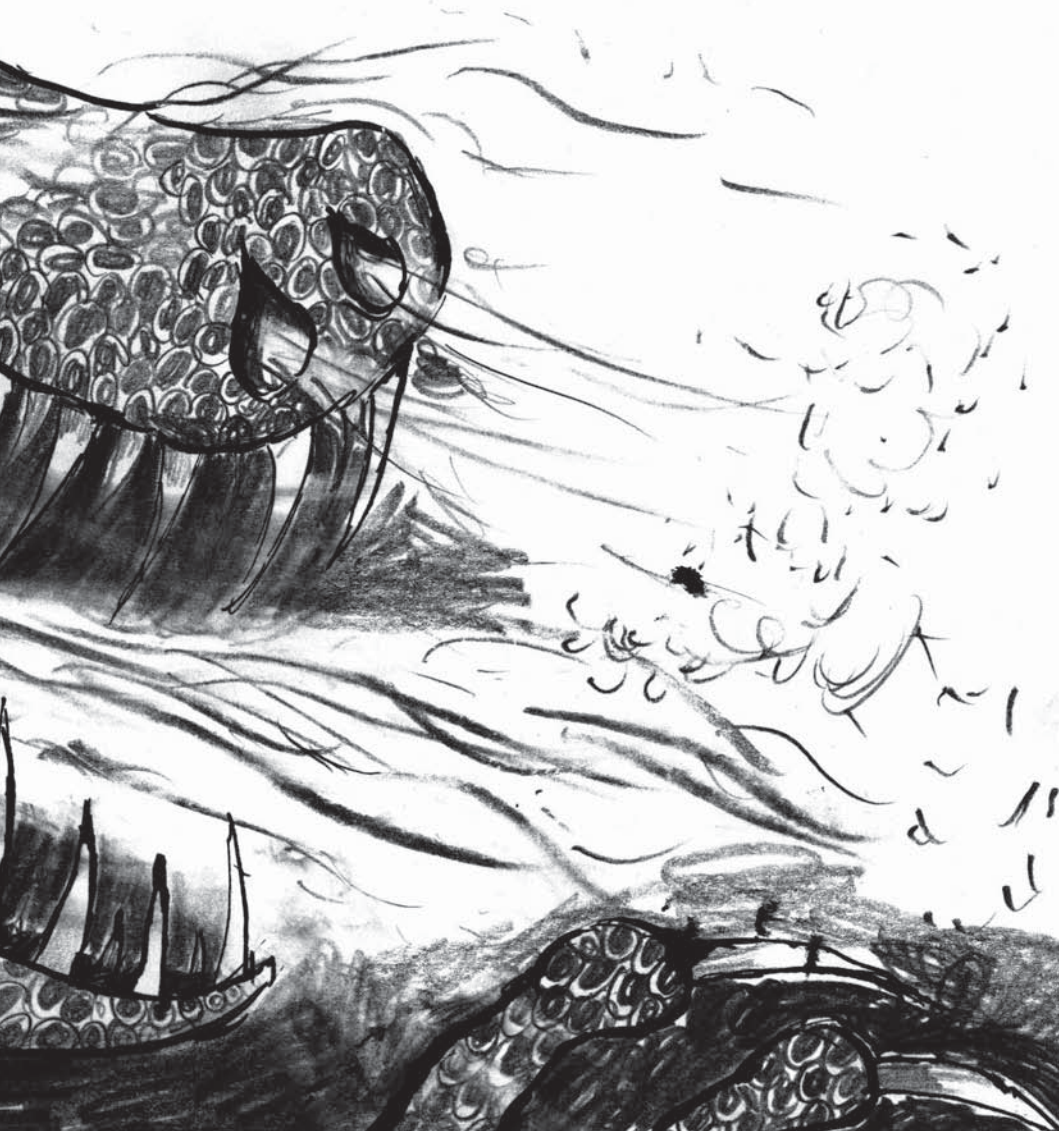
И тут он развернулся и поднялся, медленно, грозно, словно феникс из пепла. Тело его снова начало наливаться синевой.

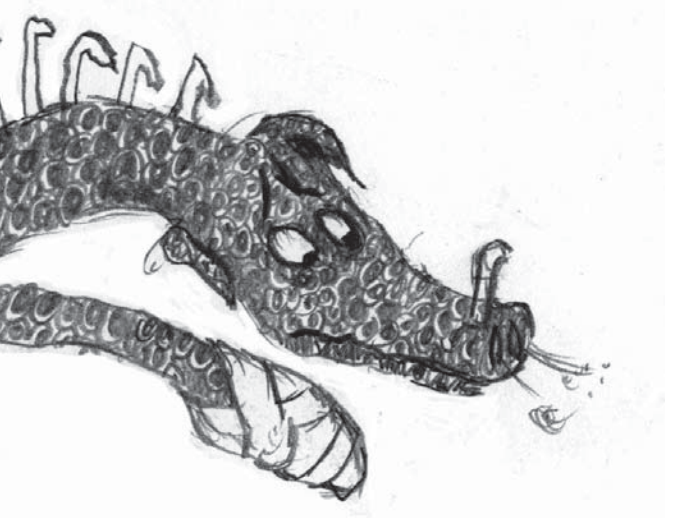
— Он не должен стать взрослым, — сказал Ярогнев, словно давал сам себе клятву. — Он не должен добраться до острова Завтра. Никогда больше я не повторю ошибку и не доверю убить его кому-либо другому, — тяжело дыша, произнес дракон. — На сей раз я убью его сам… Я стану искать его везде. Я порву мир на кусочки в поисках его. Нигде ему не укрыться от меня: ни в пещере, ни в скалах, ни под камнями, ни на острове. Я обращу весь этот мир в пепел в погоне за ним. Услышьте же клятву Ярогнева! — вскричал дракон, все тело его хрипело от ярости такой сильной, что даже его глазные яблоки начали дымиться и сочиться огнем, и запрокинул голову, с воплем выпустив в небо столб пламени, словно извергающийся вулкан.





МАЛЬЧИШКА НИ ЗА ЧТО НЕ ДОЛЖЕН ДОБРАТЬСЯ ДО ОСТРОВА ЗАВТРА!





31. ТАЙНОЕ УБЕЖИЩЕ

Где-то неподалеку (где именно, не скажу, потому что это ведь тайное убежище Иккинга и его правда очень нужно держать в секрете) Ветрогон лежал перед входом в пещеру, окруженным колючими кустами.

Он лежал там, охраняя вход, уже почти три дня. Мокрый и замызганный, уши печально повисли, шипы на спине обмякли и покосились от одиночества. Ветрогон лежал и слушал, как беснуется Ярогнев, и тосковал.

И тут…

Он принюхался, поглядел вверх…

…уши у него встали торчком: он вдруг понял, что происходит. Да и у вас тоже уши бы зашеве-

лились, если бы сверху к вам откуда ни возьмись спустилось полупрозрачное облако и медленно превратилось в страшенного, тяжело вооруженного трехглавого дракона-смертеня.

Однако через крыло Смертеня перевесился Иккинг и прокричал вниз:

— **Не волнуйся, Ветрогон, это мы!**

Ветрогон взлетел поприветствовать спускавшийся к нему крылатый ужас и принялся наматывать вокруг Смертеня кольца в безумной радости.

Поздней ночью они все набились в пещерку, которая находилась не скажу где, потому что секрет. Было тесновато. Пусть маскировка и делала Смертеня невидимым, меньше он от этого не становился. Он был очень большой дракон, и, когда он забрался в пещеру, остальным едва хватило места.

В отсутствие хозяина Ветрогон каждый день ходил на промысел и наловил кучу рыбы в надежде на возвращение друзей. Так что вечер удался на славу. Все радовались, что снова вместе, и вспоминали победы и успехи дня.

— **Да-да-да, Буримуха,** — разливался счастливый Беззубик. — **Одинклык Отчаянный и я вы-вы-выжглись из этих сачков — пиу! пиу! пиу!** — тремя зал-

пами нашего су-супермосч'чного огня и... — И так далее.

Тем временем Буримуха, сверкая на дракончика хитрыми глазами, слопала половину его порции макрели.

— **Беззубик,** — с мягким укором сказал Одинклык.

Десятеро друзей до отвала наелись рыбы в ту ночь, больше уже просто не лезло. От еды и от переживаний дня Иккинг и остальные были почти пьяны и ржали до слез над всякой ерундой.

Во время войны или смертельной опасности такие минуты счастья становятся значительнее: они делаются еще приятнее, еще драгоценнее.

Иккинг заснул одним из последних.

Но вскоре он проснулся от грохота — Ярогнев решил разнести по камешку тюрьму Черное Сердце. Это разбудило Иккинга, и внезапно все тепло и счастье вечера, казалось, испарились, уступив место холодному ужасу. Сердце его бешено заколотилось.

Остальные так вымотались, что по-прежнему крепко спали.

Но — мырг, мырг — на груди у Иккинга затеплилась пара огоньков. Одинклык ласково посветил лучами в глаза Иккингу. Казалось, старый дракон сразу догадался, о чем Иккинг думает. И начал болтать в надежде подбодрить мальчика.

— Вот, — начал Одинклык, — я же говорил тебе, твоя Геройская Задача очень проста. Видишь, чего можно достичь, если отдать ей все силы и помыслы? Ты нашел друга... Нашел Сокровище... Даже если оно временно попало к Элвину в лапы, оно наверняка скоро вернется к тебе... — Одинклык старался говорить с уверенностью, которой на деле не испытывал. — И ты больше не один. Посмотри, как набита эта пещера! У тебя теперь есть твои товарищи-люди, — он обвел крылышком Рыбьенога и Камикадзу, — не говоря уже обо всех последователях, которых твоя восхитительная матушка привлекла на твою сторону своей Драконьей Печатью. Какой же она великолепный воин! — восхищенно проговорил Одинклык. — В любом случае, — продолжал старый дракон, — как я говорил, дальше — пара пустяков. Теперь, когда все Утраченные Сокровища найдены, тебе остается только явиться на остров Завтра, короноваться вместо Элвина Вероломного, узнать Тайну Камня и с ее помощью убедить Ярогнева прекратить войну... Понимаешь, о чем я? Проще простого.

Иккинга было не так просто утешить.

— Ты кое-что забыл, — сказал он. — Я только что слышал Ярогнева, и что-то мне под-

сказывает, что договориться с ним невозможно. И у Элвина Вероломного девять Утраченных Сокровищ. Это может убедить Завтрашних Людей, что Элвин и есть истинный Король. У меня-то только одно. И у Элвина Драконий Камень, а мы знаем, что Элвин за человек. Он глазом не моргнув употребит могущество Камня, чтобы уничтожить драконов.

— Но Элвин ничего не сделает с Камнем... пока что, — возразил Одинклык. — Ему нужно отнести Камень на Завтра, если он хочет сам стать Королем. И тайну Камня Элвин узнает, только если станет Королем. Нам нечего бояться... по крайней мере, сейчас.

Иккинг сел на травяной постели: его вдруг охватили тревога и отчаяние.

Он серьезно посмотрел прямо в карие глаза старого дракона:

— А тебя не беспокоит, Одинклык, что Драконий Камень пробыл у меня всего несколько минут, прежде чем попал в руки Элвину Вероломному?

Одинклык промолчал.

— Я все тревожился и тревожился об этом. Помнишь, как ты в последний раз поверил человеку с Драконьим Камнем, Иккингу Первому? И как вскоре Камень попал в ру-

ки Чернобороду Оголтелому? Что, если история повторяется? Да, вроде как я собираю все эти Сокровища, но потом-то они оказываются в руках Элвина Вероломного... Может, тебе не следовало доверять мне, Одинклык, — сказал Иккинг. — Что, если Ярогнев прав? Он сказал мне, что я отправлю драконов в окончательное небытие... Может, это потому, что я собрал все Утраченные Сокровища, а теперь Элвин хочет использовать их, чтобы уничтожить драконов. — Иккинг в ужасе спрятал лицо в ладонях. — Мне невыносимо думать об этом — но и Смертень то же самое говорил: Элвин не завладел бы Камнем, если бы я его не отыскал. Если это правда, тогда, получается, я во всем виноват?

Мысль была поистине ужасная. Мир без драконов. Мир без Ветрогона. Больше не летать на нем верхом. Не парить в облаках под мерные взмахи Ветрогоновых крыл, вверх, вверх, вверх, не смотреть на разбросанные далеко-далеко внизу острова архипелага...

Мир без Беззубика, который восседает на руке, поглядывает на тебя этак капризно, невинно хлопает нефритовыми глазками и говорит, что сделает то, о чем ты просишь, он обесч'чает, век рыбы не видать, — а потом улетает и делает то, что хочет?

Нет, слишком жутко об этом думать. И во всем этом будет виноват Иккинг?

Нет и еще раз нет. Никогда, никогда, никогда!

Но опять-таки, даже если намерения у тебя самые лучшие, все может пойти прахом…

— **Чушь и ерунда,** — возразил Одинклык. — **Ты молод. Оставь эти тревоги нам, старикам. Я верю в тебя, Иккинг. Кроме того, не забывай, у Элвина не ВСЕ Утраченные Сокровища… одно по-прежнему у тебя, то, которое тебе всегда удавалось держать при себе.** — Он указал крылышком на Беззубика.

Дракончик крепко спал, свернувшись обнадеживающе теплым, плотным, тяжелым и живым клубочком у Иккинга на животе, и пускал большие кольца серого дыма. Поэтому он заставил их обоих подскочить, когда громко и четко произнес во сне: **«Да, я — Утраченное Сокровище… и самое важное из всех… Спасибо… Вежжли-ливо…»**

Иккинг и Одинклык вместе рассмеялись, и Иккинг наконец уснул.

Но теперь сон покинул Одинклыка.

Вскоре старый дракон подлетел к выходу из пещеры и, свернувшись морщинистым колечком, уставился в ночное небо.

— **Должен признаться,** — сообщил Одинклык звездам, — **меня это тоже несколько беспокоит. Что я могу сделать, чтобы не допустить этого? Прав ли я, что доверяю мальчику?**

Жизнь без драконов казалась невозможной. Стоило лишь взглянуть на мир, полный драко-

нов, драконов всех форм и размеров… Огромных, больше синего кита, полуплывущих, полулетящих по океанам. Крохотных нанодракончиков, скачущих в вереске в бесчисленном множестве. В скалах и лабиринтах валунов у кромки прибоя тоже бурлила драконья жизнь…

Такова была щедрость природы и многочисленность драконьих видов, что драконы просто не могли исчезнуть.

Звезды смотрели сверху вниз на Одинклыка, подмигивали ему, как делали тысячи лет.

И конечно, звезды не отвечали.

Поэтому Одинклык сам ответил на свой вопрос:

— **Возможно, я глупый, сентиментальный старый дракон, который никогда не учится на собственных ошибках. Но мне приходится верить, что люди и драконы способны ужиться. Я вынужден надеяться, что невозможное возможно. Я должен верить в мальчика и надеяться на лучшее…**

Эпилог Иккинга Кровожадного Карасика III, последнего из великих героев-викингов

Мне плохо спалось прошлой ночью. Я старый человек, и мне снилось, что я отправился обратно в Янтарные Рабовладения и лечу над теми ветреными песками, словно я Смертень, следующий за цепочкой следов через пустыню.

Сначала я думал, что это следы Чудища.

А потом сообразил, что это следы меня самого, когда я был ребенком.

Вскоре я нагнал его. Пугало, а не мальчишка упорно пробивалось через эти ужасные пески. И в этом сне налетел огромный ветер, и все вокруг почернело. Мимо неслись пылающие останки прошлого этого мальчишки — дома Хулиганской деревни, где он вырос, кости из залива Драконьих Скелетов — все уносили ветра начатой Иккингом войны.

Но мальчик все шел вперед и вперед, в сторону Завтра.

Как там говорила моя мать, Валгалларама? «Не будь слишком суров к себе, Иккинг, если в итоге все обернется плохо…»

Я знаю, что ждет Иккинга на Завтра, поэтому во сне я пытаюсь крикнуть мальчику-кем-я-некогда-был:

— Вернись! Не ходи на Завтра! Оставайся там, где ты есть!

Но разумеется, он меня не слышит.

— СТОЙ! — кричу я во сне, но как он может расслышать меня сквозь вой ветра, сдувающего весь мир вокруг него?

А даже если бы расслышал, возвращаться ему поздно. Ветра Янтарных Рабовладений уже раздули восстание. Они спалили маленькую Хулиганскую деревню, где я вырос. Никто не смог бы жить в этих черных дымящихся развалинах.

И даже если бы он мог меня слышать, хотел бы я, чтобы он что-то сделал по-другому? Хотел бы я взаправду остановить тикалку, чтобы время замерло, чтобы Иккинг никогда не вырос или стал другим?

Это все его… нет, это моя вина, но если бы Иккинг сделал другой выбор, в Янтарных Рабовладениях до сих пор томились бы рабы, Эггингарда никогда не вернулась бы в объятия мамы-Медведицы, Ярогнев по-прежнему страдал бы в цепях, а мир так и застрял бы в ужасных варварских временах рабов и тиранов, ведьм и бессердечных чудовищ.

Понимаете, ведь взрослел не только Иккинг — взрослел весь мир вокруг него. А когда взрослеют целые миры, это больно и трудно.

Стоило ли ради этого ввергать архипелаг в пламя?

Не знаю, вам решать.

Но Иккинг мог быть только тем, кем он был. Поэтому его шаги не останавливаются. Они ведут вдаль. С каждым шагом он становится чуть старше, чем прежде, медленно приближаясь ко мне и к Завтра.

Глава моей жизни, через которую Иккинг только что прошел, это история о трех матерях: Валгаллараме, Медведице и Фурии. Даже когда их нет рядом, даже когда мы не можем их видеть, даже когда их разлучают с нами походы, рабство или сама смерть, они все равно присматривают за нами, скучают по нас, любят нас, хоть и прячутся в облаках, невидимые для наших глаз, словно Смертень. У холодных походных костров они думают о нас, видят нас во сне, любят нас из дальнего далека.

Мама Рыбьенога не могла вернуться, чтобы обнять его. Она ушла за стеклянную стену смерти. Но она по-прежнему прижимала ладонь к стеклу с той стороны к ладошке Рыбьенога с этой и вселяла в него волю жить, ходить, смеяться, любить. Если бы она могла поддерживать его, быть рядом с ним, если бы могла проникнуть сквозь стекло одной безнадежной тоской своей любви…

И возможно, она все-таки была рядом и любила его.

Сияние глаз Фурии некогда отразилось в шести глазах Смертеня. Теперь их отражение сияло

глазам Рыбьенога. Так что порой выходило, почти как если бы она смотрела на него сама. Когда Тень закрывал собой Рыбьенога, защищая его, это было эхо того, как обнимала когда-то давно Фурия самого Теня.

Прошлое никогда не покидает нас окончательно.

А теперь я, глубокий и дряхлый старик, парю над собой-ребенком, словно покойная мать. И я тревожусь за будущее Иккинга, потому что оно мне уже известно, и я хочу защитить мальчика от боли.

И в то же время я радуюсь за него, потому что знаю, что будущее — причудливая смесь радости и печали.

Поэтому я внезапно отбрасываю страх и больше не кричу: «Стой!»

Теперь я кричу совсем иное:

Вперед, Иккинг!

Мужайся!

Иди к Завтра…

И мы встретимся там, на Последнем Приюте…

О боги, теперь все еще хуже, чем в конце предыдущей книги, и дракон Ярогнев поклялся сам **УБИТЬ** *Иккинга...*

Какой путь изберет Сморкала, последует он за ведьмой или пойдет с Иккингом?

Как сумеют Десять Воинов Драконьей Печати остановить Элвина, у которого теперь **ДЕВЯТЬ** *Утраченных Королевских Сокровищ?*

Все они должны добраться до острова Завтра для
ПОСЛЕДНЕГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ...

Сумеет ли Иккинг спасти драконов от уничтожения?

Читайте в следующем томе мемуаров Иккинга...

~ СОДЕРЖАНИЕ ~

Пролог, написанный Иккингом Кровожадным Карасиком III, последним из великих героев-викингов 9

1. Воин 15
2. Некоторые трудности взаимопонимания 41
3. Иккинг должен умереть 60
4. Неблестящий план Иккинга 66
5. Не по ту сторону от двери 78
6. Ведьма Экселлинор слегка недовольна. Ой-ой... 98
7. Поистине страшная сказка — не читайте перед сном! 106
8. Сбор янтаря в Янтарных Рабовладениях ... 128
9. Проклятые Земли 144
10. Смертень 160
11. Настоящий сюрприз 163
12. Медведица 179
13. Прошлое настигает 185
14. Элвину улыбается удача 188
15. Иккинг отправляется на поиски сокровища . 205
16. Трехглавый смертень 214
17. Прошлое настигает. Или мы об этом уже говорили? 225
18. В поисках Рыбьенога 232
19. Чудище и мальчик-раб 235
20. О боги... 242
21. История из прошлого 245

22. Что было дальше 261
23. Некоторые драконы — и правда чудовища . . 266
24. Красная селедка подмигивает 281
25. Вроде жив 288
26. Призрак прошлого 295
27. История кончается, как и начиналась... 304
28. Навстречу кошмарам... И Элвину с ведьмой 308
29. Неожиданный поворот 332
30. Битва при Черном Сердце 344
31. Тайное убежище 368
Эпилог Иккинга Кровожадного Карасика III, последнего из великих героев-викингов 377

Литературно-художественное издание
Для среднего школьного возраста
СЕРИЯ «КАК ПРИРУЧИТЬ ДРАКОНА»

КРЕССИДА КОУЭЛЛ

КАК ОТЫСКАТЬ ДРАКОНИЙ КАМЕНЬ

Ответственный редактор *Анастасия Бутина*
Редактор *Нат Аллунан*
Художественный редактор *Татьяна Павлова*
Технический редактор *Валентин Бердник*
Корректоры *Маргарита Ахметова, Лариса Ершова*
Компьютерная верстка *Валентина Бердника*
Главный редактор *Александр Жикаренцев*

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, Москва, Павловская ул., д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.): 12+
Товар соответствует требованиям ТР ТС 007/2011 «О безопасности продукции, предназначенной для детей и подростков».
Подписано в печать 12.04.2021. Формат издания 60×90 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 24.
Тираж 3000 экз. Заказ №
Дата изготовления 04.05.2021.
Срок службы (годности): не ограничен.
Условия хранения: в сухом помещении.
Отпечатано в России.
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru
C-KPD-18034-05-R

Уже год бушует война между драконами и людьми. Викингские племена признали Элвина Вероломного будущим Королем Дикозапада, а Иккинг Кровожадный Карасик III остался почти в одиночестве. Но настоящим Королем может стать только тот, кто соберет все десять Утраченных Королевских Сокровищ. Иккингу удалось отыскать девять из них. Восемь отобрал у него Элвин, и только маленький дракон Беззубик остался при Иккинге. Однако самое ценное, самое судьбоносное Сокровище, Драконий Камень, пока никто не нашел...

Именно по мотивам этого сериала был снят знаменитейший мультфильм „КАК ПРИРУЧИТЬ ДРАКОНА"!

Я — самое луч'чшее сокровисч'че!

Беззубик, дракон Иккинга

ISBN 978-5-389-10006-0 05

9 785389 100060

EAC